

ГЛЕН КУК

Х · Р · О · Н · И · К · И

ЧЕРНОГО
ОТРЯДА

Звезды
НОВОЙ
ФЭНТЕЗИ

Звезды новой фэнтези

Глен Кук

**Хроники Черного Отряда: Черный
Отряд. Замок Теней. Белая Роза**

«Азбука-Аттикус»

1984, 1985

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Кук Г. Ч.

Хроники Черного Отряда: Черный Отряд. Замок Теней. Белая Роза / Г. Ч. Кук — «Азбука-Аттикус», 1984, 1985 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-15210-6

Тьма сражается с тьмой, а Черный Отряд кочует из страны в страну и нанимается к тем, кто готов платить – хоть за доблестную битву, хоть за кровавую расправу. В целом мире не сыщется равных этим суровым, закаленным воинам, привыкшим свои сомнения хоронить вместе со своими павшими братьями. Уже не счесть, который раз они сменили хозяина. Теперь их в бой посылает чудовищная Госпожа, а в подручных у нее самые могущественные колдуны – Десять Взятых. Но сильны и враги, поднявшие мятеж против Госпожи. Их войска неисчислимы, и они верят, что сбывается древнее пророчество: где-то уже родилась Белая Роза, которая приведет их к победе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-15210-6

© Кук Г. Ч., 1984, 1985
© Азбука-Аттикус, 1984, 1985

Содержание

Черный Отряд	6
1	6
2	30
3	60
4	85
5	114
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Глен Кук

Хроники Черного Отряда

Черный Отряд; Замок Теней; Белая Роза

Glen Cook

CHRONICLES OF THE BLACK COMPANY:

THE BLACK COMPANY

SHADOWS LINGER

THE WHITE ROSE

Copyright © 2007 by Glen Cook

All rights reserved

© А. Новиков, перевод, 2018

© Д. Смушкович, перевод, 2018

© М. Шведов, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

Лучшая темная фэнтези за всю историю жанра.

Своим циклом о Черном отряде Глен Кук в одиночку изменил лик фэнтези, хотя тогда очень многие этого не поняли, а возможно, не понимают и сейчас. Он опустил жанр на человеческий уровень, обильно наполняя свои романы архетипическими образами принцев, королей и злых чародеев. Его книги дают тот же эффект, что и проза о вьетнамской войне в сочетании с мескалином.

Стивен Эриксон, автор «Садов луны»

Хотя Кук не спешит делать поправки тем, кто читает его впервые, поклонники могут насладиться схватками на мечах и могущественной магией, и все это на фоне напряженной и сложной борьбы за власть.

Publishers Weekly

Черный Отряд

*Этот роман посвящается
членам Общества научной фантастики Сент-Луиса.
Я люблю вас всех*

1

Посланник

Одноглазый сказал, что чудес и знамений было предостаточно и если мы неправильно их истолковали, то винить нам следует лишь себя. Все мы крепки задним умом, но Одноглазому в этом нет равных. Это все, наверное, из-за увечья.

Молния, сверкнув посреди ясного неба, поразила Некропольский холм – задела бронзовую табличку, запечатывавшую склеп форвалак, и вдвое ослабила сдерживающее их заклинание. Выпал каменный град. Закровоточили статуи. Жрецы нескольких храмов сообщили о жертвенных животных, у которых то сердца не было, то печени. Одна почти выпотрошенная жертва даже сбежала – ее так и не поймали. В Развильных бараках, где размещались городские когорты, образ Теуса повернулся кругом. Девять вечеров подряд десять черных стервятников кружили над Бастионом, а потом один из них прогнал орла, обитавшего на верхушке Бумажной башни.

Астрологи отказывались глядеть в небеса, опасаясь за свою жизнь. По улицам бродил безумный предсказатель, возвещающий близкий и неизбежный конец света. А на фасах покинутого орлом Бастиона плющ засох и сменился каким-то ползучим растением, чьи листья теряли черноту лишь при самом ярком солнечном свете.

Но подобное случалось и раньше, из года в год. Задним числом что угодно можно выдать за предвестие, тут большого ума не надо.

И все же события не должны были застать наш Отряд врасплох. Как-никак у нас четыре собственных колдуна, пусть и со скромными способностями. Конечно, столь изощренным искусством, как гадание на овечьих потрохах, наши колдуны не владеют, но худо-бедно они должны охранять нас от таящихся в будущем опасностей.

Впрочем, лучший авгур всегда тот, кто предсказывает будущее по знамениям прошлого. Его успехи зачастую поразительны.

Берилл непрерывно трясло и шатало, он мог в любую минуту рухнуть в пропасть хаоса. Самый великий из Драгоценных городов пребывал во власти дряхлости, упадка и безумия; в нем витали миазмы разложения нравов; здесь все говорило о вырождении. По его ночным улицам могло красться что угодно и кто угодно, и лишь последний глупец удивился бы этому.

Я распахнул настежь все ставни, молясь о ветерке с гавани, пусть даже воняющем тухлой рыбой и нечистотами. Увы, ветра не хватило бы даже колыхнуть паутину. Я вытер вспотевшее лицо и встретил первого пациента недовольной гримасой:

– Опять вошек подхватил, Кудрявый?

Тот слабо ухмыльнулся. Лицо у него было бледным.

– Да нет, Костоправ. Живот болит.

Его макушка напоминала отполированное страусовое яйцо, отсюда и прозвище. Я сверился с расписанием караулов и нарядов. Все нормально, уклоняться Кудрявому вроде не от чего.

– Здорово прихватило, честное слово.

– Гм... – Я уже понял, в чем дело, и напустил на себя профессиональный вид. Несмотря на жару, кожа у Кудрявого была холодная и липкая. – Скажи-ка, ты ел недавно где-нибудь в городе?

На его лысину спикировала муха и принялась разгуливать, словно завоеватель. Он этого даже не заметил.

– Ага. Раза три-четыре.

– Гм... – Я намешал вонючую микстуру, внешне похожую на молоко. – Выпей. До дна.

От первого же глотка он скривился.

– Слышь, Костоправ, я...

Аромат лекарства даже меня пронял.

– Пей, приятель. Двоих я не сумел спасти – слишком поздно отыскал это противоядие.

А вот Лодырь его выпил и жив остался.

Об этом уже многие слышали. Кудрявый выпил.

– Выходит, то отравка была? Синие, будь они прокляты, мне чего-то подмешали?

– Успокойся, ничего с тобой не будет. – Мне пришлось вскрыть Косоглазого и Дикого Брюса, чтобы узнать причину их смерти – хитро действующий яд. – Приляг у окна, там попрохладнее будет... если, конечно, этот чертов ветерок когда-нибудь подует. И лежи спокойно, пусть лекарство делает свое дело. – Я уложил его на кушетку. – Расскажи-ка, что ты ел.

Я взял перо и склонился над прищипленной к столу картой города. Лодыря и Дикого Брюса, пока тот был жив, я уже расспросил, а сержант из взвода покойного Косоглазого по моей просьбе выяснил, где бедняга накануне набивал брюхо. Я не сомневался, что яд парням подсыпали в одной из нескольких таверн рядом с Бастионом, куда частенько заглядывали солдаты. Показания Кудрявого совпали со словами его предшественников.

– Есть! Вот теперь эти сволочи попались.

– Какие сволочи?! – вскинулся Кудрявый.

Ему не терпелось самому свести счеты.

– Отдыхай. А я к Капитану схожу.

Я похлопал его по плечу и заглянул в соседнюю комнату. Кроме Кудрявого, никто на утренней поверке не назвался больным.

Выбрав длинную дорогу, я пошел по Треянской стене, что нависала над городской гаванью. На полпути остановился и посмотрел на север. Там, за молотом, маяком и Крепостным островом, простиралось Пыточное море. Его тусклые серо-коричневые воды были усеяны раз-

ноцветными пятнышками каботажных доу, которые ползли по невидимой паутине морских путей, соединяющих Драгоценные города. Воздух над гаванью был неподвижным, тяжелым и туманным, горизонт не просматривался. Но у самой воды резвился ветерок – возле острова всегда дует легкий бриз, хотя суши он избегает с таким упорством, словно боится подцепить проказу. Неподалеку кружили чайки, угрюмые и вялые. Нам, людям, наступающий день грозил тем же самым.

Еще одно лето на службе у вечно потного и мрачного бериллского синдика, которого мы защищаем от политических соперников и вечно буянящих местных войск. Еще одно лето будем рвать задницы, а наградят нас примерно как Кудрявого. Впрочем, нет, платили нам хорошо, но работа была не в радость, не лежала к ней душа. Нашим ушедшим братьям было бы стыдно за нас, узнай они, как низко мы пали.

Берилл погряз в нищете, но все же это древний и загадочный город. Его история напоминает бездонный колодец, наполненный мутной водой. Я иногда развлекаюсь, шаря в его темных глубинах, и пытаюсь отделить факты от домыслов, легенд и мифов. Это нелегкая задача, потому что ранние историки города писали с оглядкой на тогдашних его властителей.

Для меня самый интересный период – эпоха древнего королевства, почти не отраженная в хрониках. Именно тогда, во времена правления Найама, в город пришли форвалаки, и на целое десятилетие воцарился ужас. В конце концов они были побеждены и замурованы в склепе на Некропольском холме. Отголоски тех страстей сохранились в фольклоре, например в предостережениях, которыми матери увещевают непослушных детей. Сейчас уже никто не помнит, что представляла из себя форвалака.

Я зашагал дальше, понемногу зверея от жары. В своих будках прятались от солнца часовые, обмотав шеи полотенцами.

Ветерок застал меня врасплох. Я повернулся к гавани. Мимо Крепостного острова шел корабль – огромное неуклюжее чудовище, по сравнению с которым доу и фелюки выглядели карликами. В центре пузатого черного паруса выпирал серебряный череп, окаймленный мерцающим серебряным кольцом. Глазницы светились красным, в щербатой пасти вспыхивали огоньки.

– Это еще что за хреновина? – спросил часовой.

– Не знаю, Снежок.

Размер корабля поразил меня даже больше, чем парус. Четырем колдунам нашего Отряда вполне по силам сотворить нечто столь же эффектное, но мне никогда не случалось видеть галеру с пятью рядами весел.

Я вдруг вспомнил о своих обязанностях.

Когда я постучал в дверь Капитана, тот не ответил. Я сам пригласил себя войти и увидел его храпящим на большом деревянном стуле.

– Тревога! – взревел я. – Пожар! Стон взбунтовался! Танцор ломится во врата Рассвета!

Танцор – генерал, когда-то едва не уничтоживший Берилл. Люди до сих пор вздрагивают, услышав его имя.

Капитан даже не приподнял веки и не улыбнулся.

– Ты слишком обнаглел, Костоправ. Когда наконец научишься соблюдать субординацию?

Намек на субординацию означал, что мне полагалось сперва потревожить Лейтенанта.

Сон начальства священен, и прерывать его дозволено только в исключительных случаях – например, если синие начали штурм Бастиона.

Я доложил про Кудрявого и показал выявленное место на карте. Капитан снял ноги со стола.

– Похоже, для Добряка есть работенка, – хмуро заключил он.

Черный Отряд не прощает покушений на своих братьев.

Добряк – самый злобный из наших взводных. Он решил, что дюжины человек вполне хватит, но разрешил мне и Молчуну присоединиться. Я могу заштопать раненых, а Молчун пригодится на тот случай, если синие полезут в бутылку. Молчун задержал нас на добрых полдня, отправившись на «короткую» прогулку в лес.

– Ты чего затеял? – поинтересовался я, когда он вернулся с ветхим мешком за спиной. Он лишь ухмыльнулся в ответ. Молчун, он и есть Молчун.

Заведение, куда мы направились, называлось «У мола» – уютная таверна, в которой я провел немало вечеров. Добряк послал троих к задней двери и поставил по два человека у каждого из двух окон. Еще двое забрались на крышу. У любого здания в Берилле есть люк на крыше – летом люди предпочитают спать наверху.

Остальные вошли через главный вход.

Добряк, парень невысокий и задиристый, обожает драматические эффекты. Ему только фанфар не хватало.

Вытаращившись на наши щиты и обнаженные клинки, посетители замерли. Сквозь прорези в забралах на них в ответ глядели мрачные лица.

– Верус! – гаркнул Добряк. – А ну тащи сюда свою задницу!

Появился патриарх семейства, владеющего таверной, и бочком, словно шелудивый пес в ожидании пинка, стал приближаться. Посетители загомонили.

– Молчать! – рявкнул Добряк.

Этот коротышка умел реветь не хуже медведя.

– Чем могу помочь, премногоуважаемые? – спросил старик.

– А теперь, синий, веди сюда сыновей и внуков.

Заскрипели стулья. Какой-то солдат вонзил в столешницу нож.

– Сиди спокойно, – охладил его Добряк. – Пришел пообедать, вот и лопай. Через час всех отпустим.

– Я ничего не понимаю, господин, – задрожал старик. – Что мы такого сделали?

– Ловко прикидываешься, Верус, – зловеще ухмыльнулся Добряк. – Ты преступник. Отравитель. Тебе предъявляется обвинение в двух убийствах. И еще в двух покушениях на убийство. Магистрат велел применить «наказание раба».

Добряк откровенно наслаждался происходящим. Я никогда не испытывал к нему симпатии. Он так и остался гадким мальчишкой, обрывающим мухам крылышки.

«Наказание раба» – это когда виновного публично распинают и оставляют на растерзание стервятникам. В Берилле только преступников хоронят без кремации – или вообще не хоронят.

Из кухни донесся шум драки. Кто-то попытался выскользнуть через задний ход. Наши парни явно возражали против этого.

Зал таверны словно взорвался, и на нас ринулась размахивающая кинжалами толпа.

Нас оттеснили к выходу. Те, кто был ни в чем не виновен, опасались, что их заметут за компанию. Правосудие в Берилле быстрое и суровое, оно редко предоставляет обвиняемому возможность оправдаться.

Один из наших рухнул – кто-то ухитрился ткнуть его кинжалом. Боец из меня неважный, но я без колебаний занял место павшего. Добряк что-то буркнул – явно про меня и явно что-то ехидное, – но что именно, я не разобрал.

– Я все слышал, и ты раз и навсегда потерял шанс на бессмертие, – отозвался я. – Хрен тебе теперь, а не Анналы.

– Черт! От тебя ничего не ускользнет.

Дюжина горожан уже полегла, на неровном полу растекались лужи крови. За окнами столпились зеваки. Скоро какой-нибудь искатель приключений нападет на нас сзади.

Добряка кольнули кинжалом, и он потерял терпение.

– Молчун!

Молчун уже трудился, но ведь он Молчун, а это означает: никаких звуков и почти никакого гнева.

Посетители таверны отхлынули, хлопая себя по щекам и размахивая руками. Они подпрыгивали, приплясывали, хватались за спины и задницы, орали и жалобно вскрикивали. Некоторые свалились без сознания.

– Что ты сделал? – спросил я Молчуна.

Тот ухмыльнулся, продемонстрировав острые зубы, и провел грязной рукой у меня перед глазами. Я увидел таверну словно в другой перспективе.

В мешке, который Молчун притащил с собой, было осиное гнездо, – если вам здорово не повезет, можете наткнуться на такое в лесах южнее Берилла. Обитателями гнезда оказались смахивающие на шмелей чудовища, которых крестьяне называют лысорожими шершнями. Злобнее тварей у матушки-природы нет. Теперь они быстро обрабатывали толпу в таверне, не трогая наших парней.

– Отличная работа, Молчун, – похвалил Добряк.

Он отвел душу на парочке беспомощных посетителей, после чего погнал уцелевших на улицу. Я склонился над одним раненым из наших, а остальные парни тем временем приканчивали еще дышавших противников. «Экономим синдикку расходы на суд и палача» – так говорил об этом Добряк. Молчун стоял в сторонке и знай себе ухмылялся. Он тоже не из сентиментальных, но редко участвует в расправах.

Мы и не ожидали, что наберется так много пленных. Колонна растянулась на целый квартал.

– Изрядный улов, – подмигнул Добряк. – Спасибо, Молчун.

Судьба – переменчивая сука. Она привела нас в таверну «У мола» в критический момент. Пошарив по тамошним укромным уголкам, наш колдун выявил схрон под винным погребом, где пряталась целая толпа. Среди прятавшихся были и некоторые из лидеров синих.

Добряк громко разглагольствовал о том, какую щедрую награду заслужил осведомитель. Такого, разумеется, не существовало, и весь этот треп был нужен для того, чтобы наши ручные колдуны не стали главными мишенями для ответного удара. Пусть враг ищет несуществующих доносчиков-шпионов.

– А ну двинулись! – приказал Добряк и, все еще ухмыляясь, обвел взглядом угрюмую толпу. – Или хотите рискнуть своими шкурами?

Никто не шелохнулся. Уверенность Добряка охладила даже самые горячие головы.

Наша колонна растянулась по лабиринту старинных улочек. Пленники брели молча, а я не таясь пялился по сторонам. Мои товарищи равнодушны к прошлому, но я не мог не дивиться – подчас с почтительным трепетом – тому, сколь глубоко уходит в былые истории Берилла.

Неожиданно Добряк велел остановиться. Мы вышли к проспекту Синдиков, который начинается у Таможни, тянется через центр и заканчивается возле главных ворот Бастиона. По проспекту двигалась процессия, и, хотя мы подошли к перекрестку первыми, Добряк решил уступить дорогу.

Процессия состояла из сотни вооруженных людей, выглядевших покруче любого отряда в Берилле, за исключением нашего. Во главе ехал кто-то черный на вороном жеребце – такого огромного коня мне еще видеть не доводилось. Всадник был мал ростом, женоподобно худ и затянут в потертую черную кожу. Черный морион полностью скрывал его лицо, а черные перчатки – руки. Оружия я не заметил.

– Будь я проклят!.. – прошептал Добряк.

Я встревожился. Всадник выглядел страшно; нечто первобытное, таившееся в самой глубине моей души, побуждало броситься наутек. Но неистребимое любопытство удерживало на месте. Кто он такой? Не на том ли загадочном корабле приплыл? Что ему здесь нужно?

Взгляд невидимых глаз всадника скользнул по нам равнодушно, словно по стаду овец. Потом незнакомец резко обернулся и уставился на Молчуна.

Тот выдержал взгляд, не показав страха. И все же у меня создалось впечатление, что его каким-то образом унизили.

Процессия проследовала мимо, вышколенная, дисциплинированная. Потрясенный Добряк, все еще не придя в себя, велел пленникам двигаться дальше. Когда мы следом за чужаками вошли в ворота Бастиона, нас разделяло лишь несколько ярдов.

Мы арестовали почти всех самых непримиримых лидеров синих. Когда молва о нашем налете распространилась, те смутьяны, что пошустрее, решили размять мускулы. Из брошенной ими искры разгорелось чудовищное пламя.

Погода, которая никогда не бывает сносной, скверно влияет на способность рассуждать здраво. Толпа в Берилле – воплощенная дикость. Бунты вспыхивают почти без причины. А уж если доходит до крайностей, погибших считают тысячами. Этот бунт оказался одним из самых жестоких.

Половину вины за него следует возложить на армию. Вереница слабых, быстро сменяющих друг друга синдиков сильно расшатала дисциплину, войска стали неуправляемы. Хотя бунтовщикам они обычно очень даже рады, рассматривая приказ подавить бунт как разрешение на грабеж.

Но случилось наихудшее. Несколько когорт из Развильных барачков, прежде чем отправиться наводить порядок, потребовали особой оплаты, причем авансом. Синдик платить отказался.

Когорты взбунтовались.

Взвод Добряка спешно закрепился возле Мусорных врат и сдерживал все три когорты. Почти все наши погибли, но никто не побежал. Сам Добряк потерял глаз и палец, был ранен в плечо и бедро, а в его щите, когда подоспела подмога, насчитали более сотни дырок. Взводного принесли ко мне скорее мертвым, чем живым.

Кончилось все тем, что бунтовщики предпочли разбежаться, чем сразиться лицом к лицу с остальным Черным Отрядом.

Такого жестокого мятежа я не помнил. Мы потеряли почти сотню братьев, а ведь всегда считалось, что даже один убитый – это слишком много. Но мы поквитались за каждого – мостовые Стона были устланы ковром из трупов. Крысы ходили жирные, а с окраин на городские улицы перебрались стаи ворон и стервятников.

Капитан приказал Отряду укрыться в Бастионе.

– Подождем, пока все само заглохнет, – сказал он с отвращением. – Мы хорошо поработали. Контракт не требует от нас самоубийства.

Кто-то пошутил насчет того, что мы сами себе враги. Мол, осталось только на собственные мечи броситься.

– Похоже, синдик именно этого от нас и ждет.

Берилл плохо действовал на нас, но хуже всего пришлось Капитану. Тот винил во всех наших неудачах себя и даже попытался отказаться от командования.

Вошедшая во вкус толпа всячески поддерживала творящийся вокруг хаос, оказывая мрачное, тупое, точечное сопротивление и вмешиваясь в любые попытки тушить пожары или предотвращать грабежи. Но, слава богам, она только этим и ограничивалась. Мятежные когорты, пополнившись дезертирами из других отрядов, убивали и грабили без остановки.

На третью ночь, сдуру вызвавшись нести караульную службу, я стоял на Треянской стене. Город был необычайно тих. Не будь я настолько усталым, насторожился бы, но сил хватало лишь на то, чтобы не заснуть.

Ко мне подошел Тамтам:

– Костоправ? Ты-то здесь откуда?

– Это временно.

– Видок у тебя – краше в гроб кладут. Лучше иди отдохни.

– Да ты и сам не очень-то хорошо выглядишь, коротышка.

Он пожал плечами:

– Как Добряк?

– Пока еще не выкарабкался. – Если откровенно, я почти и не надеялся, что он выживет.

Я ткнул пальцем в темноту. – Не знаешь, что там происходит?

Издали донесся одинокий вопль – какой-то странный, не похожий на звучавшие недавно. Те были полны боли, ярости и страха, а этот насыщен чем-то жутким, чем-то темным.

Тамтам покашлял и похмыкал, в точности как это делает его брат Одноглазый. Ах, не знаешь? Ну и не знай дальше. Колдуны, одно слово.

– Ходит слухок, что бунтовщики, когда грабили Некропольский холм, сбили печать на склепе форвалак, – проворчал он наконец.

– Да неужели? И что, эти твари вырвались на волю?

– Синдик полагает, что да. Но Капитан как-то не принял известия всерьез.

Я тоже не принял, хотя Тамтам выглядел встревоженным.

– А те парни, что заявили вчера в город, похоже, крутые.

– Неплохо бы их к нам завербовать, – тоскливо произнес Тамтам.

Они с Одноглазым уже давно служили в Отряде и собственными глазами наблюдали его упадок.

– И что их сюда привело?

Тамтам пожал плечами:

– Ступай, Костоправ, отдохни. Не рви задницу. Никому от твоей усталости легче не станет.

И он заковылял прочь, затерявшись в дебрях своих размышлений.

Я озадаченно поднял бровь, отметив, что Тамтам сильно сдал за последнее время, – и вновь принялся наблюдать за пожарами и кострами. В городе было тихо, и это тревожило. Глаза слипались, огни расплывались. Тамтам прав – нужно выспаться.

Из мрака донесся еще один непривычный, полный отчаяния вопль. На сей раз кричавший находился куда ближе.

– Вставай, Костоправ. – Лейтенант растолкал меня, не церемонясь. – Капитан зовет в офицерскую столовку.

Я застонал. Я выругался. Я пригрозил сделать из Лейтенанта инвалида. Он ухмыльнулся, защемили нервный узел в моем локте и стянул меня с постели на пол.

– Да проснулся я, проснулся, – буркнул я, нашаривая сапоги. – В чем дело-то?

Но Лейтенант уже ушел.

– Добряк оклемается? – спросил Капитан.

– Не думаю, но я всякие чудеса видывал.

Офицеры и сержанты уже собрались.

– Вы все хотите знать, что случилось, – начал Капитан. – Позавчерашний гость оказался заморским посланником. Он предложил союз: военные ресурсы северян в обмен на поддержку флота Берилла. На мой взгляд, разумно. Но синдик заупрямился. Он еще не пришел в себя после завоевания Опала. Я посоветовал быть гибче. Если эти северяне – подонки, союз с ними

будет меньшим из нескольких зол. Лучше быть союзником, чем данником. Главный вопрос сейчас немного другой: как действовать, если посланник потребует слишком многого?

– Значит, если синдик прикажет драться с северянами, то нам следует отказаться? – уточнил Леденец.

– Не исключено. Сражение с чародеем может закончиться гибелью всего Отряда.

Бабах! – грохнула распахнутая дверь. В столовую влетел невысокий жилистый смуглый мужчина с огромным носом. Капитан вскочил и щелкнул каблуками:

– Синдик.

Гость шараянул по столу обоими кулаками сразу:

– Вы приказали своим людям укрыться в Бастионе. Я плачу вам не за то, чтобы вы прятались, как побитые кнутом шавки.

– Но и не за то, чтобы мы добровольно стали мучениками, – ответил Капитан своим обычным «не-зли-дурака» голосом. – Мы телохранители, а не полиция. Поддерживать на улицах порядок – обязанность городских когорт.

Синдик был на грани срыва – измотанный, перепуганный, отчаявшийся. Как и каждый из нас.

– Будьте благоразумны, – посоветовал Капитан. – Берилл уже миновал точку, после которой возврата нет. На улицах хаос, любая попытка восстановить порядок обречена. Сейчас какое лекарство ни пропиши, больному будет только хуже.

Мне его слова понравились. Я уже успел возненавидеть Берилл.

Синдик слегка сжался.

– А как же форвалака? – спросил он. – И этот стервятник с севера, что ждет возле острова?

Полусонный Тамтам встрепенулся:

– Как-как? Возле острова?

– Да. Дождается, когда я к нему приползу на коленях.

– Интересно, – сказал коротышка-колдун и вновь впал в полудрему.

Капитан и синдик ожесточенно заспорили об условиях контракта. Я принес наш экземпляр. Синдик упорно пытался расширить круг наших обязательств всяческими «да, но...». Все было яснее ясного: он хотел, чтобы мы сражались на его стороне, если посланник выдвинет ультиматум.

Эльмо захрапел. Капитан отпустил всех, а сам остался с нашим нанимателем.

Полагаю, семь часов вполне могут сойти за полноценный ночной сон, поэтому я не задушил Тамтама, когда тот меня разбудил. Все же я ворчал и жаловался на судьбу, пока он не пригрозил превратить меня в одного из идиотиков, вымаливающих подавание у врат Рассвета. Лишь одевшись и вместе с Тамтамом присоединившись к дюжине других братьев, я спохватился, что так и не выяснил, куда мы направляемся.

– Заглянем в один склеп, – пояснил Тамтам.

– Чего? – Иногда по утрам я не очень сообразителен.

– Мы идем на Некропольский холм. Надо осмотреть склеп форвалака.

– Эй-эй, погоди-ка...

– Что, Костоправ, уже в штаны наложил? Я всегда считал, что у тебя кишка тонковата.

– О чем это ты?

– Да не дергайся. Твою драгоценную задницу будут охранять три лучших колдуна. Одноглазый тоже хотел пойти, да только Капитан велел ему присматривать тут за порядком.

– Я про другое спрашиваю. Зачем мы вообще туда лезем?

– Ну, чтобы узнать что-нибудь новенькое. Существуют ли вампиры, к примеру. Может, это просто туфта, запущенная в город с той уродской посуды, что недавно к нам пожаловала.

– А что, ловко... Пожалуй, нам самим стоило до этого додуматься.

Угроза нарваться на форвалаку сделала то, чего не смогла грубая сила: бунтовщики быстро разбежались по домам.

Тамтам кивнул и погладил маленький барабан, благодаря которому и получил свое прозвище. Я отметил его задумчивость. Тамтам никогда не признает собственных промахов – в этом он даже своему братцу фору даст.

Город был тих, как поле через пару дней после сражения, и, как уже упомянутое поле, он был полон вони, мух, стервятников и мертвецов. Тишину нарушали лишь топот наших сапог и скорбный вой собаки, охраняющей троп хозяйина.

– Цена порядка, – пробормотал я и безуспешно попытался отогнать собаку от тела.

– Стоимость хаоса, – возразил Тамтам и стукнул в барабанчик. – А это, Костоправ, не одно и то же.

Некропольский холм выше холмов, на которых стоит Бастион. С Верхней Выгородки, где расположились мавзолеи богачей, можно было увидеть корабль северян.

– Затаился и ждет, – сказал Тамтам. – Как синдик и говорил.

– А почему в гавань не заходит? Кто посмел бы его остановить?

Тамтам пожал плечами. У остальных тоже никаких гипотез не было.

Наконец мы подошли к знаменитому склепу. С виду он вполне соответствовал тем слухам и легендам, что о нем ходили, – очень и очень старый, определенно битый молнией, весь в шрамах от различных инструментов. Толстая дубовая дверь была взломана, землю на дюжину ярдов вокруг усеивали самых разных размеров щепки.

Гоблин, Тамтам и Молчун соприкоснулись головами. Кто-то пошутил, что так, мол, у них хотя бы один мозг на троих получается. Затем Гоблин и Молчун встали по обе стороны у входа, чуть поодаль, в нескольких шагах, а Тамтам повернулся к склепу лицом. Он потоптался, как бык, готовый броситься в атаку, нашел нужную точку, затем присел, приподняв и разведя руки, словно пародировал какого-нибудь мастера рукопашного боя.

– Может, откроете все-таки дверь, придурки? – прорычал он. – Болваны! Кругом одни болваны! – Бум-бум по барабанчику. – Стоят и ковыряют пальцем в носу.

Двое из наших подошли и навалились на покореженную дверь. Та, слишком перекосившаяся, поддалась совсем ненамного. Тамтам выбил короткую барабанную дробь, испустил душераздирающий вопль и прыгнул в щель. Гоблин тут же подскочил к двери, но внутрь не полез. Молчун тоже скользнул поближе к склепу.

Внутри Тамтам пискнул по-крысиному, зачихал и сразу выбежал обратно со слезящимися глазами, зажимая нос. Его кожа цвета черного дерева стала серой.

– Это не туфта, – гнусаво бросил он, словно подхватил сильнейший насморк.

– Ты это о чем? – спросил я.

Он показал большим пальцем на склеп. Гоблин и Молчун были уже внутри, они тоже чихали.

Я бочком подобрался к двери и заглянул в склеп, но увидел лишь густую пыль в столбе солнечного света возле входа. Тогда я вошел.

Когда глаза привыкли к полумраку, я увидел повсюду кости. Кости в кучках, кости в штабелях, аккуратно рассортированные каким-то безумцем. Необычные это были кости, вроде и похожие на человеческие, но, на мой лекарский взгляд, каких-то очень странных пропорций. Я насчитал чуть больше пятидесяти тел. Давным-давно склеп набили под завязку – телами форвалак, уж это точно, потому что в Берилле лишь злодеев хоронят без кремации.

Но были там и свежие трупы. Прежде чем меня одолел чих, я насчитал семь мертвых солдат со знаками различия одной из мятежных когорт.

Я выволок одного из мертвецов наружу, бросил его, проковылял в сторону несколько шагов и вывернул желудок наизнанку. Когда полегчало, возвратился, чтобы осмотреть добычу.

Мои спутники меня опередили – стояли кружком с зелеными рожами.

– Призрак на такое не способен, – подытожил Гоблин.

Тамтам согласно закивал. Он был потрясен больше всех. «Как-то даже слишком потрясен. Куда больше, чем следовало бы», – подумал я.

Молчун занялся делом и наколдовал ветерок, который ворвался в дверь склепа, покружил и вылетел вместе с облаком пыли и запахом смерти.

– Ты как? – спросил я Тамтама.

Он глянул на мою лекарскую сумку и отмахнулся:

– В порядке. Просто кое-что вспоминал.

– Что именно? – немного выждав, уточнил я.

– Мы с Одноглазым тогда детьми были. Нас только-только продали в ученики Н’Гамо. Из деревни, что на холмах, прибежал вестник и попросил осмотреть покойника. – Он опустился на колени рядом с мертвым солдатом. – Раны были точно такие же.

Мне стало не по себе. Никто из людей так не убивает. Это тело терзали сознательно и расчетливо. Тут поработал какой-то злобный разум – и от этого было еще страшнее.

Я сглотнул, присел рядом и начал осмотр. Молчун и Гоблин вошли в склеп. В сложенных чашечкой ладонях Гоблина перекачивался янтарный шарик света.

– Крови совсем нет, – заметил я.

– Форвалака забирает кровь, – пояснил Тамтам.

Молчун выволок второй труп.

– И органы, когда есть время, – добавил Тамтам.

Второе тело было вскрыто от паха до горла. Сердца и печени в нем не оказалось.

Молчун опять скрылся в склепе. Гоблин вышел, уселся на разбитый могильный камень и покачал головой.

– Ну что? – спросил Тамтам.

– Реальное существо, никаких сомнений. Наш заморский приятель тут ни при чем. – Он показал пальцем на корабль северян, дрейфующий среди рыбацких лодок и каботажных суденышек. – В склепе было пятьдесят четыре форвалаки. Они сожрали друг друга. Осталась только одна. Последняя.

Тамтам подпрыгнул, как от затрешины.

– Что с тобой? – спросил я.

– Это значит, что осталась самая злобная, коварная, жестокая и безумная из всех.

– Вампиры, – пробормотал я. – В наши-то дни...

– Это не совсем вампир, – уточнил Тамтам. – Это леопард-оборотень. Человек-кошка, днем ходит на двух ногах, а ночью на четырех.

Я слышал о волках-оборотнях и медведях-оборотнях. Крестьяне, жившие в окрестностях моего родного города, рассказывали про них всякие истории. Но о человеке-леопарде они никогда не упоминали. Я сказал об этом Тамтаму.

– Люди-леопарды водятся далеко на юге, в джунглях. – Он взглянул на море. – И в могилу их полагается закапывать живьем.

Молчун притащил еще один труп.

Леопарды-оборотни, пьющие кровь и пожирающие печень. Очень древние, очень темные существа, в которых тысячелетиями копились ненависть и голод. Ходячий ночной кошмар.

– Вы можете справиться с форвалакой?

– Н’Гамо не смог. Я никогда с ним не сравниюсь, а он, схватившись с молодым самцом, потерял руку и ногу. У нас же здесь старая самка – сильная, свирепая и умная. Все вчетвером мы могли бы ей противостоять. Но одолеть – нет...

– Но раз уж вы с Одноглазым все про них знаете...

– Нет. – Тамтама затрясло, он стиснул барабанчик с такой силой, что тот жалобно заскрипел. – Мы не сможем.

Хаос отступил. На улицах Берилла воцарилась мертвая тишина, как в захваченном городе. Даже мятежники прятались по щелям и норам – до тех пор, пока голод не выгонял их к городским зернохранилищам.

Синдик все пытался надеть на Капитана узду, да не тут-то было. Молчун, Гоблин и Одноглазый выслеживали освободившееся чудовище, которое пока вело себя как самое обыкновенное животное, то есть утоляло вековой голод. Синдика осаждали всевозможные делегации, требуя защиты.

Лейтенант вновь созвал нас в офицерскую столовку. Капитан сразу взял быка за рога.

– Положение препаршивое, – начал он, расхаживая взад и вперед. – Берилл требует нового синдика. Городские фракции очень просят Черный Отряд не вмешиваться. Подождать в сторонке.

Ну, понятно: чем выше ставки, тем сложнее моральная дилемма.

– Мы не герои, – продолжал Капитан. – Мы закалены в боях и упорны. И всегда стараемся чтить контракт. Но ради проигравших умирать не будем.

Я возразил – выступил таким гласом традиций, протестующим против невысказанного предложения Капитана.

– Костоправ, речь идет о выживании Отряда.

– Но мы взяли золото, Капитан. И речь идет о нашей чести. Вот уже четыре столетия Отряд неукоснительно соблюдает букву заключенного контракта. Взять, к примеру, Книгу Сета, записанную хронистом Кораллом во времена Восстания Хилярхов, когда Отряд служил архонту Кости. Если вспомнить, что в ней говорится...

– Вот ты это и вспоминай.

– Как свободный солдат, я настаиваю на своем праве высказаться, – раздраженно заявил я.

– У него есть такое право, – подтвердил Лейтенант, еще больший приверженец традиций, чем я.

– Ладно, пусть себе болтает. Мы не обязаны его слушать.

Я начал описывать самый мрачный эпизод из истории Отряда... пока вдруг не понял, что спорю сам с собой. И сам я уже наполовину склонился к предательству.

– Эй, Костоправ? Ты закончил?

Я сглотнул:

– Отыщите законную лазейку – и я с вами.

Тамтам насмешливо отбил дробь на барабанчике.

– Не бойсь, Костоправ, Гоблин нас не подведет, – усмехнулся Одноглазый. – Он был законником, пока не прельстился карьерой сутенера.

Гоблин моментально заглотил наживку:

– Это я был законником? Да это твоя мамаша была у законника...

– Довольно! – Капитан ударил по столу. – У нас есть согласие Костоправа. Так что валяйте – ищите оправдание.

Все с облегчением вздохнули, даже Лейтенант. Слово отрядного хрониста было куда веселее, чем хотелось бы мне самому.

– Самый очевидный выход – это если человека, перед которым у нас есть обязательства, вдруг не станет. – Мои слова повисли в воздухе, будто смрад в склепе форвалак. – Мы понесли большие потери. Кто посмеет нас обвинить, если в Бастион проскользнет убийца?

– Я иногда боюсь тебя, Костоправ. Кто знает, что еще придет тебе в голову... – сказал Тамтам и специально для меня постучал по барабанчику.

– Чья б корова мычала. Так мы сохраним хотя бы видимость чести. Отряд уже терпел поражения, и не сказать, что редко.

– Мне это нравится, – сказал Капитан. – Давайте закончим, пока синдик не заявился сюда – разузнать, что происходит. А ты, Тамтам, останься, для тебя есть работенка.

То была ночь воплей. Душная, липкая ночь из тех, что рушат последний тонкий барьер, отделяющий цивилизованного человека от таящегося у него в душе монстра. Вопли доносились из домов, где страх, жара и теснота разъели сдерживающие монстра цепи.

Прохладный ветер с ревом пронесся над заливом, преследуемый массивными грозowymi облаками, на макушках которых поигрывали молнии. Ветер смел вонь Берилла, а ливень промыл улицы. Утром Берилл был совсем другим – тихим, прохладным и чистым.

Когда мы шагали к побережью, на улицах еще поблескивали лужи, а в канавах журчала вода. К полудню воздух вновь станет свинцовым – и влажным пуще прежнего.

Тамтам поджидал нас возле нанятой лодки.

– Сколько ты заработал на этой сделке? – спросил я. – Корыто потонет, не успев добраться до Острова.

– Ни гроша, Костоправ, – с ноткой разочарования ответил Тамтам. Они с братом мелкие жулики и известные деятели черного рынка. – Ни единого. А лодка куда лучше, чем выглядит. Ее хозяин – контрабандист.

– Придется поверить на слово. Тебе лучше знать.

Тем не менее я залез в лодку с осторожностью. Тамтам недобро скривился. Надо было делать вид, будто мы ничего не знаем о жадности братцев.

Мы отправились в море, чтобы заключить сделку. Капитан предоставил Тамтаму полную свободу действий, а нам с Лейтенантом было поручено дать ему пинка, если слишком увлечется. Для пущей представительности нас сопровождали Молчун и полдюжины солдат.

Возле Острова нас окликнули с таможенного баркаса, но мы проскочили раньше, чем нам успели перерезать путь. Я присел на корточки и глянул из-под гика. Черный корабль увеличивался на глазах.

– Черт, это ж прям плавающая скала, а не корабль.

– Слишком уж большой, – проворчал Лейтенант. – Такая громадина в бурном море просто развалится.

– Почему? Тебе-то откуда знать? – Даже напуганный, я интересовался всем, что касалось моих братьев по Отряду.

– В молодости плавал юнгой, кое-что узнал о кораблях.

Его тон говорил о нежелательности дальнейших вопросов. Большинство из нас предпочитает не делиться ни с кем воспоминаниями. Чего еще ждать от головорезов, которых удерживают в одном войске насущные заботы и память о том, как они вместе сражались против всего мира.

– Хорошее колдовство что угодно на плаву удержит, – возразил Тамтам.

У него тряслись поджилки, и он отстукивал на барабанчике нервные бессвязные ритмы. Братья-колдуны ненавидели воду.

Час от часу не легче. Таинственный чародей с севера. Корабль, черный, как дно преисподней. Нервы у меня начинали сдавать.

Моряки сбросили нам лестницу. Лейтенант поднялся на палубу. Кажется, корабль произвел на него впечатление.

Я не мореход, но мне судно тоже показалось ухоженным, а экипаж – дисциплинированным.

Младший офицер попросил Тамтама, Молчуна и меня следовать за ним и молча повел нас по трапам и коридорам на корму.

Посланник с севера сидел скрестив ноги меж роскошных подушек, овеваемый легким ветерком, который проникал через открытые иллюминаторы. Этой каюте позавидовал бы любой из восточных властителей. Я разинул рот, Тамтам аж задымился от зависти. Посланник рассмеялся.

Меня потряс его смех – писклявое хихиканье, больше подходящее пятнадцатилетней красотке из таверны, нежели человеку, который могущественнее любого короля.

– Извините, – произнес посланник, изысканным жестом поднося руку к невидимому под черным морионом рту, и добавил: – Садитесь.

У меня глаза невольно расширились от удивления: каждое слово он произносил другим голосом. У него под морионом что, не одна голова, а несколько?

Тамтам судорожно вздохнул. Молчун, будучи Молчуном, просто уселся. Я последовал его примеру и постарался как можно тщательнее скрыть испуг и любопытство.

В тот день дипломат из Тамтама был неважный.

– Синдик долго не продержится, – ляпнул он прямо с ходу. – Мы хотим договориться насчет...

Молчун вдавил ему в бедро большой палец ноги.

– И это наш знаменитый король воров? – пробормотал я. – Человек с железными нервами?

Посланник усмехнулся:

– Ты ведь лекарь? Костоправ? Не суди его строго. Он меня знает.

Ледяной страх обвил меня черными щупальцами. Виски стали влажными, но не от жары – в иллюминаторы задувал прохладный бриз, ради которого любой житель Берилла убил бы сейчас даже собственную мать.

– Вам не стоит бояться. Меня послали предложить союз, выгодный как Бериллу, так и моим людям. Я все еще убежден, что договориться можно – хотя и не с нынешним самодержцем. Ваша проблема требует того же решения, что и моя, но вы по рукам и ногам связаны контрактом.

– Он все знает. Нам даже слов тратить не придется, – прохрипел Тамтам и постучал по барабанчику, но на сей раз фетиш не принес ему облегчения.

Он хотел сказать что-то еще, но поперхнулся.

– Синдик уязвим, – заметил посланник. – Даже под вашей охраной.

Наш колдун, похоже, проглотил свой язык, причем в буквальном смысле. Тогда посланник взглянул на меня. Я пожал плечами.

– Допустим, синдик скончается, когда ваш Отряд будет защищать Бастион от толпы.

– Идеальный вариант, – согласился я. – А что будет с нами? В смысле потом?

– Вы отгоняете толпу, после чего обнаруживаете, что синдик мертв. Отряд остается без работы и покидает Берилл.

– И куда же мы пойдем? Как отобьемся от врагов? Городские когорты нас просто так не отпустят.

– Передайте Капитану, что если после кончины синдика я получу письменную просьбу стать посредником между вами и новым правителем, то мои люди сменят вас в Бастионе. А вам нужно будет покинуть Берилл и разбить лагерь на Столпе Скорбей.

Столп Скорбей – дальняя оконечность мелового мыса, пронизанного бесчисленными пещерами. Он наконецником стрелы вонзается в море к востоку от Берилла, на расстоянии дневного перехода. Там стоит маяк, он же сторожевая башня. Это место получило свое название из-за вечных стонов ветра в пещерах.

– Но мы окажемся в смертельной ловушке! Эти мужеложцы перекроют нам дорогу, и очень скоро нам ничего не останется, кроме как сожрать друг друга. Вот они повеселятся-то!

– Я пришлю за вами лодки. Проще простого.

Динь-динь – в моей голове тревожно звякнул колокольчик. Сукин сын втягивает нас в какую-то свою игру.

– А вам-то что за дело до нас?

– Черный Отряд останется без работы. А я предложу контракт. На севере нужны хорошие солдаты.

Динь-динь-динь – колокольчик не умолкал. Посланник хочет забрать нас с собой? Для чего?

Но что-то подсказывало мне: сейчас не лучший момент для расспросов. Я решил сменить тему. От тебя ждут одного, а ты сворачивай совсем в другую сторону.

– Но как быть с форвалакой?

– С той тварью из склепа? – спросил посланник мурлыкающим голосом женщины, предлагающей не стесняться. – У меня и для нее может найтись поручение.

– Вы правда способны с ней справиться?

– Как только она сделает свое дело.

Мне сразу вспомнилась молния, уничтожившая запечатывающее заклинание на табличке, которую тысячу лет никто и ничто не могло повредить. Я был уверен, что это подозрение не отразилось на моем лице, но посланник усмехнулся:

– Может быть, лекарь. А может, и нет. Интересная загадка, верно? Возвращайтесь к своему Капитану. Решение за вами. Но поторопитесь. Ваши враги уже готовы сделать свой ход.

И он жестом отпустил нас.

– Твое дело – доставить сумку! – рявкнул Капитан на Леденца. – А затем притащить свою задницу обратно.

Леденец взял курьерскую сумку и вышел.

– Есть еще желающие поспорить? У вас, сволочей, уже был шанс от меня избавиться. Вы его прошляпили.

Обстановка накалилась. Капитан, получив от посланника предложение о посредничестве в случае смерти синдика, сделал встречное предложение, с которым Леденец и отправился на корабль.

– Ты не ведаешь, что творишь, – пробормотал Тамтам. – Не знаешь, с кем связался.

– Так просвети меня. Не хочешь? Костоправ, что в городе?

Меня посылали в город на разведку.

– Это чума, сомнений нет. Но такой чумы мне еще видеть не доводилось. Должно быть, ее вектор – форвалака.

Капитан недоуменно прищурился.

– Врачебный язык, – пояснил я. – Вектор – это переносчик. Очаги чумы вспыхивают в тех местах, где убивал вампир.

– Тамтам?! – прорычал Капитан. – Ты же все про эту тварь знаешь.

– Да, но про то, что они могут распространять болезни, первый раз слышу. К тому же все, кто входил в склеп, до сих пор здоровы.

– В сущности, не так уж важно, кто переносчик, – продолжал я. – Сама чума гораздо опаснее. Если умерших не сжигать, очень скоро такое начнется...

– В Бастион она пока не проникла, – заметил Капитан. – К тому же от чумы есть и польза – солдаты из гарнизона перестали дезертировать.

– Я заметил, что в Стоне растет напряженность. Там вот-вот опять рванет.

– Как скоро?

– Дня два, от силы три.

Капитан пожевал губу. Кольцо обстоятельств смыкалось все теснее.

– Значит, нужно...

К нам ворвался трибун из местного гарнизона:

– У ворот собралась толпа! С тараном!

– Пошли, – сказал Капитан.

Мы рассеяли толпу за считанные минуты – хватило десятка стрел и пары котлов с кипятком, чтобы горожане убралась, осыпая нас проклятиями и оскорблениями.

Наступила ночь. Я стоял на стене, наблюдая за бродящими по городу пятнышками далеких факелов. Толпа эволюционировала, у нее развилась нервная система. Если появятся еще и мозги, то мы попадем в капкан революции.

Постепенно число факелов уменьшалось. Сегодня ночью взрыва не произойдет. Возможно, завтра – если жара и влажность станут слишком невыносимыми.

Чуть позднее я услышал справа царapanье. Затем постукивание. Потом опять царapanье – еле слышное, но четкое и приближающееся. Меня обуял ужас. Я замер, как горгулья над воротами Бастиона.

Легкий бриз дохнул арктическим холодом.

Через крепостную стену кто-то перелез. Красные глаза. Четыре ноги. Темное, как сама ночь, тело. Черный леопард. Плавность его движений напоминала о струящейся воде. Он спустился по лестнице во двор и исчез.

Живущей у меня в спинном мозге обезьяне захотелось с визгом вскарабкаться на высокое дерево, чтобы швыряться оттуда дерьмом и гнилыми фруктами. Я метнулся к ближайшей двери, добрался обходным, но точно безопасным путем до комнаты Капитана и без стука вошел.

Командир отдыхал на койке, заложив руки за голову и глядя в потолок. Комнату освещала единственная хилая свечка.

– Форвалака в Бастионе, – выдавил я пискляво, как Гоблин. – Сам видел, как она перебралась через стену.

Капитан что-то буркнул.

– Ты меня слышал?

– Слышал, Костоправ. Уходи. Оставь меня в покое.

– Ага, так точно...

Вот оно что! Он знает; это и его гложет. Я попятился к двери...

Вопль был долгим, громким и безнадежным и оборвался внезапно. Он доносился из апартаментов синдика. Я выхватил меч, выбежал в коридор... и налетел на Леденца. Тот свалился, а я смотрел на него и пытался сообразить: как же это он так быстро вернулся?

– Назад, Костоправ, – приказал Капитан. – Или жить надоело?

Послышались новые вопли. Смерть косила без разбору.

Я затащил Леденца в комнату Капитана, потом мы заперли дверь и перегородили ее бруском. Прислонившись к ней спиной, я стоял с закрытыми глазами и тяжело дышал. Вдруг кто-то зарычал, проходя мимо. А может, мне просто показалось...

– И что теперь? – У Леденца лицо стало совсем белым, а руки тряслись.

Капитан дописал письмо и протянул его Леденцу:

– Все, ступай.

Кто-то замолотил кулаками в дверь.

– Что такое? – рявкнул Капитан.

За толстой дверью глухо забубнил чей-то голос.

– Это Одноглазый, – сказал я.

– Открой ему.

Я распахнул дверь, в нее толпой хлынули Одноглазый, Тамтам, Гоблин, Молчун и еще дюжина других. В комнате стало жарко и тесно.

– Капитан, человек-леопард пробрался в Бастион, – сообщил Тамтам, забыв даже постучать в беспомощно висящий у бедра барабанчик.

Еще один вопль донесся из апартаментов синдика. Мое воображение разыгралось не на шутку.

– Что нам теперь делать? – спросил Одноглазый, морщинистый чернокожий коротышка не выше своего брата, большой любитель эксцентричных шуток.

Он на год старше Тамтама, но в их возрасте один год не в счет, – если верить Анналам, каждому уже перевалило за сотню. Одноглазый был испуган, а Тамтам находился на грани истерики. Гоблин и Молчун тоже выглядели потрясенными.

– Оборотень прикончит нас всех по очереди.

– Его можно убить?

– Он почти неуязвим, Капитан.

– Его можно убить или нет? – повторил Капитан с металлом в голосе.

Он тоже боялся.

– Да, – наконец признал Одноглазый. Держался он чуточку посмелее, чем брат. – Бесмертие – это миф, сказки. Даже этого, с черного корабля, можно прикончить. Но оборотень силен, быстр и хитер. Оружие против него почти бессильно. Заклинания действуют лучше, но ненамного.

Никогда прежде я не слышал, чтобы он признавался в собственной беспомощности.

– Хватит с нас болтовни, – прорычал Капитан. – Пошли.

Намерения нашего командира обычно трудно предугадать, но сейчас они были очевидны. Наше положение было преотвратительным, редко когда бывало хуже, поэтому его ярость и отчаяние сосредоточились на форвалаке. Тамтам и Одноглазый яростно запротестовали.

– Уверен, вы знаете, что делать, – заявил Капитан. – Думали над этим с того дня, как провели, что зверюга сбежала. Вот и действуйте.

Еще один вопль.

– Похоже, в Бумажной башне идет резня, – пробормотал я. – Эта тварь убивает там всех подряд.

Мне казалось, даже Молчун сейчас не выдержит и что-нибудь скажет. Но этого не случилось.

– Огниво, собери людей, – приказал Капитан, вооружаясь до зубов. – Перекрой все входы в Бумажную башню. Эльмо, возьми несколько хороших алебардчиков и арбалетчиков. Стрелы смазать ядом.

Быстро пролетели двадцать минут. Я потерял счет крикам ужаса и боли и вообще как-то перестал следить за происходящим; мною владели только нарастающая тревога и назойливые вопросы: почему форвалака забралась в Бастион? За кем она так упорно охотится? Похоже, ее направляет нечто большее, чем голод.

Посланник намекнул, что форвалака может ему пригодиться. Для чего? Для этого? В своем ли мы уме, если связались с тем, кто способен на такое?

Четыре наших колдуна совместно сотворили нечто защитное, и теперь это нечто с потрескиванием двигалось впереди. Сам воздух рассыпал голубые искры. За потрескивающим нечто шли солдаты с алебардами, их прикрывали арбалетчики. Наконец все мы добрались до обиталища синдика.

Напряжение резко спало. Нижний зал Бумажной башни выглядел как обычно.

– Оборотень наверху, – подсказал Одноглазый.

Капитан обернулся к проходу позади нас:

– Огниво, бери своих – и вперед.

Капитан собирался осматривать комнату за комнатой, отсекая все входы-выходы и оставляя единственный путь к отступлению. Одноглазый и Тамтам не одобрили его план, заявив,

что, если форвалаку загнать в угол, она станет еще опаснее. Нас окружала зловещая тишина. Вот уже несколько минут не раздавалось ни одного вопля.

Первую жертву мы обнаружили у основания лестницы, ведущей собственно в башню.

– Один из наших, – буркнул я.

Синдик всегда окружал себя кем-нибудь из Отряда.

– Спальные помещения наверху? – Я никогда не бывал в Бумажной башне.

– Один этаж – кухня, – кивнул Капитан, – выше кладовые, два этажа помещений для слуг, затем семья и, наконец, сам синдик. На самом верху, там, где библиотека и канцелярии. Все продумал, чтобы так просто до него не добрались.

– Совсем не похоже на трупы в склепе, – сказал я, осмотрев тело. – Органы на месте, и лужа крови натекла. Форвалака ни на что не польстилась. Почему, Тамтам?

Тот промолчал, Одноглазый тоже. Капитан взгляделся в полумрак над лестницей.

– Всем быть начеку. Алебардчики, двигаться по шагу зараз. Оружие к бою. Арбалетчикам держаться на пять-шесть шагов сзади. Стрелять во все, что движется. Всем остальным обнажить мечи. Одноглазый, гони вперед свое заклинание.

Потрескивание. Осторожный шаг, еще шаг. Запах страха. Дзинь! Кто-то случайно выстрелил из арбалета. Капитан сплюнул и рыкнул, как рассерженный медведь.

Ни черта не видно. Наконец – этаж с помещениями для слуг. Забрызганные кровью стены. Повсюду среди изувеченной мебели валяются тела и куски тел. Парни в Отряде закаленные, но это зрелище потрясло даже самых крепких. Включая меня, а уж я, лекарь, насмотрелся на всякое – чего только не поступает с поля боя.

– Капитан, я за подмогой, – решительно произнес Лейтенант. – Похоже, эта тварь просто так отсюда не уберется.

По его тону было слышно, что никаких возражений он не приемлет. Капитан лишь кивнул.

Зрелище кровавой бойни оказало неожиданное действие. Страх немного ослабел, зато окрепла решимость: зверя необходимо уничтожить во что бы то ни стало.

Наверху прозвучал вопль – словно брошенная нам насмешка, побуждающая идти дальше. Люди, хмуро сощурившись, двинулись вверх по лестнице. Потрескивал воздух – перед нами поднималось защитное заклинание. Тамтам и Одноглазый боролись с одолевающим их ужасом. Начиналась самая настоящая смертельная охота.

Стервятник прогнал орла, гнездившегося на вершине Бумажной башни, что воистину стало знамением конца. Теперь я и гроша не дал бы за жизнь нашего нанимателя.

Мы поднялись на пять этажей. Кровавые следы не оставляли сомнений в том, что форвалака побывала на каждом.

Тамтам взмахнул рукой, давая понять, что хищник где-то рядом. Алебардчики опустились на колени, направив оружие вперед. Арбалетчики прицелились в сумрачные углы. Тамтам выждал полминуты. Он, Одноглазый, Молчун и Гоблин напряженно прислушивались к чему-то, о чем остальной мир мог только догадываться.

– Она ждет, – наконец бросил он. – Будьте осторожны. Увидит малейшую щель – нам конец.

Я задал глупый вопрос, любой ответ на который прозвучал бы запоздало:

– А может, надо было воспользоваться серебром? Ну, там серебряными наконечниками, клинками?

Ответом был недоуменный взгляд Тамтама.

– В тех краях, откуда я родом, – пояснил я, – крестьяне верят, что оборотня убивает серебро.

– Дурь. Форвалаку убивают так же, как и всех. Только двигаться надо быстрее, а удар наносить сильнее, потому что у тебя будет один-единственный шанс.

Чем дольше он говорил, тем менее жутким казалось это существо. Это же как на бродячего льва охотиться. Из-за чего тогда вся суматоха?

И тут я вспомнил об этаже, где жили слуги.

– Всем приготовиться. Просто стойте и ждите, – велел Тамтам. И тихо пояснил: – Мы попробуем разведать, что впереди.

Колдуны сблизили головы. Через некоторое время Тамтам жестом велел идти дальше.

Мы вышли на лестничную площадку и сомкнули ряды, превратившись в дикобраза со стальными иглами. Колдуны послали вперед заклинание. Там в полумраке раздался злобный рев, затем царапанье когтей. Что-то мелькнуло. Щелкнули арбалеты.

Снова рев, почти насмешливый. Колдуны вновь соприкоснулись головами. Этажом ниже у основания лестницы Лейтенант расставлял людей, отрезая форвалаке путь к бегству.

Мы двинулись в темноту. Напряженность нарастала. Ноги спотыкались о тела и предательски скользили на кровавом полу. Солдаты торопливо запирали боковые двери. Отряд медленно забирался все дальше в канцелярию синдика. Арбалетчики дважды стреляли, заметив какое-то движение.

Форвалака взвыла всего в двадцати футах от нас.

– Попалась! – то ли выдохнул, то ли простонал Тамтам.

Он имел в виду, что заклинание коснулось форвалаки.

Двадцать футов. Совсем рядом с нами, но я ничего не видел. Что-то опять шевельнулось.

Полетели стрелы, вскрикнул человек.

– Проклятье! – ругнулся Капитан. – Здесь еще оставался кто-то живой.

Что-то черное, как само сердце ночи, и быстрое, словно внезапная смерть, мелькнуло над алебардами. «Вот это скорость!» – успел лишь подумать я, а оборотень уже приземлился среди нас. Вопящих солдат расшвыряло в стороны, под ноги стоящим сзади. Чудовище ревело и рычало, работая клыками и когтями настолько резко, что глаз не успевал улавливать движения. Мне вроде бы удалось задеть ступок тьмы мечом, но тут же мощный удар отшвырнул меня на десяток футов.

Кое-как поднявшись, я прислонился спиной к колонне. Я был уверен, что сейчас умру, что зверюга прикончит нас всех. Только тщеславные глупцы могли вообразить, будто способны с ней справиться. Прошло всего несколько секунд, а шестеро уже мертвы и вдвое больше – ранены. Форвалака же целехонька, даже не устала нисколько. Ни оружие, ни заклинания не причинили ей вреда.

Сбившись в тесную группку, колдуны пытались сотворить новое заклятье. Вокруг Капитана сгрудилась кучка бойцов. Остальные рассеялись, и чудовище молниеносными движениями приканчивало солдат по одному.

Метнулся ступок серого пламени, на мгновение ярко осветив все помещение и навеки запечатлев на сетчатке моих глаз сцену кровавой резни. Форвалака взвыла, на сей раз от настоящей боли. Очко в пользу колдунов.

Она бросилась в мою сторону. Я в панике рубанул, когда она мелькнула рядом, но промазал. Оборотень развернулся и атаковал колдунов, которые встретили его еще одной порцией пламени. Форвалака завизжала, в унисон заорал кто-то из наших. Тварь умирающей змеей корчилась на полу, ее кололи пиками и мечами, но она сумела подняться и метнулась в сторону лестницы.

– Она идет к вам! – гаркнул Капитан Лейтенанту.

Я обессиленно присел, испытывая невыразимое облегчение. Форвалака ушла... Но не успел мой зад коснуться пола, как меня рывком поднял Одноглазый:

– Пошли, Костоправ. Она ранила Тамтама. Нужна твоя помощь.

Пошатываясь, я поднялся и внезапно заметил глубокую царапину у себя на ноге.

– Надо будет промыть, – пробормотал я. – Когти-то наверняка грязные.

Вид у Тамтама был ужасный: горло разорвано, живот распорот, а мышцы на руках и груди содраны до костей. Как ни поразительно, он был жив, но сделать для него я уже ничего не мог. Ни я, ни любой другой врач. Даже опытнейший чародей-целитель не спас бы чернокожего коротышку. Но Одноглазый настаивал, чтобы я попробовал, и я пробовал до тех пор, пока Капитан не оттащил меня, чтобы помочь не столь очевидным кандидатам в покойники. Когда я уходил, Одноглазый поносил Капитана на чем свет стоит.

– Мне нужно больше света! – распорядился я.

Капитан тем временем собрал уцелевших и велел им перекрыть вход на этаж.

Когда принесли факелы и вокруг посветлело, картина нашего разгрома стала более очевидной. Мы потеряли каждого десятого. Более того, еще двенадцать братьев, дежуривших в башне, тоже лежали мертвыми, а с ними такое же количество секретарей и советников синдика.

– Кто-нибудь видел синдика? – громко спросил Капитан. – Он должен быть здесь.

Прихватив Эльмо и Огниво, он начал поиски, но у меня не было возможности следить за их ходом – я накладывал повязки и работал иглой, призвав на помощь всех, кого только можно. Когти форвалаки оставляли глубокие раны, которые следовало зашивать осторожно и умело.

Гоблин и Молчун как-то исхитрились успокоить Одноглазого, тот даже взялся мне помогать, правда он едва сознавал, что делает. Видимо, дурман какой наложили.

Едва выдалась минутка, я снова осмотрел Тамтама. Он был все еще жив, сжимал свой барабанчик. Проклятье! Такое упрямство требовало вознаграждения. Но как? Что сделать? У меня попросту не хватало опыта.

– Эй, Капитан! – крикнул Огниво.

Я глянул в его сторону и увидел, что он постукивает мечом по каменному сундуку, какие любили держать дома местные богачи. Этот сундук весил, по моим прикидкам, фунтов пятьсот. Его стенки украшала тонкая резьба, почти вся, однако, содранная. Уж не когтями ли?

Эльмо разбил замок и откинул крышку. Я разглядел дрожащего от страха человечка, он лежал на куче золота и камней и прикрывал голову руками. Эльмо и Капитан обменялись мрачными взглядами.

Меня отвлекло появление Лейтенанта. Он со своими людьми охранял основание лестницы и уже начал тревожиться – затишье длилось слишком долго. То есть форвалака к ним так и не спустилась.

– Общайте башню, – велел ему Капитан. – Возможно, она поднялась наверх.

Над нами было еще несколько этажей.

Когда я в следующий раз посмотрел на сундук, он был опять закрыт. Нашего нанимателя нигде не было видно. На крышке сундука сидел Огниво и чистил под ногтями кинжалом. Я пригляделся к Капитану и Эльмо. Что-то в их поведении показалось мне странным.

Но они ведь не стали бы выполнять за форвалаку ее работу, верно? Конечно не стали бы. Капитан никогда не предаст идеалы Отряда. Или я ошибаюсь?

Выяснять это я не стал.

Обыск башни выявил лишь кровавый след, ведущий наверх, – там форвалака немного отлежалась, набираясь сил. Она была тяжело ранена, однако сумела сбежать, спустившись по наружной стене башни.

Кто-то предложил выследить ее и добить, на что Капитан ответил:

– Мы уходим из Берилла. У Отряда больше нет нанимателя. Надо смыться по-тихому, пока город не обратился против нас.

Он отправил Огниво и Эльмо приглядывать за местным гарнизоном, а остальным велел эвакуировать раненых из Бумажной башни.

На несколько минут меня оставили в покое. Я разглядывал большой каменный сундук, так и ел его глазами. Искушение все нарастало, но мне удалось справиться с ним. Я не хотел ничего знать.

Когда возбуждение улеглось, явился Леденец с вестью о том, что посланник высаживает своих солдат на пирсе.

Наши люди уже паковали пожитки и грузили их в фургоны. Одни вполголоса обсуждали случившееся в Бумажной башне, другие ругались из-за того, что приходится сниматься с места. Стоит где-нибудь задержаться, сразу пускаешь корни. Копится всякое барахло, потом обзаводишься женщиной, а потом случается неизбежное – и нужно все бросать. Сегодня в казармах было невесело.

Когда пришли северяне, я стоял у ворот и помогал часовым вертеть кабестан, поднимавший решетку. Особой гордости при этом я не испытывал. Без моего одобрения, возможно, синдик был бы жив. Его бы не предали.

Посланник занял Бастион. Отряд начал эвакуацию. Шел уже третий час ночи, и улицы были пустынные.

Когда мы прошагали две трети пути до врат Рассвета, Капитан приказал остановиться. Сержанты собрали всех способных сражаться, остальных отправили дальше, сопровождать фургоны.

Капитан повел нас на север по проспекту Древней Империи, где императоры Берилла увековечивали себя и свои триумфы. Многие монументы были весьма странные – в честь любимых лошадей, гладиаторов или любовников обоих полов.

Скверные предчувствия зародились у меня еще до того, как мы подошли к Мусорным вратам. Тревога переросла в подозрение, а подозрение расцвело мрачной уверенностью, когда мы вступили на плац. Возле Мусорных врат не было ничего, кроме казарм.

Никаких конкретных целей Капитан не обозначил, но когда Отряд достиг Развилки, каждый уже понимал, зачем мы сюда пришли.

Городские когорты, как всегда, разгильдяйничали. Ворота стояли распахнутыми, единственный часовой дрыхнул. Мы вошли, не встретив никакого сопротивления. Капитан начал раздавать приказы.

В казармах находилось от пяти до шести тысяч солдат. Их офицеры поддерживали минимальную дисциплину, заставляя подчиненных всякий раз сдавать оружие в арсеналы. По традиции бериллские военачальники доверяли солдатам оружие лишь перед сражением.

Три наших взвода вошли в казармы, убивая подряд всех спящих. Оставшийся взвод заблокировал выход у дальнего края лагеря.

Солнце уже поднялось, когда Капитан наконец удовлетворился. Мы вышли из казарм и поспешили вслед за обозом. Каждый из нас вдоволь испил крови.

Разумеется, нас не преследовали, а позднее никто даже не пытался осадить наш лагерь на Столпе Скорбей. Ради этого, собственно, мы и устроили эту бойню. А еще для того, чтобы выпустить накопившуюся за несколько лет ярость.

Мы с Эльмо стояли на краю Столпа и смотрели, как лучи послеполуденного солнца играют на краях грозовой тучи.

Недавно она прошла над лагерем и едва не превратила его в болото, щедро полив прохладными струями, а потом снова умчалась прочь в море. Красивая туча, хоть не богатая красками.

В последнее время Эльмо был молчалив.

– Тебе что-то не дает покоя? – спросил я.

Туча следовала перед столбом солнечных лучей, придавая морской воде оттенок ржавого железа. Интересно, в Берилле стало хоть чуть-чуть прохладнее?

– А то не догадываешься?

– Пожалуй, догадываюсь. – Бумажная башня. Казармы у Развилки. Контракт, который мы предательски разорвали. – Как думаешь, что нас ждет там, на севере?

– Считаешь, черный колдун придет за нами?

– О, еще как придет, Эльмо! Пока что он строит местных шишек – показывает, кто тут хозяин.

Кто бы ни пытался приручить этот безумный город, ему наверняка было нелегко.

– Гм... Глянь туда.

Возле оконечности Столпа среди торчащих из воды скал резало волны небольшое стадо китов. Я попытался скрыть восхищение и не смог. Эти исполины, танцующие в железном море, были великолепны.

Мы уселись на камни спиной к маяку, и перед нами распростерся прекрасный мир, нетронутый человеком, еще не оскверненный его касанием. Иногда мне думается, что без нас мир был бы куда лучше.

– Там корабль, – произнес Эльмо.

Я разглядел судно, лишь когда парус вспыхнул, поймав солнечные лучи. На волнах заплясал оранжевый треугольник с золотой каймой.

– Каботажник, тонн двадцать.

– Такой большой?

– Для каботажника – да. В открытом море ходят суда и по восемьдесят тонн.

Время мчалось вперед, переменчивое и надменное. Мы любовались кораблями и китами. Я в сотый раз попытался представить новую землю, вспоминая услышанные от торговцев были и небылицы. Вероятно, нас перевезут через море в Опал. Говорят, Опал – двойник Берилла, только помоложе...

– Этот дурак, похоже, собирается насадить себя на скалы.

Я очнулся. Каботажник шел в опасной близости от берега. Всего за каких-то сто ярдов от скал он свернул чуть в сторону, затем лег на прежний курс.

– А я уж подумал было, намечается развлечение.

– Когда ты, Костоправ, произнесешь что-либо без сарказма, я лягу и помру на месте, – пообещал Эльмо.

– Сарказм не дает мне свихнуться, приятель.

– А это, Костоправ, спорно. Очень спорно.

Я вновь попытался заглянуть в лицо будущему – все лучше, чем смотреть в прошлое. Но будущее отказывалось снять маску.

– А корабль-то к нам плывет, – сказал Эльмо.

– Что? А-а...

Каботажник покачивался на крупной прибрежной зыби, потихоньку продвигаясь вперед. Его нос неторопливо нацеливался на полоску песка возле нашего лагеря.

– Не хочешь сообщить Капитану?

– Да он небось уже знает. На маяке – наблюдатели, приглядывают на всякий случай.

– И то верно.

– Всегда держи ухо востро – и будет тебе счастье.

Гроза откатывалась к западу, заслоня горизонт и накрывая своей тенью море. Холодное серое море. Мне вдруг стало страшно при мысли, что придется его пересечь.

Каботажник привез весточку от контрабандистов – приятелей Тамтама и Одноглазого. Выслушав новости, Одноглазый помрачнел, но нам ничего не сказал. Он и так последнее время ходил угрюмый, а тут окончательно замкнулся в себе. Даже перестал грызться с Гоблином, что было его второй профессией. Смерть Тамтама нанесла ему жестокий удар, от которого он до сих пор не сумел оправиться.

Капитан тоже постоянно пребывал в отвратительном настроении, немногим лучше, чем у Одноглазого. Он и хотел отправиться в другую страну, и боялся этого. Новый контракт давал шанс возродить Отряд, оставить прошлые грехи позади, однако Капитан догадывался, что за служба нас ожидает. Синдик был изрядным вралем, но о северной империи он, скорее всего, рассказывал правду.

На следующий день после визита контрабандистов подул прохладный северный ветерок. Под вечер окончность мыса окуталась туманом. Вскоре после полуночи из серой пелены вынырнула лодка и пристала к пляжу. К нам прибыл посланник.

Мы собрали вещи и начали избавляться от всех тех, кем обросли в городе. Наши животные и прочее лишнее имущество станут им вознаграждением за верную дружбу. Я провел полный неги и грусти час с женщиной, для которой значил больше, чем догадывался.

В этот час мы не лили слезы, не лгали друг другу. Я оставил ей на память воспоминания и почти все нажитое барахло, а она одарила меня комком в горле и ощущением утраты. Лишь теперь я понял, насколько эта утрата тяжела.

– Костоправ, не распускай нюни, – бормотал я, спускаясь на берег. – Расставаться тебе не впервой. Забудешь ее раньше, чем доберешься до Опала.

На песчаном берегу нас ждали несколько лодок. Когда очередная заполнялась, моряки-северяне сталкивали ее с песка в прибой, гребцы брались за весла, и через несколько секунд она исчезала в тумане. На смену отчалившим лодкам прибывали пустые, каждую вторую загружали отрядным имуществом.

Один из моряков, говорящий на бериллском, сказал мне, что на борту черного корабля места хватает. Посланник оставил своих солдат в Берилле охранять новую марионетку. Синдиком стал очередной красный, дальний родственник человека, которому мы служили.

– Надеюсь, их ждет меньше бед, чем нас, – проворчал я и отошел в сторонку, чтобы предаться мрачным мыслям.

Посланник неспроста заменил своих людей нашим Отрядом. У меня зародилось подозрение, что нас собираются как-то использовать. Похоже, нам предстоит нечто куда более худшее, чем мы даже способны вообразить.

Пока я ждал, неоднократно раздавался далекий вой. Сперва я подумал, что это голосит ветер в пещерах Столпа, но тут же понял, что воздух вокруг тяжел и неподвижен. Когда вой донесся до меня в очередной раз, все сомнения развеялись. Волосы у меня на загривке встали дыбом.

Наконец подошла последняя лодка, в которую должны были уместиться отрядный интендант, Капитан, Лейтенант, Молчун, Гоблин, Одноглазый и я.

– Я никуда не еду, – заявил Одноглазый, когда боцман призывно махнул нам рукой.

– Залезай, – мягко сказал Капитан.

Если этот человек не приказывал, а тихо просил, дела были совсем плохи.

– Я ухожу из Отряда. Пойду на юг. Очень давно не был дома, там небось про мои делишки уж и позабыли.

Капитан молча указал пальцем на Лейтенанта, Молчуна, Гоблина и меня, потом ткнул пальцем в лодку.

– Да я вас всех щас в страусов превращу! – взревел Одноглазый.

Молчун зажал ему рот. Мы потащили колдуна к лодке. Тот извивался, точно брошенная в очаг змея.

– Ты останешься с семьей, – вполголоса произнес Капитан.

– На счет «три»! – весело пискнул Гоблин и быстро досчитал до трех.

Дрыгая руками и ногами, чернокожий коротышка взлетел в воздух и шлепнулся в лодку. Тут же над планширом появилась его голова, и в нашу сторону полился поток отборных руга-

тельств, сопровождаемый брызгами слюны. Мы рассмеялись, – похоже, Одноглазый не окончательно скис. Затем, возглавляемые Гоблином, бросились в атаку и прижали пленника к банке.

Моряки оттолкнули лодку от берега. Едва весла опустились в воду, Одноглазый сдался. Видок у него был как у приговоренного к повешению.

Через некоторое время мы разглядели галеру – высокий бесформенный силуэт чуть темнее окутывающего его мрака. Приглушенные туманом голоса моряков, поскрипывание таке-лажа я услышал задолго до того, как судно показалось на глаза. Лодка ткнулась носом в спущенный трап. Вновь раздался вой.

Одноглазый попытался сигануть за борт. Мы успели его перехватить, и Капитан для верности прижал его задницу каблуком.

– У тебя был шанс нас всех отговорить, – сказал он. – Ты им не воспользовался. Вот и живи теперь с этим.

Одноглазый понуро, как человек, лишившийся последней надежды, полез вслед за Лейтенантом по трапу. Он потерял брата, а теперь вынужден был находиться рядом с его убийцей, не в силах отомстить.

Своих мы отыскивали на главной палубе, среди сваленного в кучи отрядного имущества. Заметив нас, сержанты стали пробираться навстречу.

Появился посланник. Я изумленно вытаращился – впервые видел его стоящим. Он оказался коротышкой. Я даже засомневался, мужчина ли передо мной; судя по некоторым из множества его голосов, он запросто мог оказаться и женщиной.

Посланник тщательно осмотрел нас – как будто в душу каждому заглянул. Один из его помощников попросил Капитана построить Отряд, насколько это возможно на переполненной палубе. Экипаж тем временем перебирался в центральные кубрики, расположенные над открытым трюмом, который тянулся от носа почти до кормы и от верхней палубы до самого нижнего ряда весел. Снизу доносился шум, там возились и гомонили разбуженные моряки.

Посланник двинулся вдоль нашего строя. Он останавливался возле каждого солдата и прикалывал ему на грудь значок с той же эмблемой, что украшала парус корабля. Дело шло медленно, и корабль лег на курс задолго до того, как коротышка управился.

Чем ближе подходил посланник, тем сильнее дрожал Одноглазый. Когда к его груди прикололи значок, колдун едва не потерял сознание. «Чего он так переживает?» – ломал голову я.

Вот подошла и моя очередь; я тоже нервничал, но по крайней мере не до потери пульса. Тонкие, затянутые в перчатку пальцы прикрепили к моей куртке значок; я опустил глаза и увидел изящно выгравированный на черном фоне серебряный череп, заключенный в серебряный круг. Довольно дорогое украшение и жутковатое вдобавок. Не будь Одноглазый напуган до смерти, он бы, наверное, сейчас прикидывал, сколько можно выручить за эту безделушку.

Мне эмблема показалась знакомой, причем я не имел в виду изображение на парусе, которое посчитал за самую обычную показуху и про которое тут же забыл. Но это... Может, я где-то о чем-то таком читал? Или слышал?

– Приветствую тебя на службе у Госпожи, лекарь, – сказал посланник.

Он опять сбил меня с толку, обманул ожидания – на сей раз заговорил мелодичным, переливчатым голосом девушки, мастерицы дурить тех, кто считает себя умней других.

Госпожа? Где же я слышал это слово, произносимое с пафосом, словно титул богини? Какая-то мрачная старинная легенда была связана с ним...

По кораблю пронесся вой, полный ярости, боли и отчаяния. Вздвогнув, я вышел из строя и приблизился к открытому люку в палубе.

Под основанием мачты в большой железной клетке находилась форвалака. Из-за теней могло показаться, что она, бродя по своему узилищу и пробуя каждый прут, слегка меняется. То выглядела женщиной лет тридцати атлетического сложения, то мгновение спустя прини-

мала облик стоящего на задних лапах и дерущего когтями железо черного леопарда. Я сразу вспомнил слова посланника: мол, монстр еще может ему пригодиться.

Я повернулся к коротышке. И вдруг меня осенило. Дьявольский молоток принялся заколачивать ледяные гвозди мне в душу. Теперь понятно, почему Одноглазый не хочет плыть за море. Древнее зло севера...

– А я-то думал, все вы умерли еще лет триста назад.

– Вы, люди, всегда плохо знали свою историю, – рассмеялся в ответ посланник. – Нас не уничтожили, а лишь сковали цепями и похоронили заживо. – В его смехе звучала слегка истерическая нотка. – Да, Костоправ, сковали и похоронили, но потом нашелся дурак, который нас освободил. Этого дурака звали Боманц.

Я присел на корточки возле Одноглазого, уткнувшегося лицом в ладони.

Посланник – этот ужас, называемый в древних легендах Душеловом, дьявол пострашнее дюжины форвалак – разразился безумным смехом.

Моряки заухмылялись. Отменная шутка – завербовать Черный Отряд на службу злу. Великий город захвачен, злодеи подкуплены. Воистину грандиозное надувательство.

– Ну-ка, Костоправ, выкладывай, – велел Капитан, устраиваясь рядом.

И я рассказал ему об эпохе Владычества, о Властелине и его Госпоже, управлявших империей зла, которая не имела равных даже среди царств преисподней. Рассказал о Десяти Взятых, одним из которых был Душелов, – этих великих колдунов, могущественных, как полубоги, Властелин одолел и заставил служить себе. Поведал о Белой Розе, женщине-генерале, – она свергла Владычество, но уничтожить Властелина, Госпожу и Десятерых ей не хватило сил. Она смогла лишь замуровать их где-то на севере, в заколдованном кургане.

– А теперь, выходит, они вновь на свободе, – заключил я. – Правят своей империей, как встарь. Должно быть, Тамтам и Одноглазый что-то подозревали... А мы поступили к северянам на службу.

– Скорее, нас поймали, – процедил Капитан. – Взяли себе. Как форвалаку.

Тварь завизжала и бросилась на прутья клетки. Над туманной палубой пронесся смех Душелова.

– Взятые Взятыми, – кивнул я. – Пакостное сравнение.

Чем больше старинных легенд всплывало в памяти, тем сильнее меня колотила нервная дрожь.

Капитан вздохнул и уставился в туман, за которым нас ждала новая земля. Одноглазый не сводил ненавидящего взгляда с заточенной в клетку твари. Я попытался увести его, но он вырвался:

– Подожди, Костоправ. Мне нужно это обдумать.

– Обдумать что?

– Тамтама убила другая форвалака. На этой совсем нет шрамов, а мы ведь порядком ее потрепали.

Я медленно повернулся к посланнику. Тот опять рассмеялся, глядя на нас.

Одноглазый так ни о чем и не догадался. А я ничего ему не сказал. Неприятностей у нас и без того хватало.

2

Ворон

– Плавание доказало мою правоту, – проворчал Одноглазый, оторвавшись от высокой оловянной кружки. – Черному Отряду в море делать нечего. Эй, девка! Еще эля!

Колдун помахал кружкой, иначе служанка не поняла бы – он отказался учить языки северян.

– Ты уже надрался, – предостерег я.

– Какая пронизательность! Вы заметили, господа? Костоправ, наш уважаемый знаток духовных и медицинских искусств, соблаговолил заметить мою нетрезвость, – объявил он заплетающимся языком, то и дело рыгая, и обвел слушателей угрюмо-надменным взглядом, который доступен лишь пьяному.

Служанка принесла новый кувшин для него и бутылку для Молчуна, тоже готового принять новую порцию отравы. Он пристрастился к кислому вину из Берилла, которое превосходно соответствовало его характеру. Деньги перешли из рук в руки.

За столом нас было семеро. Мы сидели опустив голову, потому что в заведении было полно моряков, а иностранцев вроде нас всегда бьют в первую очередь, когда вспыхивает драка. Если не принимать в расчет Одноглазого, мы предпочитали драться лишь тогда, когда нам за это платят.

В дверь просунулась уродливая физиономия Ростовщика. Он прищурился, глазабусинки забегали по сторонам и отыскивали нас.

Ростовщиком он прозван потому, что ссужает нам деньги под немислимые проценты. Слово ему не нравится, но он сам говорит, что любое прозвище лучше имечка, которым его одарили родители-крестьяне: Свекловица.

– Эй! Да это же Сахарный Бурачок! – взревел Одноглазый. – Поди сюда, сладенький. Одноглазый угощает. Он слишком пьян, чтобы найти деньгам лучшее применение.

Одноглазый не соврал. Когда он трезв, вытянуть у него монетку – дохлый номер.

Ростовщик подмигнул и украдкой осмотрелся – есть у него такая привычка.

– Парни, вас зовет Капитан.

Мы переглянулись. Одноглазый притих. Последнее время мы почти не видели Капитана – он постоянно крутился среди шишек имперской армии.

Эльмо и Лейтенант встали из-за стола. Я последовал их примеру и направился к Ростовщику.

Нас остановил вопль хозяина. Служанка тут же бросилась к двери и заслонила выход. Из задней комнаты, сотрясая пол, вышел верзила с тупой рожей. В толстых, что твой окорок, ручищах он держал по жуткой узловатой дубине. Вид у него был почему-то смущенный.

Одноглазый зарычал. Мы поднялись с мест, готовые ко всему, а моряки, почуяв драку, уже прикидывали, на чей стороне биться. Большинство из них выбрало не нас.

– И как это понимать?! – гаркнул я.

– Не обессудьте, господин, – сказала служанка, – но ваши друзья не заплатили за последнюю выпивку. – И метнула в хозяина лукавый взгляд.

– Черта с два они не заплатили! – В этом заведении полагалось рассчитывать, когда приносят заказ.

Я посмотрел на Лейтенанта. Он кивнул. Я перевел взгляд на хозяина и почуял его жадность. Хозяин решил, что мы спьяну заплатим дважды.

– Ты, Одноглазый, сам выбрал это воровское логово, – заметил Эльмо, – тебе и вправлять им мозги.

Сказано – сделано. Одноглазый завизжал, как боров на бойне, и...

Из-под нашего стола выскочил четырехрукий комок уродства размером с шимпанзе. Сперва он метнулся к служанке и украсил ее бедро отметинами от клыков, потом вскарабкался на гору мускулов с дубинами. Громила и ахнуть не успел, как из десятка ран полилась кровь.

Миску с фруктами на столе посреди комнаты окутал черный туман. Через секунду он рассеялся, а из посуды, извиваясь, поползли ядовитые змеи.

У хозяина отвисла челюсть, из разинутого рта тотчас посыпались жуки-скарабеи.

Воспользовавшись переполохом, мы спокойно вышли на улицу. Одноглазый вопил и хохотал, пока таверна не осталась в нескольких кварталах позади.

Капитан пялился на нас, а мы стояли перед его столом, опираясь друг на друга. Одноглазый все еще давился смехом, и даже Лейтенанту не удавалось изображать невозмутимость.

– Да они пьяны! – сказал Капитан.

– Пьяны, – согласился Одноглазый. – В стельку, в зюю и в дымину.

Лейтенант несильно стукнул его по почке:

– Садитесь. И попытайтесь вести себя пристойно, пока вы здесь.

«Здесь» означало роскошное заведение на открытом воздухе, на несколько миль выше уровнем, чем наш предыдущий порт приписки. Тут даже у шлюх имелись титулы. Ухищрениями садовников парк был разделен на участки, располагающие к уединению. Тут вам и пруды, и беседки, и мощеные дорожки, и ошеломляющий аромат цветов.

– Чересчур роскошно для нас, – заметил я.

– Что мы здесь делаем? – поинтересовался Лейтенант, пока остальные рассаживались.

Капитан сидел во главе огромного каменного стола – вокруг запросто могли расположиться человек двадцать.

– Мы в гостях. И ведите себя соответственно.

Он поиграл приколотым возле сердца значком, удостоверяющим, что его обладатель находится под защитой Душелова. У всех у нас были такие же значки, но мы редко их носили. Жест Капитана намекал, что следует исправить это упущение.

– В гостях у кого-то из Взятых? – уточнил я, борясь с пивным хмелем.

Подобные события следует упоминать в Анналах.

– Нет, значки тут носят в знак уважения к дому. – Капитан повел рукой.

Все вокруг имели значки, обозначающие принадлежность к тому или иному из Взятых. Несколько эмблем я распознал. Ревун, Крадущийся в Ночи, Зовущая Бурю, Хромой.

– Новый хозяин дома желает вступить в наши ряды.

– Записаться в Черный Отряд? – переспросил Одноглазый. – У него с головой все в порядке?

Последнего рекрута мы приняли несколько лет назад.

Капитан пожал плечами и улыбнулся:

– Однажды такое желание изъявил даже некий шаман.

– И с тех пор об этом жалеет, – буркнул Одноглазый.

– Почему же он до сих пор здесь? – спросил я.

Одноглазый промолчал. Черный Отряд покидают только ногами вперед. Для всех нас он дом родной.

– Что скажешь о хозяине? – поинтересовался Лейтенант.

Капитан закрыл глаза:

– Он необычный. Может стать для нас ценным приобретением. Мне этот парень нравится. Впрочем, судите сами. Вот он.

Капитан указал пальцем на обзирающего сад человека.

На нем была серая одежда, поношенная и залатанная. Невысокий, худощавый и смуглый. Немного моложе тридцати, пожалуй. Красив какой-то мрачной красотой. Не сказать, что располагает к себе внешним видом...

Или я не прав? Со второго взгляда начинаешь замечать нечто разительное. Напряженность, внешнюю невозмутимость, что-то еле уловимое в позе.

Роскошь парка нисколько не смутила этого парня. Проходящие мимо бросали на него взгляд и морщились. Они замечали не человека, а лохмотья – и не скрывали отвращения. Мало того что сюда пропустили нас, так теперь еще и этого голодранца.

К нему уже шел служитель в роскошных одеяниях, намереваясь показать выход из усадьбы, куда бедняк забрел явно по ошибке.

Незнакомец направился к нам, миновав служителя с таким видом, будто того не существовало. В движениях была заметна некоторая скованность и неровность, наводящая на мысль, что он оправляется после недавно полученных ранений.

– Капитан?

– Добрый день. Присаживайтесь.

От группы старших офицеров и стройных молодых женщин отделился тучный штабной генерал, сделал несколько шагов в нашу сторону, замер. Его одолевало искушение поделиться своими предрассудками.

Я узнал его. Лорд Джалена. Выше можно подняться, лишь став одним из Десяти Взятых. Напудренная физиономия генерала налилась кровью. Если Капитан и заметил лорда, то не подал виду.

– Господа, это... Ворон. Он хочет служить вместе с нами. Ворон – не настоящее имя, но это не имеет значения. Вы все тоже в свое время назвались чужими именами. Можете представиться и задать вопросы.

Было в этом Вороне нечто странное. Очевидно, мы были именно его гостями. Манерами он не напоминал нищего бродягу, но выглядел так, словно истоптал немало трудных дорог.

К нашему столу, тяжело дыша, подошел Джалена. Таких свиней я бы с удовольствием подвергал хотя бы половине той муштры, которой они истязают своих солдат. Лорд хмуро посмотрел на Капитана.

– Сударь, – пропыхтел он, – у вас серьезные связи, и мы не оспариваем ваше право находиться здесь, но... парк предназначен для утонченных персон. Ему уже двести лет, и мы не можем допустить...

Капитан снизошел до загадочной улыбки и негромко ответил:

– Я тут всего лишь посетитель, милорд. Если вам не нравится мое общество, жалуйтесь хозяину. – Он указал на Ворона.

Джалена сделал полуоборот направо:

– Сударь... – У него полезли на лоб глаза и округлился рот. – Ты!

У глядевшего на Джалену Ворона ни один мускул не дрогнул на лице, ни одна ресница не шелохнулась. Со щек толстяка сошла краска. Он бросил умоляющий взгляд на своих приятелей, вновь посмотрел на Ворона и повернулся к Капитану. Губы шевелились, но произнести хотя бы слово лорд не смог.

Капитан протянул Ворону руку. Тот взял значок Душелова и нацепил себе на грудь, у сердца.

Джалена еще больше побледнел и попятился.

– Кажется, вы знакомы, – заметил Капитан.

– Он был уверен, что я мертв.

Джалена вернулся к своим, что-то возбужденно сказал и вытянул руку. Побледневшие мужчины посмотрели в нашу сторону. После короткого спора вся компания спешно покинула парк.

Ворон не стал ничего объяснять, лишь спросил:

– Не перейти ли нам к делу?

– А ты не хочешь объяснить, что сейчас произошло? – Голос Капитана был опасно вкрадчив.

– Нет.

– Подумай еще раз. Твое присутствие может навлечь беду на весь Отряд.

– Не навлечет. Это личное дело. И я не потащу за собой мое прошлое.

Капитан обдумал его слова. Он не из тех, кто копается в биографии подчиненных без причины. Сейчас он решил, что причина имеется.

– И как же можно этого избежать? Ведь ты, похоже, чем-то насолил лорду Джалене.

– Не Джалене, а его приятелям. Это старая история. Я все улажу до того, как отправлюсь вместе с вами. Для этого пятерым придется умереть.

Прозвучало интересно. Ах, этот аромат тайны! Темные делишки, месть – то что надо для захватывающего рассказа.

– Меня зовут Костоправ. Почему ты не хочешь поделиться с нами своей историей?

Ворон посмотрел мне в лицо, с явным усилием сохраняя невозмутимость:

– Она личная, очень давняя и позорная. Я не желаю об этом говорить.

– В таком случае я не могу голосовать «за», – сказал Одноглазый.

Двое мужчин и женщина прошли мимо нас по мощеной дорожке и остановились, разглядывая то место, где недавно находилась компания лорда Джалены. Опоздавшие? Вид у них был удивленный, они о чем-то заспорили.

Эльмо поддержал Одноглазого. Такое же решение принял и Лейтенант.

– А ты, Костоправ? – спросил Капитан.

Я проголосовал «за», потому что чуял тайну и не хотел ее упускать. Капитан обратился к Ворону:

– Мне известна часть твоей истории. Поэтому я поддерживаю Одноглазого. Хотелось бы тебя принять, но я должен думать о благе Отряда... Попробуй уладить свои проблемы до нашего ухода.

Опоздавшие направились в нашу сторону – презрительно задирая носы, но все же намереваясь узнать, что произошло с теми, кто их приглашал.

– Сколько у меня времени? – спросил Ворон. – Когда вы уходите?

– Завтра на рассвете.

– Что?! – изумился я.

– Помолчи-ка, – перебил меня Одноглазый, а затем обратился к Капитану: – И в самом деле, как так получилось?

Даже Лейтенант, никогда не обсуждавший приказы, сказал:

– Вроде нам была обещана пара недель отдыха.

Он здесь обзавелся подружкой – впервые на моей памяти. Капитан пожал плечами:

– Мы нужны на севере. Мятежник по имени Загребуший выбил Хромого из крепости в Сделке.

Опоздавшие приблизились к нам, один из мужчин спросил:

– Куда подевалась компания из грота Камелий?

Его голос прозвучал визгливо и немного гнусаво, у меня даже волосы зашевелились на затылке. Незнакомец источал высокомерие и презрение. Я не слышал подобного тона с того дня, как вступил в Отряд. Аристократы Берилла никогда не позволяли себе такого хамства в нашем присутствии.

В Опале еще не знают Черный Отряд, напомнил я себе. Скоро узнают.

Голос поразил Ворона, словно удар молотом по затылку. Он окаменел. На мгновение глаза превратились в лед. Потом уголки губ шевельнула улыбка – такой зловещей мне видеть не случалось.

– Теперь я понял, почему у Джалены вдруг расстроился желудок, – прошептал Капитан.

Мы сидели неподвижно, замороженные смертельной угрозой. Ворон медленно поднялся, одновременно оборачиваясь. Подошедшая тройца увидела его лицо.

Визгливый поперхнулся. Стоящий рядом с ним мужчина затрясся. Женщина открыла рот, но не смогла выдать ни слова.

Я так и не понял, как в руке Ворона оказался нож, – все произошло почти мгновенно. Из перерезанного горла визгливого аристократа хлынула кровь. Его приятель рухнул, пораженный сталью в сердце. А Ворон стиснул левой рукой горло женщины.

– Не надо... – прошептала та. – Умоляю...

Она не сопротивлялась. И не ждала пощады.

Ворон надавил, заставив женщину рухнуть на колени. Ее лицо побагровело, опухло от прилива крови, изо рта вывалился язык. Она сжала запястье Ворона, содрогнулась. Тот поднял ее, и впился взглядом в глаза, и смотрел, пока они не закатились. Женщина обмякла, вновь вздрогнула и умерла.

Ворон отдернул руку и уставился на свои трясущиеся пальцы. Его лицо страшно исказилось, тело била нервная дрожь.

– Костоправ! – гаркнул Капитан. – Ты вроде называешь себя лекарем?

– Угу.

Окружающие начали реагировать, люди в парке не сводили с нас глаз. Я проверил пульс визгливого, потом его приятеля. Оба мертвы. Затем повернулся к женщине.

Ворон опустился на колени, взял ее за левую руку. Его глаза блестели от слез. Он снял золотое обручальное кольцо, сунул себе в карман. Больше ничего не взял, хотя драгоценностей у женщины хватило бы на целое состояние.

Мы встретились взглядами. Его глаза вновь превратились в лед, и я не посмел озвучить свою догадку.

– Не хочу показаться паникером, – проворчал Одноглазый, – но почему мы все еще здесь торчим?

– Прекрасная мысль, – подхватил Эльмо и сразу же воплотил ее в жизнь.

– Пошевеливайся! – рявкнул на меня Капитан и схватил Ворона за руку.

Я пристроился за ними.

– До рассвета улажу все мои дела, – пообещал на ходу Ворон.

Капитан на мгновение обернулся.

– Да, – только и бросил он.

Я тоже подумал: «Да».

Но мы уйдем из Опала без Ворона.

В тот вечер Капитан получил несколько писем с оскорблениями и угрозами.

– Эти трое, наверное, были местными шишками, – скупко прокомментировал он.

– Они носили значки Хромого, – добавил я. – Кстати, что тебе известно о Вороне? Кто он такой?

– Человек, не поладивший с Хромым. Его подло обманули и бросили, посчитав убитым.

– А о той женщине он скромно умолчал?

Капитан пожал плечами. Я принял его жест за подтверждение.

– Готов поспорить, что она была его женой. Возможно, предала.

Предательства здесь в порядке вещей. Равно как и заговоры, убийства и неприкрытая борьба за власть. Все прелести упадка. Госпожа в эту мышиную возню не вмешивается. Наверное, предпочитает наблюдать и потешаться.

Мы продвигались на север, к центру империи. С каждым днем местность становилась все более унылой, а жители – все более угрюмыми и неприветливыми. Счастливыми эти земли не назовешь. Даже в такое благодатное время года.

Настал день, когда нам пришлось объезжать самое сердце этого государства – Башню в Чарах, построенную Госпожой после воскрешения. Нас сопровождал эскорт, настороженные кавалеристы не позволяли приближаться к Башне меньше чем на три мили, но она виднелась над горизонтом даже с такого расстояния – куб из темного камня, массивный, высотой не менее пятисот футов.

Я рассматривал Башню весь день. Как выглядит наша хозяйка? Увижу ли я ее когда-нибудь? Она интриговала меня. В тот же вечер я взял перо и попытался описать ее, но мое воображение вскоре опустилось до романтических фантазий.

На следующий день нас отыскал бледнолицый всадник, скакавший на юг в поисках Черного Отряда. Судя по значку, он служил Хромому. Дозорные привели его к Лейтенанту.

– Вы, бездельники, здесь прохлаждаетесь, а вас ждут под Форсбергом! Кончайте валять дурака – и вперед!

Лейтенант – человек спокойный, привыкший к уважению. Он настолько опешил, что промолчал. Гонец вел себя все агрессивней. Наконец Лейтенант спросил:

– Какое у тебя звание?

– Капрал! Гонец Хромого. Советую поторопиться, приятель. С Хромым шутки плохи.

В нашем Отряде Лейтенант следит за дисциплиной и определяет наказания. Это бремя он сам снял с Капитана. Он справедлив и никогда не перегибает палку.

– Сержант! – рявкнул он, обращаясь к Эльмо. – Ты мне нужен.

Лейтенант был зол. Обычно лишь Капитан называет Эльмо сержантом.

Эльмо, ехавший рядом с Капитаном, пустил коня рысью вдоль нашей колонны. Капитан последовал за ним.

– Какие будут распоряжения? – спросил Эльмо.

Лейтенант остановил Отряд:

– Научите эту деревенщину уважать старших по званию.

– Есть. Масло и Сапожник, выполняйте.

– Двадцати плетей ему хватит.

– Есть двадцать плетей.

– Да вы что себе позволяете? Никакой вонючий наемник не смеет...

– Лейтенант, – оборвал гонца Капитан, – по-моему, он заслужил еще десяток горячих.

– Согласен. Эльмо!

– Есть тридцать плетей, Лейтенант.

Взлетел кулак Эльмо, гонец мешком свалился с седла. Масло и Сапожник подхватили его, подтащили к придорожной изгороди. Затем Сапожник разорвал на спине капрала рубашку.

Эльмо принялся работать ездовой плетью Лейтенанта. Он не особенно усердствовал, потому что не вымещал злобу, а лишь доводил нужную мысль до ума тех, кто считал Черный Отряд чем-то второсортным.

Когда Эльмо закончил, я подошел к гонцу, прихватив сумку:

– Постарайся расслабиться, парень. Я лекарь. Промою тебе спину и забинтую. – Я похлопал его по щеке. – Для северянина ты держался неплохо.

Когда я обработал капралу спину, Эльмо протянул ему новую рубашку, а я, дав несколько медицинских советов, добавил:

– Доложи о себе Капитану так, словно ничего не произошло. – Я показал ему Капитана. – Действуй.

Как выяснилось, наш приятель Ворон успел-таки к нам присоединиться. Теперь он наблюдал за происходящим, сидя на взмыленной и запыленной чалой кобыле.

Гонец прислушался к моему совету.

– Передай Хромому, – ответил Капитан, – что я веду Отряд с той скоростью, с какой он может двигаться. И я не погоню людей вперед, иначе у них не останется сил сражаться.

– Да, Капитан. Я все ему передам, Капитан. – Гонец осторожно забрался в седло.

Он хорошо скрывал свои чувства.

– Хромой тебе за это сердце вырежет, – предостерег Ворон.

– На его неудовольствие мне наплевать, – ответил Капитан. – Я думал, ты присоединишься к нам, прежде чем мы выйдем из Опала.

– Провозился, сводя счеты. Одного вообще в городе не оказалось, другого предупредил лорд Джалена. На поиски ушло бы три дня.

– На поиски того, который удрал из города?

– Я предпочел догнать вас.

Ответ не удовлетворил Капитана, и он зашел с другой стороны:

– Ты не можешь вступить в Отряд, пока у тебя есть интересы на стороне.

– Их больше нет. Главный долг заплачен.

Я догадался, что он имел в виду женщину. Капитан хмуро взглянул на Ворона:

– Ладно. Езжай со взводом Эльмо.

– Спасибо... господин Капитан.

Я удивился. Ворон явно не из тех, кто привык называть других господами.

Поход продолжался: Отряд миновал Вяз, углубился в провинцию Клин, проехал Розы и двинулся дальше на север по Форсбергу. Эта провинция, некогда бывшая королевством, стала полем кровавой схватки.

Город Весло расположен у северных границ Форсберга, а чуть дальше, в лесах, находится Курганье, где Госпожа и ее любовник Властелин были похоронены четыре века назад. Придурковатые колдуны из Весла затеяли магические исследования и пробудили Госпожу и Десять Взятых от темных навязчивых снов. Теперь одолеваемые виной потомки тех чародеев сражаются с Госпожой.

Южный Форсберг встретил нас обманчивым миролюбием. Крестьяне приветствовали Отряд без особого восторга, но деньги брали охотно.

– Для них в диковинку, что солдаты Госпожи платят, – сказал Ворон. – Взятые попросту хватают все, что приглянется.

Капитан хмыкнул. Мы бы и сами так поступали, если бы не получили от Душелова наказ вести себя вежливо. Перед отъездом он щедро наполнил казну Отряда. Капитан не возражал. К чему зря заводить врагов?

Мы ехали уже два месяца, и все выдохлись. За спиной осталась тысяча миль. Капитан решил дать Отряду передышку на границе зоны боев. Возможно, у него появились сомнения насчет службы Госпоже.

Как бы то ни было, зачем гоняться за неприятностями? Особенно если плата не меняется, сражаешься ты или нет.

Капитан завел нас в лес. Пока мы разбивали лагерь, он разговаривал с Вороном. Я наблюдал за ними.

Любопытно. Этих людей начинает что-то связывать. Я не мог понять, что именно, поскольку слишком мало знал о каждом из них. Просто Ворон – новая загадка, а Капитан – старая.

За все годы, проведенные рядом с Капитаном, я почти ничего про него не узнал. Так, намек там, намек здесь, приправленные домыслами.

Капитан родился в одном из Драгоценных городов. Он был профессиональным солдатом. Что-то перевернуло его личную жизнь. Вероятно, женщина. Он наплевал на контракт и чин и стал бродягой, а через некоторое время связался с нашей компанией духовных изгнанников.

У каждого из нас есть прошлое. И сдается, мы окутываем его туманом вовсе не для того, чтобы спрятать, а просто думаем, что выйдем романтичнее, многозначительно закатывая глаза и тонко намекая на прекрасных женщин, с которыми расстались навсегда. Те из нас, чьи истории я сумел выведать, бежали от закона, а не от трагической любви.

Капитан и Ворон, очевидно, нашли друг в друге родственную душу.

Мы выбрали место для лагеря, расставили дозорных и устроились на отдых. Хотя в стране шла война, ни одной из противоборствующих сторон не удалось сразу обнаружить наше прибытие.

Молчун, желая повысить бдительность часовых, пустил в ход свои способности и обнаружил шпионов, сумевших пересечь линию наших пикетов и замаскироваться. Он предупредил Одноглазого, а тот доложил Капитану.

Капитан вызвал меня, Одноглазого, Гоблина и еще несколько солдат, потом разложил карту на пне, до этого служившем карточным столом.

– Где они?

– Двое здесь. Еще двое тут. И один вот в этом месте.

– Пошлите кого-нибудь к часовым с приказом незаметно вернуться в лагерь. Мы отсюда сматываемся – тоже незаметно. Гоблин... Где Гоблин? Передайте Гоблину, чтобы держал свои иллюзии наготове.

Капитан решил ни во что не ввязываться. На мой взгляд, разумное решение.

– Где Ворон? – спросил он через несколько минут.

– Кажется, пошел ловить шпионов, – ответил я.

– Что? Да он сдурел! – Лицо Капитана потемнело. – А тебе что надо?

Гоблин взвизгнул, как придавленная каблуком крыса. У колдуна голосок на диво тонкий, а гнев Капитана сделал его и вовсе похожим на писк птенчика.

– Ты ж меня вызвал.

Капитан ходил по кругу, с силой топая, рыча и хмурясь. Обладая он талантом Гоблина или Одноглазого, из ушей наверняка валил бы дым.

Я подмигнул Гоблину, тот расплылся в улыбке и стал похож на большую жабу. Грозный танец войны в исполнении Капитана был всего лишь предупреждением, чтобы не беспокоили по пустякам. Капитан шуршал картами. Капитан метал свирепые взгляды. Наконец он резко обернулся ко мне:

– Это ты его подговорил?

– Нет. – Я не пытаюсь творить историю Отряда, а лишь записываю ее.

Тут показался Ворон. Он бросил к ногам Капитана труп и продемонстрировал связку жутких трофеев.

– Что за мерзость?

– Большие пальцы. В здешних краях считают, что они приносят удачу.

Капитан аж позеленел.

– А мертвяк для чего?

– Суньте его пятками в костер и немного подержите. Враги не станут терять время на раздумья о том, как мы догадались, что они рядом.

Одноглазый, Гоблин и Молчун окутали Отряд чарами. Мы выскользнули из леса, словно рыба из рук неуклюжего рыбака. Следивший за нами вражеский батальон ничего не заметил. Мы двинулись напрямиком на север. Капитан намеревался отыскать Хромого.

Под вечер Одноглазый затянул походную песню. Гоблин протестующе пискнул. Одноглазый ухмыльнулся и запел громче.

– Он подменил слова! – заверещал Гоблин.

Солдаты заулыбались, предвкушая развлечение. Гоблин и Одноглазый враждуют уже десятки лет. Подзуживать всегда начинает Одноглазый, а Гоблин порой бывает чувствительным, как свежий ожог. Следить за их перепалкой – одно удовольствие.

На сей раз Гоблин не поддался на провокацию и проигнорировал слова Одноглазого. Черный коротышка почувствовал себя оскорбленным и запел еще громче. Мы ожидали фейерверка, а кончилось все скукой. Поняв, что старался зря, Одноглазый надулся.

Чуть позднее Гоблин шепнул мне:

– Держи ушки на макушке, Костоправ. Места незнакомые, всякое может случиться, – и хихикнул.

На бедро кобылы Одноглазого сел овод. Лошадь заржала и взбрыкнула, сонный Одноглазый кувырнулся через хвост. Солдаты давились от смеха. Морщинистый низкорослый колдун поднялся, ругаясь стряхнул с себя пыль ветхой шляпой и в сердцах треснул кобылу кулаком по лбу. Потом он долго приплясывал, стонал и дул на разбитые костяшки пальцев.

В награду от зрителей он получил восторженный рев. Гоблин скромно ухмылялся.

Вскоре Одноглазый задремал вновь. Этому фокусу легко научиться, проехав в седле тьму утомительных миль. К коротышке на плечо уселась птица. Одноглазый фыркнул и замахнулся... Птица улетела, оставив на куртке огромное и вонючее красное пятно. Одноглазый взвыл и принялся швыряться чем попало, а стаскивая с себя куртку, ухитрился ее порвать.

Мы вновь расхохотались. Гоблин выглядел невинным, словно девственница. Одноглазый скалился и ворчал, но все еще не догадывался.

До него начало доходить, в чем дело, когда, въехав на вершину холма, мы увидели группу карликов размером с обезьянку, азартно целующих идола в виде лошадиной задницы. Каждый являл собой миниатюрную копию Одноглазого.

Маленький колдун метнул в Гоблина убийственный взгляд. Тот недоуменно пожал плечами: мол, он тут ни при чем.

– Очко в пользу Гоблина, – рассудил я.

– Берегись, Костоправ, – прорычал Одноглазый. – Иначе будешь целовать меня сюда. – И похлопал себя по заднице.

– После дождичка в четверг.

Да, он более опытный волшебник, чем Гоблин или Молчун, но все же не такой мастак, каким себя выставляет. Если бы он мог выполнить хотя бы половину своих угроз, то стал бы опасен для Взятых. Молчун последовательнее его, а Гоблин более изобретателен.

Теперь Одноглазый несколько ночей не сомкнет глаз, придумывая, как поквитаться с Гоблином. Своеобразная парочка, что ни говори. Для меня загадка, почему они до сих пор не убили друг друга.

Отыскать Хромого оказалось труднее, чем этого пожелать. Мы шли по его следу до леса, где обнаружили заброшенные земляные укрепления и множество убитых мятежников. Из леса спустились в широкую долину, прорезанную искрящимся на солнце ручьем.

– Что за чертовщина? – спросил я Гоблина. – Странно...

Весь луг был усеян широкими черными бугорками. Повсюду лежали тела.

– Одна из причин, по которым боятся Взятых. Смертоносные заклинания. От их жара вспучилась земля.

Я остановился и осмотрел бугорок. Круг словно провели циркулем – его граница была четкой, как нарисованная пером. На почерневшей земле валялись обугленные скелеты. Мечи и наконечники копий казались сделанными из воска и слишком долго пролежавшими на солнце. Я заметил, что Одноглазый не в силах оторваться от жуткого зрелища.

– Когда ты сумеешь это повторить, я стану тебя бояться.

– Если я такое сумею, то стану бояться сам себя.

Другой круг оказался точной копией первого. Ворон остановил лошадь рядом со мной.

– Работа Хромого. Я такое уже видел.

Я почувствовал перемену ветра. Сдается, Ворон сейчас в подходящем настроении.

– Когда это было?

Ворон проигнорировал мой вопрос. Нет, он не вылезет из своей раковины. При встречах даже здороваются не всякий раз, так стоит ли надеяться, что расскажет, кто он такой и кем был?

Хладнокровный человек. Ужасы долины его совсем не тронули.

– Хромой проиграл это сражение, – решил Капитан. – Теперь он бежит.

– Будем и дальше следовать за ним? – спросил Лейтенант.

– Эта страна нам незнакома. Слишком опасно действовать на свой страх и риск.

Мы ехали по следу насилия, в полосе уничтожения. Вокруг вытоптаные поля, сожженные деревни, зарезанные люди, забитый скот, отравленные колодцы. Хромой оставлял за собой только смерть и опустошение.

Нам приказано помочь с обороной Форсберга. Присоединиться к Хромому мы не обязаны. Я вообще не хочу иметь с ним дела. Не хочу даже находиться с ним в одной провинции.

По мере того как следы разрушений становились все более свежими, Ворон выказывал возбуждение и тревогу, погружался в себя, накапливая решимость, и все чаще прибегал к жесткому самоконтролю, за которым нередко скрывал свои чувства.

Размышляя о характерах товарищей, я всегда жалею, что не способен посмотреть им в душу и сорвать покров с того темного и светлого, что ими движет. Но, быстро заглянув в джунгли собственной души, я благодарю небеса, не одарившие меня сим малым талантом. Тот, кто едва выдерживает сражение с самим собой, не имеет права копаться в чужом прошлом.

Пузо, высланный в дозор, торопился обратно, но мы и без него знали, что подобрались близко. Весь горизонт порос высокими косыми столбами дыма. Эта часть Форсберга оказалась равнинной и восхитительно зеленой, и столбы маслянистого чада выглядели на фоне синего неба святотатственно.

Ветра почти не было. День обещал стать очень жарким.

Пузо остановил коня возле Лейтенанта. Мы с Эльмо прекратили обмениваться бородачьи байками и прислушались. Пузо указал на дым:

– Капитан, в деревне остались люди Хромого.

– Ты с ними разговаривал?

– Нет. Башка решил, что вы этого не одобрили бы. Он ждет на околице.

– Сколько их там?

– Двадцать; может, двадцать пять. Пьяные и злые. Офицер и вовсе сволочь, хуже солдат.

Лейтенант обернулся:

– Эй, Эльмо! Сегодня тебе повезло. Возьми десять человек и поезжай с Пузом. Осмотришь в деревне.

– Проклятье! – процедил Эльмо. Он хороший солдат, но жаркая весна сделала его ленивым. – Ладно. Масло, Молчун, Недомерок, Блондин, Козел, Ворон...

Я многозначительно кашлянул.

– Ты свихнулся, Костоправ? Ну хорошо. – Он быстро посчитал на пальцах, назвал еще три имени.

Мы построились рядом с колонной. Эльмо провел быструю проверку, тыча пальцем, – убедился, что каждый не забыл прихватить голову.

– Тронулись.

Мы пришпорили лошадей. Пузо привел нас в рошу, откуда открывался вид на разоренную деревню. Там ждали Башка и Весельчак.

– Какие новости? – спросил Эльмо.

Весельчак, у которого сарказм в крови, ответил:

– Что не тухнет, то горит.

Мы посмотрели на деревню. От увиденного меня едва не вывернуло наизнанку. Заколотый скот, мертвые собаки и кошки, изувеченные трупы детей.

– Нет, только не дети, – пробормотал я, даже не сознавая, что думаю вслух. – Ну почему опять дети?

Эльмо посмотрел на меня как-то странно – не потому, что зрелище тронуло и его, а из-за нехарактерного для меня сочувствия. На своем веку я навиделся мертвецов. Но сейчас не стал пояснять, что для меня существует большая разница между убийством взрослого и ребенка.

– Эльмо, мне нужно туда.

– Не дури, Костоправ. Что ты сможешь сделать?

– Спасти хотя бы одного мальчика...

– Я с ним, – заявил Ворон.

В его руке появился нож. Должно быть, у фокусника обучился этому трюку. Ворон показывает его, когда нервничает или сердится.

– Надеешься запугать двадцать пять человек?

Ворон пожал плечами:

– Эльмо, Костоправ верно сказал. Это необходимо сделать. Есть вещи, которые спускать нельзя.

– Тогда поедем все, – сдался Эльмо. – И молитесь, чтобы они не были пьяны до такой степени, когда своих не отличают от врагов.

Ворон пришпорил лошадь.

Деревня оказалась порядочного размера – до прихода Хромого в ней было две сотни домов. Половина уже сгорела или догорала. На улицах повсюду лежали трупы, к их незрячим глазам липли мухи.

– Тут нет мужчин призывного возраста, – заметил я.

Спешившись, я опустился на колени возле мальчика четырех-пяти лет. Череп был разбит, но ребенок еще дышал. Рядом со мной присел Ворон.

– Я бессилен, – признался я.

– Можешь прекратить его мучения. – В глазах Ворона блеснули слезы. Слезы и гнев. – Такому оправдания не бывает. – Он подошел к трупу, лежащему в тени.

То был парнишка лет семнадцати, в куртке солдата главной армии мятежников, и умер он сражаясь.

– Наверное, приехал в отпуск, – сказал Ворон. – Всю деревню защищал один мальчишка. – Он вынул из мертвых пальцев лук, согнул для пробы. – Хорошее дерево. Пара тысяч таких луков – и можно наголову разгромить армию Хромого. – Он перебросил лук через плечо и прихватил колчан паренька.

Я осмотрел еще двух детей, но их невозможно было спасти. В сгоревшей хижине я заметил старуху, которая попыталась заслонить своим телом младенца. Тщетно.

Ворон источал отвращение.

– Такие твари, как Хромой, – процедил он, – убивая одного врага, создают двух новых.

Я услышал приглушенный плач, ругань и смех где-то впереди.

– Давай посмотрим, что там.

Возле хижины мы наткнулись на четверых мертвых солдат – это поработал парнишка.
– Хорошо стрелял, – заметил Ворон. – Дурак несчастный.

– Дурак?

– У него не хватило ума смыться в самом начале. Может, и остальные не пострадали бы так.

Накал его чувств удивил меня. Какое дело этому человеку до парня, воевавшего не на нашей стороне?

– У мертвых героев не бывает второго шанса, – добавил Ворон.

Ага! Он проводит параллель с событиями из своего таинственного прошлого.

Ругань и плач обернулись сценой, которая показалась бы отвратительной любому, обладающему хоть каплей человечности.

Дюжина солдат стояла кольцом, хохоча над своими грубыми шутками. Я вспомнил, что однажды видел суку, окруженную кобелями, которые не дрались, как обычно, за право к ней пристроиться, а работали по очереди. Наверное, ее замучили бы до смерти, если бы я не вмешался.

Мы с Вороном сели на лошадей, чтобы лучше видеть.

Жертвой солдат оказалась девочка лет девяти. Все ее тело покрывали рубцы от ударов плетью. До смерти перепуганная, она тем не менее не издавала ни звука. Через секунду я понял: это немая.

Война – дело жестокое, и участвуют в ней жестокие люди. Боги знают, что в Черном Отряде не херувимы собрались. Но всему есть предел.

Рядом стоял старик, которого заставляли смотреть. Он-то и ругался, и плакал.

Ворон всадил стрелу в солдата, что собирался залезть на девочку.

– Проклятье! – взревел Эльмо. – Ворон!

Солдаты повернулись к нам. Блеснуло оружие. Ворон выпустил вторую стрелу и свалил бойца, державшего старика. У людей Хромого сразу пропало желание сражаться.

– Блондин, – тихо сказал Эльмо, – беги к нашему командиру и передай, чтобы тащил сюда свою задницу.

Одному из солдат Хромого пришла в голову схожая идея, и он помчался прочь. Ворон не препятствовал. Видно, нисколько не тревожился о том, что Капитан спустит с него шкуру.

– Эй, старик! Иди сюда с девочкой. И накинь на нее что-нибудь.

Я не мог не аплодировать мысленно Ворону, но одновременно проклинал его за глупость.

Мы держались настороже и без приказов Эльмо, так как прекрасно понимали, что крепко вляпались. «Поторопись, Блондин», – подумал я.

Посланник мародеров добежал до своего командира быстрее – тот, пошатываясь, уже приближался к нам. Пузо оказался прав, этот начальник был хуже своих подчиненных.

Старик и девочка вцепились в стремя Ворона. Приглядевшись к нашим значкам, старик нахмурился. Эльмо послал свою лошадь вперед, сначала указав мне на Ворона. Я кивнул.

Офицер остановился на пути у Эльмо, осоловелые глаза пробежались по нашим лицам. Кажется, братья Черного Отряда произвели на него впечатление. Закаленные суровой службой, мы выглядели внушительно.

– Ты! – внезапно пискнул он, увидев Ворона, – в точности как в свое время визгливый в Опале.

А потом развернулся и побежал.

– Стой, Лейн! – загремел Ворон. – Веди себя как мужчина, трусливый ворюга! – И выхватил из колчана стрелу.

Эльмо перерезал ему тетиву.

Лейн остановился, но благодарности не выказал. Он изрыгал проклятия и долго перечислял ужасные пытки, которым нас подвергнет его хозяин.

Я наблюдал за Вороном.

Тот смотрел на Эльмо с холодной яростью. Сержант выдержал его взгляд, даже не моргнув. Он тоже был вылеплен из крутого теста.

Ворон исполнил трюк с ножом, но я постучал острием меча по его лезвию. Он тихо выругался, сверкнул глазами и обуздал норов.

– Не забыл, что твоя прежняя жизнь осталась в прошлом? – спросил Эльмо.

Ворон резко кивнул:

– Это труднее, чем я думал. – У него поникли плечи. – Вали отсюда, Лейн. Ты слишком ничтожен, чтобы тебя убивать.

За спиной послышался стук копыт – к нам ехал Капитан.

Мелкий прихвостень Хромого сразу напыжился и принялся корчиться, словно собирающийся прыгнуть кот. Эльмо взглянул на него поверх вытянутого меча. Офицерик понял намек.

– Мне, конечно, не стоило горячиться, – пробормотал Ворон. – Он всего лишь мальчишка на побегушках.

Я задал Ворону уточняющий вопрос, но получил в ответ лишь притворно-равнодушный взгляд.

– Что за чертовщина тут происходит?! – загремел Капитан.

Эльмо начал докладывать отрывистыми фразами, но его перебил Ворон:

– Этот пьяница – из шакалов Зуада. Я хотел его убить, Эльмо и Костоправ меня остановили.

Зуад? Где я слышал это имя? Оно связано с Хромым. Полковник Зуад. Злодей номер один в армии Хромого. Политический союзник, и прочая, и прочая. Это имя пару раз проскакивало в разговорах Ворона и Капитана. Неужели Зуад – пятая на очереди жертва Ворона? Коли так, в несчастьях Ворона, должно быть, виноват сам Хромоу.

Все любопытнее и любопытнее. А также страшнее и страшнее. Хромоу не из тех, с кем стоит портить отношения.

– Я требую, чтобы этого человека арестовали! – прокричал офицер Хромого.

Капитан посмотрел ему в глаза.

– Он убил двух моих людей.

Тела лежали у всех на виду. Ворон промолчал. Обычно тихий, Эльмо не выдержал:

– Эти гады насильовали ребенка. Так они себе представляли умиротворение.

Капитан пристально смотрел на офицера. Тот покраснел. Даже отъявленный злодей устыдится, если его застукают на месте преступления.

– Костоправ! – рявкнул Капитан.

– Мы нашли только одного мертвого мятежника. Все указывает на то, что безобразия начались раньше, чем парня обнаружили солдаты Лейна.

– Жители деревни – подданные Госпожи? – спросил Капитан у пьяницы. – И находятся под ее защитой?

Его слова можно было бы оспорить в суде, но в данный момент они возымели действие. Офицер не стал оправдываться и признал свою моральную вину.

– Смотреть на тебя противно. – Капитан говорил вкрадчивым, опасным голосом. – Проваливай. И никогда не попадайся, иначе отдам тебя на милость моих друзей.

Пошатываясь, пьяный офицер побрел прочь. Капитан повернулся к Ворону:

– Ты, дурак набитый, хоть понимаешь, что натворил?

– Наверное, лучше вас всех, – устало ответил Ворон. – Но я сделал бы это снова.

– Только сначала подумай, придем ли мы вытаскивать тебя из дерьма. – Капитан сменил тему: – Как собираешься поступить со спасенными, благородный рыцарь?

Задаться этим вопросом Ворон еще не успел. Таинственные события прошлого приучили его жить только сегодняшним днем.

– Они под моей опекой, так, что ли?

Капитан бросил попытки догнать Хромого. Теперь действия Отряда в отрыве от главных сил выглядели меньшим злом.

Последствия сказались четыре дня спустя.

Мы только что завершили наше первое значительное сражение, разгромив отряд мятежников, вдвое превосходящий по численности. Это не составило труда – против нас вышли зеленые новобранцы, к тому же нам помогали колдуны. Мало кому из противников удалось бежать.

Поле боя осталось за нами. Солдаты обирали мертвецов. Эльмо, я, Капитан и несколько других удовлетворенно наблюдали. Одноглазый и Гоблин отмечали победу в своей уникальной манере, заставляя покойников произносить ехидные словечки в адрес соперника своего «кукловода».

Неожиданно Гоблин оцепенел. Его глаза закатились, из горла вырвался вой, становящийся все тоньше и тоньше. Колдун рухнул на землю.

Одноглазый, опередив меня на шаг, принялся похлопывать лежащего по щекам. Его привычная враждебность к Гоблину мгновенно исчезла.

– Освободите мне место! – рявкнул я.

Гоблин очнулся быстро – я успел лишь пощупать его пульс.

– Душелов, – пробормотал он. – Я был с ним в контакте.

В тот момент я несказанно радовался, что не обладаю талантами Гоблина. На мой взгляд, пустить кого-нибудь из Взятых себе в голову куда хуже, чем подвергнуться изнасилованию.

– Капитан! – крикнул я, не отходя от Гоблина. – Душелов.

Капитан тут же подбежал. Вообще-то, он бежит только в бою.

– В чем дело?

Гоблин вздохнул и открыл глаза:

– Он уже ушел. – Кожа Гоблина блестела от пота, волосы слиплись.

Колдун был бледен, его била дрожь.

– Ушел?! – гаркнул Капитан. – Что за чертовщина?

Мы помогли Гоблину усесться поудобнее.

– Хромой не стал разбираться с нами, а отправился напрямик к Госпоже. Его и Душелова разделяет пролитая кровь. Хромой думает, мы пришли, чтобы подкопаться под него. Вот и попробовал поменяться с нами ролями. Но Душелов после Берилла – в фаворе у Госпожи, а Хромой из-за военных неудач – нет. Госпожа приказала ему оставить нас в покое. Душелов не сумел добиться, чтобы Хромого заменили, но все же полагает, что выиграл этот раунд.

Гоблин смолк. Одноглазый дал большую кружку. Гоблин осушил ее единым духом.

– Душелов передает, чтобы мы держались от Хромого подальше. Тот попытается дискредитировать нас или даже натравить мятежников. Он говорит, что нам следует вновь захватить крепость в Сделке. Это собьет с толку и мятежников, и Хромого.

– Если ему требуется нечто эффектное, то почему не прикажет нам захватить сразу Круг Восемнадцати? – пробормотал Эльмо.

Круг Восемнадцати – верховное командование мятежников, восемнадцать колдунов, которые полагают, что у них есть все необходимое, чтобы тягаться с Госпожой и Взатыми. Загребущий, громивший Хромого в Форсберге, принадлежал к Кругу.

У Капитана был задумчивый вид.

– У тебя тоже возникло ощущение, что здесь замешана политика? – спросил он Ворона.

– Наш Отряд – орудие Душелова. Это всем известно. Загадка лишь в том, как он намерен свое орудие использовать.

– Я это понял еще в Опале.

Политика. Империя Госпожи якобы монолитна. Десять Взятых прилагают огромные усилия к сохранению ее целостности. Но еще больше энергии они тратят на грызню между собой, напоминая малышей, дерущихся из-за игрушки или материнского внимания.

– Это все? – буркнул Капитан.

– Все. Он сказал, что будет держать с нами связь.

Так что мы пошли и решили задачу. Глухой ночью захватили крепость в Сделке. Говорят, Загребущий и Хромой обезумели от злобы. Полагаю, Душелова эта новость только порадовала. Одноглазый сбросил карту в кучу.

– Кто-то приbedняется, – пробормотал он.

Гоблин схватил карту из кучи, выложил четырех валетов, сбросил даму и ухмыльнулся. Ежу было ясно, что он намерен играть на понижение и у него не осталось ничего крупнее двойки. Одноглазый шарахнул кулаком по столу и зашипел. С тех пор как мы сели играть, он ни разу не выиграл.

– Успокойтесь, парни, – велел Эльмо, не обращая внимания на сброшенную Гоблином даму. Он взял из колоды, посмотрел на карты, поднес их к самым глазам, выложил три четверки и сбросил двойку. Потом постучал по столу оставшимися двумя картами, улыбнулся Гоблину и сказал: – Если у тебя не туз, то берегись, пухляк.

Рассол подхватил двойку Эльмо, выложил ее вместе с тремя своими и сбросил тройку. Он сверлил Гоблина взглядом совиных глазок, недвусмысленно намекавшим на неприятности: если тот вздумает идти на понижение, его не спасет даже туз.

Я пожалел, что с нами нет Ворона, – в его присутствии Одноглазый слишком нервничал и не осмеливался мухлевать. Но Ворон сейчас был в «турнепсном патруле» – так мы называли еженедельные поездки в Весло для закупки продовольствия, – а на его стуле сидел Рассол.

Рассол – интендант Отряда, и в «турнепсный патруль» он обычно отправляется сам. Сегодня у него возникли проблемы с желудком, и он выпросил разрешение остаться.

– Похоже, нынче приbedняются все. – Я с отчаянием взгляделся в свои безнадежные карты.

Две семерки, две восьмерки и девятка, которая пойдет с одной из восьмерок, но все равно нет комбинации одной масти. Почти все, что могло бы пригодиться, лежит в куче.

Я потянул. Наконец-то! Еще одна девятка – есть комбинация. Я выложил ее, сбросил семерку и начал молиться. И впрямь сейчас меня могла выручить лишь молитва.

Одноглазый начихал на мою семерку и взял карту из колоды.

– Проклятье!

Он пристроил шестерку к выложенным мною картам и сбросил другую.

– Момент истины, – заявил он Гоблину. – Что, отбивная, собираешься потягаться с Рассолом? Эти форсбергцы, – добавил он, – настоящие психи. Мне такие еще нигде не попадались.

Мы сидели в крепости уже месяц – многовато для нас, но мне тут было хорошо.

– Скоро я настолько к ним привыкну, что они мне даже понравятся, – сказал я. – Если научатся любить меня. – Мы успели отбить четыре контратаки. – Ходи, Гоблин, не тяни вола за яйца. Сам знаешь, что уже ободрал нас с Эльмо.

Рассол поскреб ногтем уголок карты, пристально посмотрел на Гоблина.

– У них тут собрана вся коллекция мифов мятежников, – сказал он. – Пророки и лжепророки, вещие сны, божественные откровения. Даже слух о том, что где-то в здешних краях есть ребенок, родившийся реинкарнацией Белой Розы.

– Если ребенок уже здесь, то почему он до сих пор не прихлопнул нас? – спросил Эльмо.

– Потому что его до сих пор не нашли. Или ее. Говорят, мальчика ищет целая толпа местных.

Гоблин струсил. Он потянул карту, выругался, сбросил короля. Эльмо взял карту из колоды и сбросил другого короля. Рассол взглянул на Гоблина, еле заметно улыбнулся и взял карту, даже не потрудившись на нее посмотреть, затем пристроил пятерку к шестерке, которую Одноглазый уложил рядом с моей комбинацией, а взятую сбросил на кучу.

– Пятерка? – пискнул Гоблин. – Ты держал пятерку? Не могу поверить. У него была пятерка! – Он шлепнул на стол туза. – У него была проклятая пятерка!..

– Полегче, полегче, – предостерег его Эльмо. – Вспомни, ведь это ты всегда уговариваешь Одноглазого не кипятиться.

– Он блефовал! Ну как он сумел одурачить меня проклятой пятеркой?

Рассол, еле заметно улыбаясь, собирал выигрыш. Он был доволен собой – блефовал классно. Я сам готов был поклясться, что он держал туза.

Одноглазый сгреб карты и кинул их Гоблину:

– Сдавай.

– Ну это уж слишком! Он меня обманул пятеркой, так мне еще и сдавать?!

– Сейчас твоя очередь. Кончай бухтеть, тасуй.

– А от кого ты услышал эту чепуху про реинкарнацию? – спросил я Рассола.

– От Трофея.

Трофеем мы назвали спасенного Вороном старика. Рассол сумел подобрать к замкнувшемуся было в себе деду ключик, и теперь его и девочку уже никто не назвал бы тощими.

Девочке дали имя Душечка. Она очень привязалась к Ворону, повсюду за ним ходила и иногда доводила нас до белого каления. Я был рад, что Ворон поехал в город, – Душечка вряд ли покажется нам на глаза до его возвращения.

Гоблин сдал. Я посмотрел на свои карты. Вот уж точно – что в лоб, что по лбу. Чертовски близко к легендарной «пустышке Эльмо», то есть ни единой пары карт одной масти.

Гоблин взглянул на свои, и глаза у него полезли на лоб. Он шлепнул карты на стол картинками вверх:

– Тонк! Будь я проклят, если не тонк! Пятьдесят!

Он сдал себе пять королевских карт – автоматический выигрыш, требующий от партнеров расчета в двойном размере.

– Он способен выиграть, только когда сам себе сдает, – пробурчал Одноглазый.

– А ты, губошлеп, проигрываешь, даже если сдаешь, – хихикнул Гоблин.

Эльмо начал тасовать заново.

Мы сыграли очередную партию. В паузах Рассол пересказывал нам обрывки истории про реинкарнацию.

Мимо прошла Душечка – круглое веснушчатое лицо печально, глаза пусты. Я попытался представить ее в образе Белой Розы и не смог. Девочка не подходила для такой роли.

На следующем круге сдавал Рассол. Эльмо решил раскрыться, имея восемнадцать, но Одноглазый, взяв себе карту, выиграл с семнадцатью. Я сгреб карты и стал тасовать.

– Ты уж постарайся, Костоправ, – подзуживал Одноглазый. – Кончай дурака валять. Видишь, мне пошел фарт. Сдай-ка тузы и двойки.

Пятнадцать очков и меньше означали автоматический выигрыш, равно как сорок девять и пятьдесят.

– О, извини. Я поймал себя на том, что воспринял предрассудки мятежников всерьез.

– Верно, это прилипчивая чепуха, – подтвердил Рассол. – Рождает элегантную иллюзию надежды.

Я нахмурился, глядя на него. Ответная улыбка казалась немного застенчивой.

– Трудно проиграть, когда знаешь, что судьба на твоей стороне, – продолжал Рассол. – А мятежники это знают. По крайней мере, так говорит Ворон.

С Вороном наш славный старый интендант успел найти общий язык.

– В таком случае нам придется изменить их мысли.

– Не получится. Разгроми их сто раз подряд, а они все будут идти и идти. Именно по этой причине исполнится их пророчество.

– Тогда, – буркнул Эльмо, – нам нужно сделать нечто большее, чем просто разгромить их. Необходимо их унижить.

Под словом «нам» он подразумевал всех, кто воевал на стороне Госпожи.

Я сбросил восьмерку на кучу. Эти бесчисленные кучи – милевые столбы моей жизни.

– Что-то начинает надоедать.

Меня одолевало беспокойство. Хотелось чем-нибудь заняться. Чем угодно.

– За игрой время идет быстрее, – пожал плечами Эльмо.

– Верно, это и есть настоящая жизнь, – поддакнул Гоблин. – Сидишь себе и ждешь. Много ли времени мы вот так просидели за все эти годы?

– Специально не подсчитывал, – буркнул я, – но в карты мы играли чаще, чем занимались другими делами.

– Чу! – воскликнул Эльмо. – Я слышу внутренний голос. Он утверждает, что мои овечки заскучали. Рассол, тащи-ка мишени для стрельбы из лука и...

Его слова утонули в дружном стоне.

У Эльмо есть универсальный рецепт против скуки – тяжелые физические упражнения. Если через его дьявольскую полосу препятствий прогнать человека, тот или умрет, или излечится.

Рассол, издав полагающийся в такой ситуации звук, дополнил свой протест словами:

– Мне все равно придется разгружать фургоны. Парни вот-вот вернутся. Эльмо, если хочешь, чтобы бездельники поразмялись, отдай их мне.

Мы с Эльмо переглянулись. Гоблин и Одноглазый встревожились. Как, наши до сих пор не возвратились? Фургоны должны были приехать еще до полудня. Я-то думал, что парни давно отсыпаются. Тот, кто побывал в «турнепсном патруле», до конца дня больше не работник.

– Я думал, они уже давно здесь, – сказал Эльмо.

Гоблин махнул рукой в сторону кучи. Его карты мгновение плясали в воздухе. Он давал нам понять, что отпускает всех.

– Проверю, как у них дела.

Карты Одноглазого поползли по столу, сгибаясь и распрямляясь на манер пяденицы.

– Нет, я проверю, карапуз.

– Я первый вызвался, жабий дух.

– А я старше.

– Сделайте это оба, – предложил Эльмо и повернулся ко мне. – Я собираю взвод. Пойди скажи Лейтенанту. – Он бросил карты и направился к конюшне, выкрикивая на ходу имена.

Копыта вздымали пыль, непрерывно выбивали рокочущую дробь. Мы ехали быстро, но осторожно. Одноглазый вынюхивал неприятности, однако колдовать на скаку нелегко.

Все же он почуял врага вовремя. Эльмо торопливо дал команды жестами. Мы разбились на две группы и вломились в высокие придорожные заросли. Оттуда выскочил мятежник – прямо нам в руки. У его глотки не было ни единого шанса.

Через пару минут мы двинулись дальше.

– Надеюсь, никто из местных не задумается, почему мы всегда узнаем об их намерениях, – сказал мне Одноглазый.

– Пусть считают, что среди них наши шпионы.

– Разве может шпион так быстро передать весточку в Сделку? Наше везение становится неправдоподобным. Нужно, чтобы Капитан убедил Душелова вывести нас отсюда, пока мы еще на что-то годимся.

Он верно говорил. Едва раскроется наш секрет, мятежники нейтрализуют колдунов Отряда своими. И тогда конец везению.

Впереди показались стены Весла, и я запоздало испытал сожаление. Если честно, Лейтенант не давал добро на эту вылазку. Ужо Капитан накрутит мне хвост. От его ругани сгорают щетина на подбородке, и я успею состариться, пока не закончатся наложенные на меня взыскания. Прощайте, уличные красотки!

Сам виноват, что погорячился, – ведь я наполовину офицер.

Зато Эльмо и его капралов явно не смущала перспектива делать дальнейшую карьеру в Отряде, будучи уборщиками конюшен. Казалось, ими овладела лишь одна мысль: «Вперед!»

Вперед, ради славы Отряда! Даешь!

Они не были тупицами, просто не боялись ответить за неподчинение.

Когда мы въехали в Весло, идиот Одноглазый даже запел. Песня его собственного сочинения была сумбурна и исполнялась голосом, принципиально не способным выдерживать мелодию, – если эти вопли можно назвать мелодией.

– Заткнись, Одноглазый! – рыкнул Эльмо. – Внимание привлекаешь.

Впрочем, его приказ не имел смысла. Мы слишком очевидно были теми, кем были, и столь же очевидно пребывали в скверном настроении. В город наведалься не «турнепсний патруль». У нас чесались кулаки.

Одноглазый довыл песню и начал следующую.

– Заткнись, тебе говорят! – загремел Эльмо. – И займись своей проклятой работой.

Когда мы свернули за угол, копыта лошадей окутал черный туман. Из него высывались влажные носы, втягивали зловонный вечерний воздух и морщились. Следом показались миндалевидные глаза, сверкающие подобно адским лампам.

Шепоток страха сметал зевак с тротуаров.

Они поднимались над туманом все выше и выше – десять, двадцать, сотня фантомов, родившихся в яме со змеями, которую Одноглазый называет своим разумом. Они потоком хлынули вперед – быстрые, зубастые, гибкие черные существа, бросавшиеся на горожан. Перед ними катилась волна ужаса, и через минуту на улицах остались только мы и призраки.

В Весле я оказался в первый раз. Признаться, тарашился по сторонам, словно деревенский олух, въехавший в город на телеге с тыквами.

– Эй, посмотрите-ка сюда! – воскликнул Эльмо, когда мы свернули на улицу, где обычно останавливался «турнепсний патруль». – Это же старина Миляга!

Я слышал раньше это имя, но не был знаком с его обладателем. Миляга держал конюшню, где всегда останавливался «патруль».

Старик, сидевший возле конской поилки, встал.

– Слышал, как вы едете, – сказал он. – Я сделал все, что смог, Эльмо. Только вот лекаря не удалось для них найти.

– Мы захватили своего.

Хотя Миляга с трудом поспевал за Эльмо, тот не замедлил шагов.

Я принюхался и уловил слабый запах пожарища.

Миляга заторопился вперед и свернул за угол. Черные призраки мелькали у него под ногами, словно прибой, разбивающийся о валун на берегу. Мы пошли за стариком и увидели источник дымного запаха.

Кто-то поджег конюшню Миляги, а потом напал на наших парней, когда они оттуда выбежали. В небо все еще поднимались струйки дыма. На улице перед конюшней лежали убитые. Легкораненые, перекрыв улицу, направляли движение в обход.

К нам, хромая, подошел командовавший «турнепсным патрулем» Леденец.

– С кого мне начинать? – спросил я.

– Самые тяжелые лежат вон там. Но лучше начни с Ворона, если он еще жив.

Мое сердце дрогнуло. Ворон? Он казался неуязвимым.

Одноглазый пустил своих питомцев по окрестным улицам. Теперь ни один мятежник не подобрется к нам незаметно. Я пошел следом за Леденцом туда, где лежал Ворон. Тот был без сознания, лицо белое как бумага.

– Он самый тяжелый?

– По-моему, единственный, кто не выживет.

– Ты все сделал правильно. И шины наложил, как я учил. – Я осмотрел Леденца с головы до ног. – Тебе тоже лучше бы лечь.

Я занялся Вороном. Спереди у него было около тридцати ран, некоторые глубокие. Я вдел нитку в иглу.

Быстро проверив выставленные патрули, к нам подошел Эльмо.

– Плох? – спросил он.

– Наверняка не скажешь. В нем полно дырок. Потерял много крови. Передай Одноглазому, пусть сварганит зелье.

Одноглазый варит по своему рецепту супчик из трав и курятины, способный вселить надежду даже в раненого, стоящего одной ногой в могиле. Колдун – мой единственный помощник.

– Леденец, как это произошло? – спросил Эльмо.

– Они подожгли конюшню и напали, когда мы выбежали.

– Я так и понял.

– Грязные убийцы, – пробормотал Миляга.

У меня, однако, создалось впечатление, что он больше скорбит о сгоревшей конюшне, чем о наших ребятах.

Лицо Эльмо скривилось, словно он куснул неспелую хурму.

– И ни одного погибшего? А Ворон ранен тяжелее всех? В такое трудно поверить.

– Один погибший, – поправил его Леденец. – Старик из той деревни, приятель Ворона.

– Трофей, – рыкнул Эльмо.

Старику не разрешалось выходить из крепости в Сделке – Капитан ему не доверял. Но Эльмо проглядел нарушение приказа.

– Кое-кто пожалеет, что затеял это. – Голос прозвучал совершенно бесстрастно, таким тоном Эльмо мог назвать оптовую цену на ямс.

Я подумал о том, как воспримет новость Рассол, – он очень привязался к Трофею. Душечка будет потрясена, ведь старик приходился ей дедом.

– Им нужен был только Ворон, – сказал Миляга. – Вот почему он так сильно пострадал.

– Трофей заслонил собой Ворона, – добавил Леденец. – А это, – он повел рукой вокруг, – из-за того, что мы не остались в стороне.

Эльмо задал вопрос, который меня удивил:

– Почему мятежникам приспичило убить Ворона?

Пузо, слонявшийся рядом и ждавший, когда я обработаю резаную рану на его левом предплечье, ответил:

– То были не мятежники, Эльмо, а вонючий капитанишка из деревушки, где мы подобрали Трофея и Душечку.

Я выругался.

– Костоправ, шей, не отвлекайся, – сказал Эльмо. – Ты уверен, Пузо?

– Конечно уверен. Да ты Весельчака спроси, он тоже видел капитана. На нас напала уличная сволота. Мы ее покروшили в два счета. – Он ткнул пальцем в сторону уцелевшей при пожаре стенки конюшни, где, словно поленья, лежала дюжина тел.

Я смог опознать только Трофея. На остальных была драная местная одежка.

– Я его тоже видел, Эльмо, – подтвердил Леденец. – Но всем заправлял даже не он, а другой хмырь, что держался в тени. Как только мы стали побеждать, он смылся.

Миляга ошивался поблизости, внимательно прислушиваясь и помалкивая, но тут он вмешался в разговор:

– Я знаю, куда они пошли. Есть одно местечко на Унылой улице.

Я переглянулся с Одноглазым, который стряпал свое зелье, доставая из черного мешка то одно, то другое.

– Похоже, Миляга знаком с нашими приятелями, – заметил я.

– Просто достаточно хорошо вас знаю и уверен, что такое вы никому не спустите.

Я посмотрел на Эльмо. Тот уставился на Милягу. Владелец конюшни всегда вызывал у нас некоторые сомнения. Корни занервничал – у Эльмо, как и у всякого сержанта-ветерана, был хорошо поставлен зловещий взгляд.

– Одноглазый, – молвил наконец Эльмо, – прогуляйся с нашим приятелем. Пусть он тебе все расскажет.

Одноглазый загипнотизировал Милягу за несколько секунд. Вскоре они уже ходили рядом, болтая, словно закадычные друзья. Я спросил у Леденца:

– А тот человек в тени хромот?

– Нет, это не Хромой. Слишком высок для него.

– Все равно. Нападение произошло с его благословения. Верно, Эльмо?

Тот кивнул.

– Душелов взбесится, если узнает. Чтобы отважиться на такое, нужно получить разрешение с самого верха.

Мне показалось или в самом деле Ворон вздохнул? Я повернулся и увидел, что он едва заметно приподнял веки. Звук повторился. Я приблизил ухо к его губам.

– Зуад... – прошептал он.

Зуад. Печально знаменитый полковник Зуад. Враг, мстить которому Ворон отказался. Особый злодей Хромого. Рыцарский поступок имеет зловещие последствия.

Я назвал это имя Эльмо, но тот вроде и не удивился. Возможно, Капитан поведал историю Ворона командирам взводов.

К нам вернулся Одноглазый.

– Наш друг Миляга играет за чужую команду. – Колдун долго отработывал злобную улыбку, и теперь она распугивала мальчишек и собак. – Прикинул, что ты захочешь принять эту новость во внимание.

– Еще бы! – Эльмо выглядел весьма довольным.

Я склонился над очередным раненым. Опять придется зашивать – хватило бы ниток. «Патрулю» досталось крепко.

– Скоро будет готов супчик, Одноглазый?

– Я еще не успел раздобыть курицу.

– Так пошли кого-нибудь, пусть украдет, – проворчал Эльмо.

– Те, кого мы ищем, затаились в борделе на Унылой улице, – сказал Одноглазый. – Их охраняют несколько крутых приятелей.

– Какие планы, Эльмо? – спросил я, уверенный, что он обязательно что-нибудь предпримет.

Назвав имя Зуада, Ворон связал нас обязательством. Я достаточно хорошо его знал, чтобы догадаться: он думал, что умирает, иначе не произнес бы этого слова.

- Надо что-то делать с полковником.
- Если ищешь неприятности, то найдешь. Вспомни, кому он служит.
- Но еще хуже, Костоправ, отпустить безнаказанным того, кто нанес удар Отряду. Даже если это сам Хромой.
- В таком случае ты взваливаешь на свои плечи политику слишком высокого уровня.
- Впрочем, я не мог не согласиться с Эльмо. Поражение на поле боя допустимо, но имперская политика – это совсем другое дело. Надо внушить всем, что если нас в нее втянут, то сами же пожалеют. Следует преподать урок и Хромому, и Душелову.
- По-твоему, какие могут быть последствия? – спросил я.
- Будут долго топтать ногами и вопить. Но что они нам сделают? Слушай, Костоправ, это все не твоя забота. Тебе платят, чтобы латал наших парней. – Эльмо задумчиво посмотрел на Милягу. – Думаю, чем меньше останется свидетелей, тем лучше. Не имея на руках доказательств, Хромой не станет поднимать шум. Эй, Одноглазый! Поговори-ка еще со своим ручным мятежником. У меня появилась одна хитрая идея, – глядишь, он сможет нам пригодиться.

Одноглазый налил последнюю миску супа. Щеки тех раненых, кто успел съесть порцию варева, уже порозовели. Эльмо перестал грызть ногти и спросил владельца конюшни, буравя его взглядом:

- Миляга, ты слышал когда-нибудь о полковнике Зуаде?
- Старик напрягся и лишнюю секунду промедлил с ответом.
- Вроде бы нет.
- Странно. Думал, ты его знаешь. Это тот самый человек, которого называют левой рукой Хромого. Круг пойдет на что угодно, лишь бы его сцапать. Что скажешь?
- Эльмо, я ничего не знаю о Круге. – Миляга взглянул куда-то поверх крыш. – Намекаешь, что человек, который сидит сейчас на Уньлой, и есть Зуад?
- Я этого вовсе не говорил, – усмехнулся Эльмо. – Костоправ, ты что-нибудь такое от меня слышал?
- Конечно нет. С какой стати Зуаду сейчас торчать в Весле, в паршивом борделе? Хромой по уши завяз в неприятностях на востоке, и ему позарез нужна любая помощь.
- Ты понял, Миляга? Но послушай меня. Возможно, я знаю, где Круг может отыскать полковника. Сейчас он для Отряда – враг. С другой стороны, мы для Круга тоже не друзья. Но тут чисто деловое предложение, никакой вражды. Я прикидываю, нельзя ли нам обменять услугу на услугу. Может, кто-нибудь из важных мятежников заглянет в ту дыру на Уньлой улице и наметнет владельцам, что едва ли стоит им опасаться тех парней. Понял, куда я клоню? Если Круг заполучит полковника Зуада...
- По лицу старика было видно: он сообразил, что загнан в ловушку.
- Он был хорошим шпионом, пока мы не имели причин его опасаться. Для нас он был просто стариной Милягой, приветливым владельцем конюшни, которому платили чуточку щедрее, чем полагалось, и о котором говорили не больше и не меньше, чем о прочих, не принадлежащих к Отряду. Он ничего не боялся и не притворялся, просто был самим собой.
- Эльмо, ты меня неправильно понял. Честное слово, я никогда не вмешивался в политику. Мне все едино: что Госпожа, что Белая Роза. Лошадям нужны стойло и корм, кто бы на них ни ездил.
- Тут ты, пожалуй, прав. Извини за подозрительность. – Эльмо подмигнул Одноглазому.
- Те, кого ты ищешь, Эльмо, сейчас в «Амадоре». Советую поскорее туда отправиться, пока никто им не сообщил, что вы в городе. А я, пожалуй, начну наводить здесь порядок.
- Мы не торопимся, Миляга. Но если тебе нужно что-то сделать – валяй.

Миляга посмотрел на нас, потом приблизился на несколько шагов к руинам своей конюшни и вновь обвел нас взглядом. Эльмо равнодушно взирал на него. Одноглазый поднял левую переднюю ногу у своей лошади и проверил копыто. Миляга нырнул в развалины.

– Ты как, Одноглазый? – спросил Эльмо.

– Иду за ним по пятам. На цыпочках.

– Не упускай из виду, – ухмыльнулся Эльмо. – А ты, Костоправ, все записывай. Я хочу знать, кому он принесет весточку. И кому ее передадут дальше. Мы ему такое сказали – разлетится по городу быстрее звука.

– Зуада можно считать покойником с той минуты, когда Ворон назвал его имя, – сказал я Одноглазому. – Или даже с той давней минуты, когда он сделал Ворону что-то плохое.

Одноглазый хмыкнул и сбросил карту. Леденец сдал. Одноглазый выругался:

– Костоправ, я не могу с ними играть! Жульничают!

По улице галопом примчался Эльмо, остановил коня и спешился.

– Бордель уже окружают. Одноглазый, есть что-нибудь для меня?

Список оказался разочаровывающе коротким. Я протянул его Эльмо. Сержант выругался, плюнул и снова выругался, потом врезал снизу ногой по доскам, которые мы приспособили вместо карточного стола.

– Займитесь делом, лентяи!

Одноглазый едва не вспылал, но сдержался.

– Они не допускают ошибок, Эльмо, и прикрывают свою задницу. Миляга слишком долго якшался с нами, ему не доверяют.

Эльмо закружил вокруг нас, топая сапогами и шумно дыша:

– Ладно. Запасной план номер один. Мы следим за Зуадом. Его хватают и прячут, и это происходит у нас на глазах. Отбиваем его в тот момент, когда он уже готов расколоться. Валим собравшихся вокруг него мятежников и открываем охоту на тех, кто в списке.

– А ты, я вижу, решил извлечь выгоду из всей этой истории, – заметил я.

– Да, решил. Как Ворон?

– Похоже, выкарабкается. С инфекцией я справился, и Одноглазый говорит, что наш приятель пошел на поправку.

– Гм... Одноглазый, мне нужны имена мятежников. Много имен.

– Да, начальник. – Одноглазый подобострастно отдал честь.

Едва Эльмо отвернулся, рука колдуна изобразила непристойный жест.

– Сдвинь доски, Пузо, – предложил я. – Одноглазый, тебе сдавать.

Тот не обругал меня, не пригрозил превратить в тритона. Он застыл, немой, как смерть.

– Эльмо!

Эльмо встал перед Одноглазым и заглянул ему в зрачки, потом щелкнул пальцами возле носа. Одноглазый не отреагировал.

– Что с ним, Костоправ?

– Думаю, в том борделе что-то происходит.

Не шелохнувшись, колдун простоял минут десять. Потом остекленевшие глаза закрылись, и он обмяк, словно мокрая тряпка.

– В чем дело?! – рявкнул Эльмо.

– Дай ему слегка очухаться! – не выдержал я.

Одноглазый наконец заговорил:

– Мятежники захватили Зуада, но тот успел связаться с Хромым.

– И что?

– Этот подонок спешит на выручку.

Эльмо побледнел:

– Сюда? В Весло?

– Угу.

– Вот дерьмо!

Воистину дерьмо. Хромой слыл самым гнусным из Взятых.

– Думай быстрее, Эльмо. Он проследит цепочку событий и выйдет на нас... Миляга здесь – лишнее звено.

– Одноглазый, отыщи старого пердуна. Блондин, Штиль, Лодырь, есть работенка.

Эльмо объяснил им, что делать. Лодырь ухмыльнулся и погладил свой кинжал. Вот же кровожадная сволочь!

Я не в силах достоверно описать тревогу, вызванную словами Одноглазого. Мы знали Хромого только по рассказам, но эти рассказы неизменно бывали мрачными. Едва ли покровительство Душелова – реальная защита против другого Взятого.

Эльмо толкнул меня в бок:

– Опять на него нашло.

И точно – Одноглазый застыл. Но вскоре он рухнул и забился в судорогах с пеной у рта.

– Держите его! – приказал я. – Эльмо, дай твою дубинку.

На Одноглазого навалились шестеро. Хоть он и коротышка, но заставил их попыхтеть.

– Зачем тебе дубинка?

– Вставлю между зубами, чтобы не откусил язык.

Ох и страшно же он голосил! Ничего подобного мне еще не доводилось слышать, а ведь раненные способны на самые дикие звуки – поверить невозможно, что человеческое горло способно их издавать.

Припадок длился лишь несколько секунд, и после очередного неистового рывка Одноглазый затих, не приходя в сознание.

– Что с ним сейчас, Костоправ?

– Не знаю. Может, выбился из сил.

– Угости-ка Одноглазого его собственным супчиком, – предложил кто-то. – Это ему не повредит.

Принесли оловянную чашку, я велел усадить колдуна и с трудом перелил ее содержимое ему в рот. Одноглазый моментально очухался.

– Отравить меня вздумали? Фу! Это что за гадость? Кипяченая жижа из сточной канавы?

– Твое снадобье.

– Ну, что скажешь? – вмешался Эльмо.

Одноглазый сплюнул, схватил ближайший мех с вином, надолго присосался, прополоскал рот и еще раз сплюнул.

– Душелов зашевелился, вот что скажу. Уф! Бедняга Гоблин, представляю, как ему досталось...

Мое сердце стало пропускать каждый третий удар, в желудке появилось гнездо шершней. Сперва Хромой, теперь Душелов.

– И чего надо Душелову? – спросил Эльмо.

Он тоже нервничал, что бывало с ним нечасто.

– Услышал, что Хромой разбушевался, и захотел выяснить, в чем дело. Сперва связался с Гоблином, но тот знал лишь, что мы поехали сюда. Тогда Душелов забрался ко мне в башку.

– И его поразило, сколько там пустого места. Теперь он знает все, что известно тебе?

– Да. – Одноглазого это обстоятельство явно не радовало.

– Ну? – произнес Эльмо, выждав несколько секунд.

– Что «ну»? – Колдун спрятал ухмылку, поднеся ко рту мех с вином.

– Проклятье! Что он сказал-то?

Одноглазый хихикнул:

– Сказал, что в целом одобряет наши действия. Плохо только, что мы себя ведем как быки в период гона. Поэтому нам будет оказана помощь.

– Какая именно? – Эльмо говорил таким тоном, словно знал, что ситуация вышла из-под контроля, только не мог понять, когда именно.

– Он к нам кое-кого послал.

Эльмо расслабился. Я тоже решил, что можно не волноваться, пока сам Душелов держится далеко от нас.

– И скоро этот кое-кто будет здесь? – спросил я.

– Может, скорее, чем нам хотелось бы, – пробормотал Эльмо. – Оставь-ка вино, Одноглазый. Тебе нужно следить за Зуадом.

Колдун что-то проворчал и погрузился в легкий транс, – это означало, что он мысленно где-то шарит. Так он сидел довольно долго.

– Ну, какие новости? – прорычал Эльмо, когда Одноглазый вышел из транса.

Все это время он озирался, словно ждал, что перед ним прямо из воздуха вынырнет Душелов.

– Не дергайся. Зуада спрятали в полуподвале примерно в миле отсюда.

Эльмо не находил себе места, словно мальчик, которому отчаянно хочется писать.

– Да что с тобой? – не выдержал я.

– Скверное предчувствие, Костоправ. Самое обыкновенное скверное предчувствие. – Его бегающие глаза внезапно замерли. – И я прав. Проклятье! Как же я прав!

Он казался высотой с дом и шириной в половину дома. Облаченный в нечто ярко-красное, выцветшее, побитое молью и потрепанное, он перемещался по улице странным образом – то рывками, то медленно. Жесткие седые волосы стояли дыбом. Густой куст всклокоченной и заляпанной грязью бороды почти целиком скрывал лицо. Мертвенно-бледная рука, сплошь в печеночных пятнах, сжимала посох такой красоты, что прикосновение владельца как будто оскверняло его. Посох имел форму женской фигуры, чрезвычайно вытянутой в длину, зато безупречной во всех прочих отношениях.

– Говорят, во времена Владычества это была реальная женщина, которая его обманула, – прошептал кто-то.

Если и в самом деле было так, то женщину не стоит винить, – достаточно получше приглядеться к Меняющему Облик.

Меняющий – самый близкий союзник Душелова среди Взятых. Его ненависть к Хроному гораздо сильнее, чем у нашего патрона.

Подойдя к нам на несколько футов, он остановился. Глаза пылали безумным огнем, заглянуть в них было не просто страшно – невозможно. Мне и сейчас не вспомнить, какого они цвета. Хронологически он был первым королем-волшебником, которого Властелин и его Госпожа соблазнили, подчинили, а потом и поработили.

Одноглазый, весь дрожа, шагнул ему навстречу.

– Я колдун, – сказал он.

– Ловец мне говорил. – Голос Меняющего был слишком низким, раскатистым и громким даже для человека его размеров. – Докладывай.

– Я выследил Зуада. Это все.

Меняющий вновь обвел нас взглядом. Кое-кто побледнел, и великан улыбнулся сквозь заросли на лице.

В отдалении, где улица изгибалась, уже собралась кучка городских зевак. Веслу пока не доводилось видеть никого из великих слуг Госпожи, так что сегодня городу повезло: его осыпали своим присутствием сразу двое, причем самых чокнутых.

Взгляд Меняющего коснулся меня, и на мгновение я ощутил холодное презрение Взятого. Я был лишь букашкой у него под ногами.

Вскоре он отыскал того, кто был ему нужен. Гигант двинулся вперед. Мы расступились, как расступаются в зоопарке павианы перед вожаком стаи. Меняющий несколько минут разглядывал Ворона, потом пожал огромными плечами и вдруг коснулся торцами своего посоха груди раненого.

Я ахнул. Кожа Ворона сразу порозовела, он перестал потеть. Лицо расслабилось, когда стихла боль. Раны превратились в ярко-красные шрамы, которые за считанные минуты стали белыми, словно зажали давным-давно. Восхищенные и изумленные, мы обступили Ворона тесным кругом.

К нам подбежал вернувшийся Лодырь.

– Эй, Эльмо! Мы все сделали. Что тут такое? – Он взглянул на Меняющего и пискнул, словно пойманная мышь.

Эльмо пришел в себя и стал прежним сержантом:

– Где Блондин и Ступор?

– Избавляются от тела.

– От тела? – переспросил Меняющий.

Эльмо объяснил. Меняющий хмыкнул:

– Этот Миляга станет краеугольным камнем нашего плана. Ты. – Он ткнул в Одноглазого пальцем толщиной с колбасу. – Где эти двое?

Как и можно было предсказать, Одноглазый отыскал их в таверне.

– Ты. – Меняющий указал на Лодыря. – Скажи им, пусть несут тело сюда.

Лодырь аж посерел от возмущения, но все же кивнул, глотнул воздуха и побежал прочь. Никто не спорит со Взятым.

Я пощупал пульс Ворона. Он оказался сильным, и вообще Ворон выглядел совершенно здоровым. Стараясь придать голосу робости, я спросил:

– Вы не могли бы проделать то же и с остальными? Пока мы ждем?

Меняющий посмотрел так, что я уже решил: сейчас у меня свернется кровь. Но он выполнил мою просьбу.

– Что случилось? Что ты здесь делаешь? – Ворон застыл, глядя на меня, потом все вспомнил и сел. – Зуад... – Он огляделся.

– Ты был в беспамятстве. Тебя, точно гуся, нарезали на куски. Мы уже и не надеялись, что выкарабкаешься.

Он ощупал свои шрамы.

– Что со мной, Костоправ? С такими ранами полагается быть мертвецом.

– Душелов прислал своего приятеля Меняющего. Он тебя и починил.

И не только Ворона, а всех раненых. Трудно бояться парня, который так много сделал для твоих товарищей.

Ворон кое-как поднялся и пошатнулся:

– Миляга, мерзавец! Это он все подстроил. – В его руке появился нож. – Проклятье! Я слаб, как котенок.

Я все еще ломал голову, откуда Миляга так много знал о нападавших.

– Там стоит не Миляга, Ворон. Миляга мертв. Это Меняющий Облик – он учится вести себя как Корни.

Если честно, Меняющему не требовались никакие тренировки. Он был настолько похож на Милягу, что одурачил бы и его мать.

– Что тут затевается? – поинтересовался Ворон, присаживаясь рядом со мной.

Я рассказал о случившемся.

– Меняющийся хочет пробраться к мятежникам, воспользовавшись обликом Миляги вместо верительных грамот.

– Я пойду с ним.

– Ему это может не понравиться.

– А мне плевать. На сей раз Зуаду не уйти. За ним слишком большой долг. – Его лицо смягчилось и стало печальным. – Как Душечка? Она еще не знает про Трофея?

– Наверное, не знает. Из наших никто в Сделку не возвращался. Эльмо решил, что здесь у него руки развязаны. Будет вытворять все, что захочет, пока не вернемся к Капитану. А уж тогда придется держать ответ.

– Ладно. Я не хочу с ним спорить.

– Меняющийся – не единственный Взятый в этом городе, – напомнил я. – Он сказал, что чует Хромого.

Ворон пожал плечами. Хромой его не интересовал.

К нам подошел лже-Миляга. Мы встали. Меня немного трясло, но я заметил, что и Ворон чуточку побледнел. Вот и хорошо. Значит, он не всегда холоден как камень.

– Ты пойдешь со мной, – заявил Меняющийся Ворону и посмотрел на меня. – И ты. И сержант.

– Они знают Эльмо, – запротестовал я.

Меняющийся лишь улыбнулся:

– Вы будете выглядеть как мятежники. Только члены Круга способны заметить подмену, но никого из них в городе нет. Здешние мятежники помешаны на независимости, и мы воспользуемся тем, что они не вызвали подмогу.

Мятежники столь же склонны к политической грызне, что и слуги Госпожи.

Меняющийся поманил к себе Одноглазого.

– Как там полковник Зуад?

– Еще не раскололся.

– Он из крутого теста, – заметил скупой на комплименты Ворон.

– Узнал новые имена? – спросил меня Эльмо.

Я вручил длинный список. Сержант остался доволен.

– Пора идти, – решил Меняющийся, – пока Хромой не нанес удар.

Одноглазый сообщил нам пароли. Оробевший, убежденный в том, что не гожусь для подобных приключений, и абсолютно уверенный, что не рискну воспротивиться воле Меняющегося, я поплелся за Взатым.

Я так и не понял, когда это произошло, – просто поднял глаза и увидел, что иду с какими-то незнакомцами. И тотчас юркнул за спину Меняющегося.

Ворон рассмеялся, и я сообразил. Меняющийся накрыл нас своими чарами, и теперь мы похожи на командиров мятежников.

– Кто мы? – спросил я.

Меняющийся показал на Ворона:

– Твердец, член Круга и зять Загребущего. Они ненавидят друг дружку, в точности как Душелов и Хромой. Эльмо теперь фельдмайор Риф, начальник штаба у Твердеца. А ты Мотрин Ханин, племянник Твердеца, злобный убийца.

Мы не слышали прежде этих имен, но Меняющийся заверил, что присутствие их обладателей ни у кого не вызовет вопросов. Твердец постоянно то уезжает из Форсберга, то возвращается, не давая скучать брату своей жены.

«Ловко придумано, – решил я. – Комар носу не подточит. А как насчет Хромого? Что нам делать, если он заявится?»

Люди в том месте, где держали Зуада, проявили скорее раздражение, нежели любопытство, когда Миляга объявил о приходе Твердеца. На Круг они не очень-то полагались. Вопросов

задавать не стали. Очевидно, реальный Твердец отличался злобным, вспыльчивым и непредсказуемым характером.

– Покажите им пленника, – сказал Меняющий.

Один из мятежников многозначительно взглянул на Меняющего – мол, не спеши, Миляга.

Заведение было набито мятежниками. Я будто слышал, как Эльмо обдумывает план атаки.

Через хитро замаскированную дверь нас провели в подвал, а затем еще ниже – в помещение с земляными стенами, потолок в котором поддерживали балки и деревянные столбы. Все здесь казалось воплощением фантазий какого-то демона.

Разумеется, камеры пыток на свете есть, но большинство людей их не видело, поэтому не верит всерьез в их существование. Мне тоже еще не доводилось заглядывать в такие места.

Я рассмотрел пыточные инструменты, перевел взгляд на Зуада, привязанного к огромному креслу зловещей конструкции, и удивился, почему Госпожу все считают такой злодейкой. Эти люди утверждают, что они хорошие, борются за справедливость, свободу и достоинство человеческого духа, но их методы ничуть не лучше, чем у Хромого.

Меняющий что-то шепнул Ворону, тот кивнул. Я задался вопросом, как же мы получим сигнал действовать. Взятый репетировал с нами очень недолго. Мятежники ожидают, что мы поведем себя как Твердец и его головорезы.

Мы уселись и стали наблюдать за допросом. Наше присутствие вдохновило мастеров заплочных дел. Я закрыл глаза. На Ворона и Эльмо зрелище подействовало слабее.

Через несколько минут «Твердец» приказал «майору Рифу» отправиться по какому-то делу. Сути поручения не помню, мне было не до того. Целью этого маневра было вывести Эльмо на улицу, чтобы он с остальными окружил дом.

Операцией командовал Меняющий, а нам полагалось спокойно сидеть и дожидаться его сигнала. Я полагал, что мы сделаем свой ход, когда Эльмо ворвется в заведение и сверху вниз начнет распространяться паника. Ну а пока будем наблюдать за умерщвлением полковника Зуада.

Пленник выглядел не сказать что внушительно, но ведь над ним уже успели потрудиться мучители. Полагаю, любой будет трястись как заяц, если его отдать в лапы палачей.

Мы сидели, словно три истукана. Я мысленно поторапливал Эльмо, потому что привык получать удовольствие от исцеления человеческой плоти, а не от ее разрушения.

Даже Ворон казался не больно-то счастливым. В своих фантазиях он, несомненно, подвергал Зуада самым чудовищным истязаниям, но, когда дело дошло до реальных пыток, в душе Ворона победила присущая ему порядочность. Он предпочитал другой стиль – вонзить нож и на этом покончить с мезьей.

Пол дрогнул, словно по нему топнули гигантским сапогом. Со стен и потолка посыпалась земля. Воздух замутился от пыли.

– Землетрясение! – заорал кто-то, и все мятежники бросились к лестнице.

Меняющий сидел спокойно и улыбался.

Пол содрогнулся вновь. Я преодолел стадный инстинкт и усидел на месте. Меняющий-то не встревожился, так какой резон дергаться мне?

Он указал на Зуада. Ворон кивнул, встал и подошел к полковнику. Тот был в сознании и все понимал. Толчки его напугали, и он с благодарностью взглянул на Ворона, когда тот начал его освобождать.

Огромная нога снова топнула. Посыпалась земля, в одном из углов рухнула опора, в подвал хлынула земляная пыль. Остальные опоры затрещали и перекошились. Я едва держал себя в руках.

В какой-то момент, пока все вокруг сотрясалось, Ворон перестал выглядеть Твердецом, а Меняющий – Милягой. Смотревший на них Зуад сразу догадался. Его лицо окаменело, потом побледнело – Ворона и Меняющего он испугался больше, чем мятежников.

– Да, – сказал Ворон. – Это час расплаты.

Пол вздыбился. Над головой глухо застучали падающие кирпичи. Лампы опрокидывались и гасли. Воздух так загустел от пыли, что дышать стало почти невозможно. А по лестнице обратно в подвал посыпались мятежники, оглядываясь на ходу.

– Хромой здесь, – бросил Меняющий.

Похоже, Взятый ничуть не расстроился. Он встал и повернулся к лестнице. Теперь он снова был Милягой, а Ворон – Твердецом.

В помещение набились мятежники, и я потерял Ворона в толкотне и полумраке. Кто-то запер дверь под потолком, мятежники притихли, словно мыши. Я вроде даже слышал, как колотятся их сердца, – эти люди не сводили глаз с лестницы и гадали, достаточно ли хорошо замаскирован потайной вход в подвал.

Несколько ярдов земли над головой не помешали мне услышать, как в подвале над нами кто-то расхаживает. Др-рр-топ. Др-рр-топ. Так ходит одноногий калека. Теперь и мой взгляд уперся в потайную дверь.

Следующий толчок оказался самым мощным из всех. Дверь рывком распахнулась. Дальняя стена обрушилась. Завопили погребаемые мятежники. Обезумевшее людское стадо беспорядочно металось в поисках несуществующего выхода. Только мы с Меняющим не поддались панике, наблюдая со своего островка спокойствия.

На сей раз погасли все лампы, единственным источником света служила дыра у верхушки лестницы. Там, заслоня выход, виднелся силуэт, который в тот момент казался зловещим даже в своей неподвижности. Моя кожа покрылась липким потом, тело сотрясала крупная дрожь. Причина страха крылась вовсе не в том, что я так много слышал о Хромом, – он источал нечто такое, что превращало меня в арахнофоба, которому посадили на колено большого волосатого паука.

Я посмотрел на Меняющего. Он все еще сохранял облик Миляги, одного из толпы мятежников. Интересно, нежелание быть узанным имеет особые причины?

Меняющий проделал что-то руками.

Подвал наполнился ослепительным светом. Я перестал видеть и лишь слышал, так трещат и рушатся потолочные балки. На сей раз я не стал колебаться и составил компанию тем, кто ринулся к лестнице.

Полагаю, Хромой был изумлен больше всех, потому что не ожидал серьезного сопротивления. Трюк Меняющего застал его врасплох. Людской поток смел Взятого раньше, чем он успел хоть как-то защититься.

Мы с Меняющим взошли по лестнице последними, и я перешагнул через Хромого – невысокого человека в коричневой одежде, который, корчась на полу, вовсе не казался ужасным. Я стал высматривать ведущую наверх лестницу, но Меняющий схватил меня за руку. Освободить ее я не посмел.

– Помоги мне.

Он уперся сапогом в ребра Хромого и покатил его ко входу в нижний подвал.

Снизу доносились стоны и призывы о помощи. Изрядные участки пола вокруг нас проседали и рушились. Больше из опасения, что окажусь в ловушке, если мы не поторопимся, чем из желания досадить Хромому, я пособил столкнуть его в яму.

Меняющий улыбнулся, показал мне поднятые большие пальцы и зашевелил остальными. Все вокруг стало обваливаться еще быстрее. Снова поймав мою руку, он направился к лест-

нице. Мы выскочили на улицу и очутились посреди величайшего столпотворения в новейшей истории города.

В курятнике хозяйничали лисы. Что-то неразборчиво вопя, повсюду носились люди, окруженные нашими во главе с Эльмо, которые загоняли их обратно и рубили нерасторопных. Мятежники были слишком потрясены, чтобы защищаться.

Полагаю, не будь рядом Меняющего, я бы в этой кутерьме не выжил. Он позаботился о том, чтобы стрелы и мечи отклонялись в сторону. Хоть я и не из трусливых, все же прятался в его тени, пока мы не оказались в безопасности, за шеренгой солдат Отряда.

Мы одержали для Госпожи величайшую победу, которая превзошла даже самые смелые надежды Эльмо. Еще не успела осесть пыль, как в наших руках очутились все мятежники Весла. Меняющий крутился в самой гуще событий и оказывал нам неоценимую помощь. Заодно от души порезвился, круша все вокруг. Он был счастлив, как ребенок, поджигающий усадьбу.

А потом он внезапно исчез, словно и не существовал вовсе. Мы же, от усталости еле передвигая ноги, собрались возле конюшни Миляги. Эльмо провел переключку. Отозвались все, кроме одного.

– Где Ворон? – спросил Эльмо.

– Похоже, его завалило, когда обрушился дом, – ответил я. – Заодно с Зуадом.

– Насмешка судьбы, – кивнул Одноглазый. – И все же очень жаль, что его больше нет.

Он здорово играл в тонк.

– Хромой тоже там? – спросил Эльмо.

– Я помогал его закапывать, – улыбнулся я.

– А Меняющий смылся.

До меня начала доходить двусмысленность ситуации, и я решил проверить, не является ли она лишь плодом моего разыгравшегося воображения. Пока солдаты готовились к возвращению в Сделку, я обратился к Эльмо:

– Знаешь, все, кто видел Меняющего, были с нашей стороны. И мятежники, и Хромой видели многих из нас. Прежде всего тебя, Эльмо. И меня, и Ворона. Вместо Миляги найдут его труп. Тебе не приходила мысль, что любезность Меняющего не имеет никакого отношения к захвату Зуада или уничтожению местной верхушки мятежников? Сдается, нас использовали, потому что им был нужен Хромой. И проделали это очень умело.

Рослый Эльмо любит прикидываться туповатым деревенским парнем, но в сообразительности ему не откажешь. Он не только уловил смысл моих слов, но и немедленно связал их с более широкой картиной политических интриг.

– Взятые грызутся, стало быть. Нужно чесать отсюда во весь дух, пока Хромой не выбрался из подвала. И я говорю не про Весло, а про Форсберг. Душелов поставил нас на доску пешками для первых ходов, а такие пешки долго не живут.

Он задумчиво пожевал губу и снова превратился в сержанта, рывкающего на тех, кто выполняет его команду недостаточно быстро.

Эльмо едва не впал в панику, но все же показал себя солдатом до мозга костей. Наш отход не превратился в бегство, и мы вышли из города, охраняя караван с провизией, которую собрал патруль Леденца.

– Когда вернемся, я свихнусь, – пожаловался мне по дороге Эльмо. – Выйду из крепости и перегрызу дерево или еще что-нибудь устрою.

Через несколько миль он задумчиво добавил:

– Я все пытаюсь решить, кто сообщит Душечке про Трофея. Костоправ, ты только что вызвался добровольцем. Лучше тебя никто с этой задачкой не справится.

Так что всю дорогу мне было о чем размышлять. Проклятый Эльмо!

Великий кавардак в Весле оказался лишь началом. По воде пошли круги. Стали копиться последствия. Судьба – дамочка зловредная.

Пока Хромой выбирался из-под развалин, Загребуший начал крупное наступление. Он не подозревал, что его противника нет на поле боя, но это никак не повлияло на результат. Армия Хромого рассыпалась, и наша победа обернулась пшиком. Банды мятежников с улюлюканьем носились по Веслу, охотясь на агентов Госпожи.

Но мы, благодаря предвидению Душелова, уже двигались на юг, когда рухнул фронт, поэтому нас это не коснулось. Мы присоединились к гарнизону Вяза, имея на счету несколько важных побед, а Хромой с остатками своих войск и репутацией бездаря бежал в провинцию Клин. Он знал, кто подложил ему свинью, но поделаться ничего не мог. Его отношения с Госпожой здорово испортились, и он не претендовал на что-то более значительное, чем роль ее верного пса. И пока он не одержит несколько выдающихся побед, ему нельзя даже помышлять о том, как бы рассчитаться с нами или с Душеловом.

Но я не спешил успокаиваться. Эта мразь сумеет что-нибудь придумать, дай только время.

Загребущего успех воодушевил настолько, что он не остановился, захватив весь Форсберг, а пошел дальше на юг. В Вязе мы провели всего лишь неделю, а потом вышли оттуда по приказу Душелова.

Кстати, а огорчило ли произошедшее Капитана? Выказал ли он недовольство тем, что многие подчиненные проявили самостоятельность, превысили свои полномочия или нарушили его инструкции? Скажу одно: внеочередных нарядов хватило бы, чтобы сломать хребет быку. И добавлю, что «ночные бабочки» Вяза сильно разочаровались в Черном Отряде. Я даже вспоминать про это не хочу. Наш Капитан оказался дьявольски изобретателен.

И вот взводы выстроены на плацу, фургоны нагружены и готовы отправиться в путь. Капитан и Лейтенант совещаются с сержантами. Одноглазый и Гоблин затеяли игру, заставляют воевать маленькие призрачные существа. Многие наблюдают за этим сражением и делают ставки на тот или иной поворот фортуны.

– Приближается всадник, – доложил часовой у ворот.

Никто не обратил на него внимания. Весь день приезжали и уезжали посыльные.

Распахнулась створка, Душечка захлопала в ладоши и побежала к воротам.

К нам, такой же потрепанный, как и в день нашей первой встречи, ехал Ворон. Он подхватил Душечку, крепко ее обнял, усадил на коня перед собой и доложил о прибытии Капитану. Я услышал о том, что все долги уплачены и у него больше нет интересов вне Отряда.

Капитан долго смотрел на него, потом кивнул и велел занять место в строю.

Ворон использовал нас в своих целях, но, делая это, обрел новый дом. Мы с радостью приняли его в семью.

А потом выехали, направляясь в Клин, чтобы стать его гарнизоном.

3

Загребущий

Вокруг Мейстрикта метался, всхлипывал и завывал ветер. Арктические дьяволята хихикали и дули стужей через щели в мою комнату. Мерцал и колебался еле живой огонек. Когда пальцы ооченели, я обхватил ими лампу – какое-никакое, а тепло.

С севера дул резкий ветер, нес колючую белую крупу. За ночь ее навалило целый фут, и это было лишь начало. Чем больше снега, тем хуже путь. Я сочувствовал Эльмо и его отряду – они отправились охотиться на мятежников.

Крепость Мейстрикт. Ключ к обороне Клина. Замерзшая зимой. Раскисшая весной. Раскаленная летом. Пророки Белой Розы и главные силы мятежников теперь казались нам лишь досадными мелочами.

Провинция Клин напоминает вытянутый наконечник стрелы, втиснутый между горными грядами и указывающий на юг. На краешке этого наконечника расположен Мейстрикт – бутылочное горло, в котором сходятся ветры и враги. Мы получили приказ удерживать крепость, этот узел обороны Госпожи на севере.

Почему Черный Отряд?

Потому что мы лучшие. Вскоре после потери Форсберга мятежники начали просачиваться через Клин на юг. Хромой попытался их остановить, но не смог, и Госпожа отправила нас расхлебывать заваренную Взятым кашу. Теперь единственный спасительный вариант – отдать врагу еще одну провинцию.

У ворот заревел рог – часовые увидели возвращающийся отряд Эльмо.

Никто не бросился встречать. Неписанный устав Отряда требует от нас внешнего безразличия. Ждешь потерь? Молчи и не подавай виду, что страх сжигает твои внутренности. Люди лишь украдкой выглядывали наружу, гадая о судьбе ушедших из крепости братьев. Погиб ли кто-нибудь? Или тяжело ранен? Мы знаем друг друга лучше, чем кровная родня. Мы годами сражаемся плечом к плечу. Не всякого назовешь братом, но мы – семья. Единственная, которая у тебя есть.

Часовой замолотил по лебедке, скалывая лед. С протестующим скрипом поднялась воротная решетка. Как историк Отряда, я мог выйти и поприветствовать Эльмо, не нарушая этикета. Обзывая себя дураком, я выбрался во двор и отдался во власть мороза и ветра.

Сквозь метель брела жалкая кучка теней. Лошади еле волочили ноги. Всадники лежали на их обледеневших гривах. Люди и животные жались друг к другу, пытаясь укрыться от когтей ветра. Выдыхаемые белые облачка мгновенно уносило прочь. Будь это созданная художником картина, она бы ввергла в дрожь даже снеговика.

До этой зимы из всего Отряда лишь Ворону доводилось видеть снег. Хорошенькую же службу уготовила нам Госпожа.

Всадники приблизились. Они больше смахивали на беженцев, чем на братьев Черного Отряда. На усах Эльмо позвякивали ледяные бриллианты, почти все лицо пряталось под тряпьем. Остальные, обмотавшись чем попало, превратились в такие тюки, что мне не удалось никого узнать. Лишь Молчун сидел на коне, решительно выпрямившись, и глядел прямо перед собой, презирая безжалостный ветер.

Эльмо кивнул мне, проехав ворота.

– Мы уже начали задумываться, – молвил я.

«Задумчивость» означала тревогу. Устав требовал внешнего безразличия.

– Трудный путь.

– Какие результаты?

– На счету Отряда двадцать три, у мятежников – ноль. Для тебя, Костоправ, работы нет, только Йо-Йо слегка обморозился.

– Прихлопнули Загребущего?

Загребущий с его жутковатыми пророчествами, умелым колдовством и полководческим талантом выставил Хромого на посмешище. Клин едва не перешел в неприятельские руки, прежде чем Госпожа приказала нам взяться за дело. Ее решение волнами землетрясения разбежалось по всей империи. Капитан наемников получил средства и власть, которыми обычно наделяли лишь одного из Десяти!

Лишь возможность нанести удар самому Загребущему вынудила Капитана отправить из крепости патруль, иначе он не выгнал бы людей на мороз.

Эльмо освободил лицо от тряпок и улыбнулся, но промолчал. Какой смысл утруждать язык, если все равно придется повторять рассказ Капитану?

Я пригляделся к Молчуну и не увидел улыбки на вытянутой постной физиономии. Он ответил на мой вопрос легким кивком. Все ясно. Еще одна победа, равная неудаче. Загребущий снова улизнул. Быть может, он и нас вынудит спастись бегством следом за Хромым, этой писклявой мышью, осмелевшей настолько, что бросила вызов коту.

Все же гибель двадцати трех человек из местной верхушки мятежников кое-что да значила. Весьма неплохой результат для одного дня работы. Хромой никогда не добивался такого успеха.

Всех лошадей отвели в конюшню. В большом зале уже несли на стол горячую пищу и подогретое вино. Я остался с Эльмо и Молчуном, надо немного подождать – и услышу их рассказ.

В большом зале Мейстрикта сквозняков было лишь чуть поменьше, чем в прочих помещениях. Пока я возился с Йо-Йо, остальные набросились на еду. Насытившись, Эльмо, Молчун, Одноглазый и Кастет уселись вокруг небольшого стола. Словно из ниоткуда появились карты. Одноглазый хмуро взглянул на меня:

– Так и собираешься стоять, засунув палец в задницу? Нам нужен лох.

Одноглазый прожил по меньшей мере век. Вулканический темперамент морщинистого чернокожего коротышки упоминается в Анналах на протяжении последнего столетия. Нигде не говорится, когда он вступил в Отряд. Анналы, накопленные за семьдесят лет, были утеряны, когда Отряд не удержал своих позиций в битве при Граде. Одноглазый отказался просветить нас относительно случившегося за эти годы, заявив, что не верит в историю.

Эльмо раздал карты – по пять каждому игроку и еще пять на стол перед пустым стулом.

– Костоправ! – рывкнул Одноглазый. – Ты будешь играть?

– Нет. Рано или поздно Эльмо начнет рассказывать. – Я постучал по зубам кончиком пера.

Одноглазый редко доходил до такого состояния – из ушей повалил дым, изо рта с визгом вылетела летучая мышь.

– Кажется, он чем-то недоволен, – заметил я.

Остальные заулыбались. Подкалывать Одноглазого – любимое развлечение в Отряде.

Одноглазый терпеть не может всяческие вылазки, но еще больше он бесится, когда упускает что-нибудь интересное. Ухмылки Эльмо и благожелательные взгляды Молчуна подтвердили, что он пропустил нечто стоящее.

Эльмо перетасовал свои карты, поднес к лицу и осторожно в них заглянул. У Молчуна блестели глаза. Сомнений нет, эта парочка приготовила особый сюрприз.

На стул, который предлагали мне, уселся Ворон. Никто не возражал. Даже Одноглазый не противится, когда Ворон решает что-либо сделать.

Ворон. Этот человек источает могильный холод. Наверное, у него мертва душа. Трудно выдержать без содроганий его взгляд. И все же Душечка любит Ворона. Бледная, хрупкая, эфемерная, она держит руку на его плече, пока он занят картами, и улыбается ему.

В любой игре, где участвует Одноглазый, Ворон – ценный партнер. Одноглазый жульничает. Но если играет Ворон – никогда.

– Она стоит в Башне и смотрит на север, сцепив на груди изящные кисти рук. Легкий ветерок прокрадывается в окно и теребит полуночный шелк волос. На нежных изгибах щек бриллиантами искрятся слезы.

– Йех-ххоо!

– Ух ты!

– Автора! Автора!

– Да чтоб тебе чушка в скатку нагадила, додик!

Эти типы освистали мои фантазии о Госпоже.

Записки, которые я им прочитал, – моя игра с самим собой. Откуда им знать, а вдруг эти выдумки попали в точку? Госпожу видели только Десять Взятых. Кто знает, какая она – уродливая, прекрасная или?..

– Бриллиантами искрятся слезы, говоришь? – повторяет Одноглазый. – Мне это нравится. Полагаешь, она по тебе сохнет, Костоправ?

– Заткни хлѐбало! Я над твоими развлечениями не насмехаюсь.

Вошел Лейтенант, уселся, обвел нас хмурым взглядом. С недавних пор его любимым занятием стало выражение неодобрения.

Приход Лейтенанта означал, что к нам уже направляется Капитан. Эльмо сложил на груди руки и сосредоточился.

Наступила тишина. В зале, словно по волшебству, стали появляться люди.

– Заприте проклятую дверь! – буркнул Одноглазый. – Если все так и будут вваливаться, я себе задницу отморожу. Давай доиграем, Эльмо.

Капитан вошел в зал, занял свое обычное место.

– Мы вас слушаем, сержант.

Капитан не принадлежит к числу самых колоритных братьев, слишком уж он спокоен. Слишком серьезен.

Эльмо положил карты на стол, выровнял стопку, собрался с мыслями. Иногда его одолевает тяга к четкости и точности.

– Сержант?!

– Капитан, Молчун заметил линию постов южнее фермы. Мы зашли с севера. Атаковали после заката. Они пытались разбежаться. Молчун отвлекал Загребущего, пока мы занимались остальными. Их было тридцать. Мы уложили двадцать три. Часто перекликались и предупреждали друг друга – мол, как бы случайно не прикончить нашего шпиона. Загребущему удалось скрыться.

Мы пошли на обман – хотели, чтобы мятежники поверили, будто в их рядах полно соглядатаев. Чем сложнее для противника связь и принятие решений, тем меньше риска для Молчуна, Одноглазого и Гоблина.

Вовремя пущенный слух. Небольшая подтасовка фактов. Намек на подкуп или шантаж. Таково наше лучшее оружие. Мы вступаем в сражение лишь при условии, что противник загнан в мышеловку. По крайней мере, стремимся к этому.

– Вы сразу вернулись в крепость?

– Так точно. Только сперва сожгли ферму и пристройки. Загребущий ловко замел следы.

Капитан уставился на потемневшие от копоти потолочные балки. Тишину нарушал лишь Одноглазый, он похлопывал картами по столу. Капитан опустил взгляд:

- Тогда какого же хрена вы с Молчуном лыбитесь, точно дураки на ярмарке?
- Гордятся тем, что вернулись с пустыми руками, – пробормотал Одноглазый.

Эльмо улыбнулся:

- Ошибаешься.

Молчун запустил лапу под грязную рубаху и вытащил кожаный мешочек, который всегда висит у него на шее. Это колдовской мешочек, он набит всякой экзотической гадостью вроде сушеных ушек летучих мышей или эликсира для вызывания кошмарных снов. На сей раз Молчун извлек сложенную бумажку. Победно взглянув на Одноглазого и Гоблина, он с издевательской медлительностью развернул листок. Даже Капитан не выдержал, встал и подошел к столу.

- Осторожнее! – предупредил Эльмо.

- Да это всего лишь волосы.

Кто-то покачал головой, кто-то хмыкнул, а кто-то усомнился, что Эльмо в своем уме. Но Одноглазый и Гоблин трижды обменялись обалделыми взглядами. Одноглазый от волнения неразборчиво забормотал. Гоблин пискнул пару раз, но что с него взять – он вечно пищит.

- Это его волосы? – произнес наконец Одноглазый. – Точно его?

Эльмо и Молчун излучали самодовольство фартовых конкистадоров.

– Охренеть как точно, – подтвердил Эльмо. – С его собственного кумпола. Старикашка понял, что мы вот-вот схватим его за яйца. Он задал такого стрекача, что шарахнулся башкой о притолоку и оставил клочок волос. Я это видел своими глазами, да и Молчун тоже. Уф, и силен же он драпать!

– Парни, ему крышка! – Приплясывая от возбуждения, Гоблин на октаву повысил голос, и без того неотличимый от скрипа ржавой дверной петли. – Считайте, что он уже насажен на мясницкий крюк! На здоровенный такой! А ты что об этом думаешь, жалкий призрак-недоме-рок? – промяукал он, обращаясь к Одноглазому.

Из ноздрей Одноглазого выскочила стайка крошечных светлячков. Все они оказались справными солдатами и быстро построились в воздухе, образовав светящиеся слова: «Гоблин – педик». Для неграмотных это утверждение дублировалось синхронным жужжанием крылышек.

Но это же неправда. Гоблин – самый что ни на есть гетеросексуал. Просто Одноглазый решил затеять склоку.

Гоблин сделал пасс. Появилась огромная призрачная фигура, напоминающая Душелова, но ростом до потолка. Скрючившись, она наставила на Одноглазого обвиняющий перст. Невесть откуда донесся шепот:

- Это ты развратил мальчишку, педрила...

Одноглазый фыркнул, затряс головой, снова фыркнул. Его глаза остекленели. Гоблин хихикнул, с трудом изобразил серьезную мину, но не выдержал и хихикнул вновь, потом крутанулся – и давай отплясывать перед очагом дикую победную джигу.

Наши менее догадливые братья разворчались. Подумаешь, клочок волос. С его помощью можно зачаровать разве что деревенскую шлюху, да и то придется добавить пару серебряных монет.

- Господа! – произнес Капитан.

Он все понял.

Балаган тут же прекратился. Капитан посмотрел на колдунов. Подумал. Прошелся. Кивнул, соглашаясь со своими мыслями. И наконец спросил:

- Одноглазый, этого хватит?

Тот хмыкнул – на удивление басисто для такого малявки.

- Достаточно одного волоса или обрезка ногтя. Капитан, он у нас в руках.

Гоблин все еще изображал пляску сумасшедшего. Молчун ухмылялся. Психи и есть – что тут скажешь?

Капитан снова задумался.

– Мы не можем взяться за это сами, – решил он и двинулся по периметру зала. Его шаги звучали зловеще. – Придется вызвать одного из Взятых.

Одного из Взятых. Естественно. Три наших колдуна – самый ценный ресурс Отряда. Их необходимо беречь. Но...

В зал прокрался холод и превратил нас в статуи.

Вызвать одного из таинственных сподвижников Госпожи?.. Чтобы здесь, среди нас, оказался кто-то из этих мрачных лордов? Ну нет...

– Только не Хромого. У него на нас стояк.

– А у меня поджилки трясутся, как вспомню Меняющего.

– Крадущийся в Ночи еще хуже.

– Да откуда тебе знать? Ты ж его не видел.

– Капитан, мы справимся сами, – заявил Одноглазый.

– И родственнички Загребущего слетятся на тебя, точно мухи на лошадиное яблоко.

– Душелов, – предложил Лейтенант. – Все-таки он для нас вроде покровителя.

Предложение пришлось по душе всем.

– Свяжись с ним, Одноглазый, – велел Капитан. – И приготовься поработать, когда он сюда прибудет.

Одноглазый кивнул и ухмыльнулся. Он был в своей стихии, у него в голове уже зарождались хитроумные и грязные планы.

Вообще-то, эту игру по праву следовало бы поручить Молчуну. Но наш командир выбрал Одноглазого, потому что не мог примириться с нежеланием Молчуна говорить. Это нежелание по каким-то причинам пугало Капитана.

Молчун не протестовал.

Некоторые из наших местных слуг – шпионы. Мы знаем, кто есть кто, благодаря Одноглазому и Гоблину. Одному из слуг, ничего не знавшему про волосы, позволили смыться с фальшивой новостью, будто мы собираемся устроить шпионский штаб в вольном городе Розы.

Когда твои батальоны малы, поневоле учишься коварству.

Каждый правитель обзаводится врагами. Госпожа не исключение. Сыны Белой Розы повсюду... Если выбирать чью-либо сторону, полагаясь на чувства, то присоединяться следует к мятежникам. Они сражаются за все то, что любой назовет благородными целями: свободу, независимость, правду, права... За субъективные иллюзии, за бессмертные лозунги. А мы – приспешники главного злодея. Мы признаем иллюзии и отрицаем материю.

Не существует самопровозглашенных злодеев, зато самопровозглашенных святых – полки и дивизии. А где зло и где добро, в конце концов определяют историки победившей стороны.

Мы чураемся ярлыков. Мы сражаемся за деньги и нечто эфемерное под названием «гордость». Политика, этика и мораль к делу не относятся.

Одноглазый связался с Душеловом. Тот направляется к нам. Гоблин сказал, что прохиндей аж завыл от радости, когда почувал возможность возвыситься за счет Хромого. Взятые дерутся между собой хуже невоспитанных детей.

Осаждавшая нас зима сделала короткую передышку. Наши солдаты и жители Мейстрикта решили очистить от снега крепостные дворы. Один из местных исчез. Одноглазый и Молчун, сидя в главном зале, с довольным видом перебрасывались в картишки. Мятежники узнают именно то, что пожелали им сообщить наши колдуны.

– Что ты затеял? – спросил я.

Эльмо, установив на стене блок и полиспаг, выворачивал из кладки один из амбразурных камней.

- У меня новое хобби, Костоправ. Стану ненадолго скульптором.
- Тогда ничего не говори. Мне на твои хобби начхать.
- Относись к ним как пожелаешь, дело твое. Кстати, я как раз хотел спросить: не съездишь ли вместе с нами за Загребушим? Чтобы потом все правильно записать в Анналы.
- И подпустить словечко о гениальности Одноглазого?
- Хвали тех, кто этого заслужил, Костоправ.
- Тогда Молчун заслуживает целой главы...

Одноглазый плевался, рычал, сыпал проклятиями.

- Сыграть не хочешь? – За столом сидели лишь трое, один из них Ворон. Тонк гораздо интереснее, если в него играют четверо или пятеро. Я выиграл три партии подряд.
- Тебе что, больше заняться нечем? Пошел бы срезал кому-нибудь бородавку, что ли.
- Ты сам пригласил его играть, – заметил солдат, которого Одноглазый не просил вмешиваться.
- Масло, ты любишь мух?
- Мух?
- Если не заткнешь свою пасть, я превращу тебя в лягушку. Угроза не произвела на Масло впечатления.
- Да ты и головастика не сумеешь в лягушку превратить.
- Я ехидно фыркнул:
- Ты сам напросился, Одноглазый. Когда прибудет Душелов?
- Когда доберется.
- Я кивнул. Взятые поступают как хотят и обделяют свои дела когда хотят.
- Нынче мы все просто приветливые симпатяги, верно?. Масло, сколько он проиграл? Тот лишь ухмыльнулся в ответ.
- Следующие две партии выиграл Ворон.
- Одноглазый поклялся, что сегодня больше не произнесет ни слова. Так что узнать придуманный им план нам не суждено. Может, оно и к лучшему. Если объяснения не прозвучат, их не подслушают шпионы мятежников.

Шесть волосков и блок известняка. Что за чертовщину они затеяли?

Несколько дней Молчун, Гоблин и Одноглазый по очереди трудились в конюшне над каменной глыбой. Время от времени я заходил туда поглазеть на работу. Они меня не гнали, но лишь рычали в ответ на мои вопросы.

Иногда к ним заглядывал Капитан, пожимал плечами и отправлялся к себе. Там он корпел над стратегией весенней кампании, во время которой все, чем располагает империя, будет брошено на мятежников. К нему трудно было войти – вся комната была завалена картами и депешами.

Как только погода позволит, мы нанесем по мятежникам болезненный удар.

Может, это жестоко, но большинство из нас наслаждается тем, что мы делаем, а Капитан – пуще всех. Нынче его любимая игра – мериться умом с Загребушим. Капитан безразличен к мертвецам, горящим деревням и голодающим детям. Как, впрочем, и Загребуший. Две слепые армии, способные видеть лишь друг друга.

Душелов пришел поздно вечером, когда бушевала метель посвирепее той, в которую угодил со своим отрядом Эльмо. Ветер выл и вопил, наметая в северо-восточном углу крепости

сугробы высотой со стену, – снег даже переваливал через нее. Мы тревожились, как бы не замело наглухо запасы дров и сена. Местные сказали, что такой метели никто из них не помнит.

В самый ее разгар объявился Душелов. Буханье его кулака в ворота разбудило весь Мейстрикт. Запели горны, загремели барабаны. Ветер донес охрипшие голоса – часовые не смогли открыть ворота.

Душелов перебрался через стену, вскарабкавшись по сугробу, свалился и утонул в рыхлом снегу. Не очень-то достойное прибытие для одного из Десяти.

Я заторопился в главный зал. Там возле весело пылающего огня уже сидели Одноглазый, Молчун и Гоблин. Вошел Лейтенант, следом за ним Капитан с Эльмо и Вороном.

– Остальные идут спать! – рявкнул Лейтенант.

Вошел Душелов, стянул тяжелый черный плащ, присел на корточки у огня. «Это у него что, показной человеческий жест?» – задумался я.

Худощавое тело Душелова всегда затянато в черную кожу. Он носит скрывающий всю голову черный морион, черные перчатки и черные сапоги. Монотонность его облачения нарушает лишь пара серебряных значков, а единственное цветное пятно – неограниченный рубин на кинжале, который держит мертвой хваткой лапа с пятью когтями, служащая рукоятью.

На груди Душелова заметны небольшие округлые выпуклости. В очертаниях ног и бедер есть нечто женское. Среди Взятых три женщины, но кто они – знает лишь Госпожа. Мы говорим о каждом «он». Какого пола эти колдуны, не имеет для нас ни малейшего значения.

Душелов утверждает, что он наш друг и защитник. Пусть даже так, но с его появлением в зале повеяло холодком. И этот холодок не имеет ничего общего с погодой. Когда Душелов рядом, содрогается даже Одноглазый.

А Ворон? Не знаю. Мне кажется, Ворон не способен на какие бы то ни было чувства, если только дело не касается Душечки. Когда-нибудь его каменная маска пойдет трещинами. Надеюсь, я буду рядом и увижу это.

Душелов поворачивается спиной к огню.

– Не правда ли, – произносит он фальцетом, – прекрасная погода для приключения?

Баритон. Потом слышатся странные звуки. Смех. Взятый пошутил.

Никто не смеется. Смеяться нам не полагается. Душелов поворачивается к Одноглазому:

– Рассказывай. – На сей раз тенор, неторопливый и мягкий, слегка приглушенный, словно голос проходит сквозь тонкую стену.

Или, как сказал Эльмо, сквозь могильный холм.

Одноглазый теперь паинька – ни хвастовства, ни клоунады.

– Начнем сначала. Капитан?

– Один из наших осведомителей узнал о собрании главных мятежников. Одноглазый, Гоблин и Молчун проследили за перемещениями известных нам мятежников...

– Так вы позволили им шляться в свое удовольствие?

– Они привели нас к своим приятелям.

– Разумеется. Одна из слабостей Хромого. Никакого воображения. Когда он видит мятежника, сразу убивает – а заодно и всех, кто подвернется под руку. – Вновь этот зловещий смех. – Не очень много проку, верно? – Затем еще одна фраза, но на неизвестном мне языке.

Капитан кивнул:

– Эльмо?

Эльмо слово в слово повторил то, что уже рассказывал, и уступил очередь Одноглазому, который набросал схему поимки Загребущего. Я ничего не понял, но Душелов мгновенно ухватил суть и в третий раз рассмеялся.

Я мысленно предположил, что мы собираемся выпустить на волю все самое темное, что есть в человеческой природе.

Одноглазый повел Душелова полюбоваться на свой таинственный камень. Мы придвинулись ближе к огню. Молчун вытащил колоду. Желающих сыграть не нашлось.

Иногда я гадаю, как подручные Взятых не сходят с ума, постоянно пребывая с ними рядом. Душелов еще симпатяга по сравнению с остальными.

Одноглазый и Душелов вернулись, смеясь.

– Два сапога пара, – пробормотал Эльмо.

Он редко высказывает свое мнение вслух.

Душелов вновь подошел к огню.

– Прекрасная работа, господа. Просто отличная. Все сделано с воображением. Это, возможно, поможет выбить их из Клина. Мы отправляемся в Розы, как только улучшится погода. Поедут восемь человек, включая двоих ваших колдунов.

После каждой фразы шла пауза, и следующая фраза произносилась другим голосом. Жуть.

Если верить слухам, это голоса тех людей, чьи души захватил Душелов.

Позволив смелости возобладать над желаниями, я вызвался участвовать в экспедиции. Хотелось увидеть, как Загребущий будет пойман с помощью волос и известняка. Вся яростная мощь Хромого не справилась с этой задачей.

Капитан обдумал мое предложение.

– Хорошо, Костоправ. Поедут Одноглазый и Гоблин. Ты, Эльмо. И выбери еще троих.

– Получается только семь, Капитан.

– Восьмым будет Ворон.

– Ах, Ворон? Ну конечно.

Молчаливый и смертельно опасный Ворон станет вторым «я» Капитана. Связь между этими двумя не поддается пониманию. Спрашивается, почему это волнует старину Костоправа? Может, потому, что недавно Ворон напугал его до полусмерти?

Ворон поймал взгляд Капитана, правая бровь приподнялась. Капитан ответил едва заметным кивком. Ворон шевельнул плечом. В чем смысл этого жеста?

Затевалось нечто необычное. Посвященные в тайну уже наслаждались заранее. И хотя я не мог догадаться, чем все обернется, я был уверен: предстоит увидеть нечто жуткое и гнусное.

Буран стих. Вскоре дорога на Розы стала свободной. Душелова одолел зуд нетерпения. Загребущий получил две недели форы, а нам, чтобы добраться до Роз, требовалась неделя. Оставалось надеяться, что пущенные Одноглазым байки о наших шпионах понизят эффективность действий противника.

Мы выехали еще до рассвета, погрузив каменный блок в фургон. Колдуны почти не изменили его формы, выдолбив лишь углубление размером с большую дыню. Я терялся в догадках относительно его предназначения. Одноглазый и Гоблин хлопотали вокруг камня, словно невесту готовили к свадьбе. На все мои вопросы Одноглазый отвечал широкой улыбкой. Скотина.

Погода оставалась ясной. С юга подули теплые ветры. Нам теперь попадались длинные участки раскисшей дороги. И я сделался свидетелем поразительного явления: Душелов спрыгивал в грязь и толкал фургон вместе с нами. Душелов, великий лорд империи.

Розы – столица провинции Клин, свободный город, растущая, многолюдная республика. Госпожа решила, что нет смысла лишать его традиционной автономии. Миру нужны местечки, где человек любых взглядов и убеждений может развеять скуку повседневности.

Так вот. Розы. Город без правителя. Набитый лазутчиками и всяким преступным сбродом. В такой обстановке, утверждал Одноглазый, его план обречен на успех.

Когда мы подъехали к городу, над нами нависли его красные стены, темные в лучах закатного солнца, словно засохшая кровь.

В комнату, которую мы снимали, ввалился Гоблин.

– Я нашел подходящее место, – пискнул он, обращаясь к Одноглазому.

– Хорошо.

Странно. Они уже пару недель не обменивались ни единым бранным словом. Обычно час без их склоки казался нам чудом.

В темном углу Душелов торчал неподвижно, словно тощий черный куст, и негромко спорил сам с собой разными голосами. Он вдруг зашевелился:

– Продолжай.

– Это старая городская площадь. На нее выходит десяток улиц и переулков. Ночью плохо освещена. Нет никакого смысла ходить по ней или ездить после наступления темноты.

– Звучит превосходно, – согласился Одноглазый.

– И не только звучит. Я снял комнату с видом на эту площадь.

– Пошли взглянем, – решил Эльмо.

Долгое пребывание в комнате всем осточертело. Началась суета. Лишь Душелов сохранял невозмутимость. Наверное, он понимал, почему нам не терпится выйти на улицу.

Разумеется, площадь оказалась именно такой, какой ее описал Гоблин.

– Так в чем же дело, в конце концов? – спросил я.

Одноглазый ухмыльнулся.

– Молчальник хренов! – не выдержал я. – В игрушки играет.

– Сегодня ночью? – спросил Гоблин.

Одноглазый кивнул:

– Если черный призрак прикажет.

– У меня кончается терпение, – объявил я. – Что происходит? Вы, клоуны, только и делали, что дулись в карты да любовались, как Ворон вострит свой ножик.

Он занимался этим часами, и от скрежета стали о точильный камень у меня по спине бегали мурашки. Это знамение. Ворон точит нож лишь в том случае, если ожидает, что ситуация станет паршивой.

В ответ Одноглазый по-вороньи каркнул.

Фургон мы выкатили в полночь. Хозяин конюшни обозвал нас полоумными. В ответ Одноглазый одарил его своей знаменитой улыбкой и сел на место кучера. Остальные пошли пешком, окружив фургон.

Наш груз изменился. Кое-что добавилось. Кто-то высек на камне надпись. Наверное, Одноглазый – во время очередной своей таинственной отлучки.

Вместе с камнем в фургоне ехали объемистые кожаные мешки и дощатый стол, достаточно крепкий на вид, чтобы выдержать вес глыбы. Ножки были сделаны из темного полированного дерева с инкрустированными символами из серебра и слоновой кости – очень сложными и таинственными иероглифами.

– Где вы раздобыли стол? – спросил я.

Гоблин пискнул и рассмеялся.

– Но сейчас-то вы мне можете сказать? – прорычал я.

– Ладно-ладно, – смилостивился Одноглазый, гнусно хихикая. – Мы его сделали.

– Для чего?

– Чтобы положить на него камень.

– Вы так ничего и не объяснили.

– Терпение, Костоправ. Всеу свое время.

Вот же гад!

Площадь, куда мы прибыли, выглядела странновато – ее окутывал туман, хотя нигде в городе тумана не было.

Одноглазый остановил фургон в центре площади:

– Выволакивайте стол, парни.

– Выволакивайся сам, симулянт! – пискнул Гоблин. – Думаешь, тебе удастся посадочковать, пока мы надрываем пуп? – Он обратился за поддержкой к Эльмо: – У этого паршивого инвалида вечно наготове какая-нибудь отмазка.

– А ведь ты прав, – кивнул Эльмо.

Одноглазый принялся возмущаться. Эльмо не выдержал и рявкнул:

– А ну стаскивай свою задницу и ползи сюда!

Одноглазый метнул в Гоблина убийственный взгляд:

– В один прекрасный день, огрызок, я тебя прихлопну. Наложу проклятие импотенции.

Как тебе такое понравится?

Его слова не произвели на Гоблина впечатления.

– Я бы давно наложил на тебя проклятие тупости, если бы мог усилить то, что уже сотворила природа.

– Выгружайте же наконец проклятый стол! – гаркнул Эльмо.

– Нервничаешь? – спросил я.

Перепалки колдунов никогда его не раздражали. Он, как и все, считал их развлечением.

– Да. Залезайте с Вороном в фургон и выталкивайте стол.

Стол оказался тяжелее, чем выглядел. Лишь совместными усилиями мы смогли вытащить его из фургона. Притворное кряхтение и ругань Одноглазому не помогли. Я спросил его, как они с Гоблином ухитрились запихать стол в фургон.

– Мы его в фургоне и сделали, болван, – ответил он и принялся покрикивать, требуя переместить стол то на полдьюма в одну сторону, то на полдьюма в другую.

– Оставьте, где стоит, – сказал Душелов. – У нас нет времени на ерунду.

Его раздраженный тон возымел действие: Гоблин и Одноглазый тут же перестали грызться.

Мы уложили камень на стол. Я отошел в сторонку, вытирая с лица пот. Вся моя одежда пропотела насквозь – и это в разгар зимы. Камень излучал тепло.

– Мешки, – бросил Душелов.

Слово было произнесено голосом женщины, с которой я был бы не прочь познакомиться.

Подхватив мешок, я закричал от натуги – он оказался тяжел.

– Эге! Да это же деньги!

Одноглазый захихикал. Я свалил мешок под стол, в кучу других. Там уже лежало целое состояние. Никогда в жизни не видел столько сокровищ разом.

– Разрежьте мешки, – приказал Душелов. – Скорее!

Ворон полоснул ножом. На булыжники посыпались драгоценности. Мы уставились на них, борясь со вспыхнувшей жадностью.

Душелов схватил Гоблина за плечо, взял за руку Одноглазого. Оба колдуна словно съжились. Троица встала лицом к столу с камнем.

– Отгоните фургон, – велел Душелов.

Мне так и не удалось до сих пор прочесть бессмертные слова, высеченные на камне. Я быстро приблизился к столу и пробежал глазами по строчкам:

*Пусть тот, кто пожелает назвать
это богатство своим,
положит голову презренного Загребущего
на сей каменный трон.*

Ага. Ясно сказано. Откровенно. Доходчиво. Как раз в нашем стиле. Ха!

Я шагнул назад, прикидывая, сколько своих кровных вложил в эту операцию Душелов. В груди серебра виднелись золотые блески. Один из мешков извергал необработанные драгоценные камни.

– Волосы, – потребовал Душелов.

Одноглазый вытащил прядку волос. Душелов припечатал их пальцем к стенке углубления (как раз размером с голову) в каменном блоке, потом отступил на шаг и взял за руки Гоблина и Одноглазого.

Они начали колдовать.

От сокровищ, стола и камня пошло золотистое сияние.

Можно считать, что наш архивраг уже покойник. Половина мира попытается завладеть такой добычей. Слишком уж она велика, чтобы противиться искушению. Загребущего предадут свои же.

Впрочем, я понимал, что у него есть слабенький, но все же шанс выкрутиться. Загребущий может украсть сокровище сам. Вот только ему придется попытеть. У мятежников нет пророков, способных одолеть магию Взятого.

Колдуны завершили работу.

– Пусть кто-нибудь испытает защиту, – велел Одноглазый.

Ворон кольнул кинжалом ножку стола. Раздался треск. Ворон выругался и, нахмурившись, уставился на лезвие. Эльмо сделал выпад мечом. Трах! Кончик его клинка раскалился добела.

– Превосходно, – произнес Душелов. – Увозите фургон.

Эльмо поручил это солдату. А мы, оставшиеся на площади, перебрались в снятую Одноглазым комнату.

Поначалу столпились у окна, желая увидеть продолжение, но энтузиазм быстро испарился.

Розы лишь на рассвете узнали о судьбе, которую мы уготовили Загребущему. Осторожные, но предприимчивые личности изобретали сотни способов добраться до денег. Прочий люд являлся на площадь просто поглазеть. Некая группа хитрецов расковыряла мостовую, намереваясь сделать подкоп. Их прогнала полиция.

Душелов, поставив у окна стул, ни на секунду не покидал своего наблюдательного пункта. Как-то он сказал мне:

– Придется улучшить охранные чары. Я не предвидел подобной изобретательности.

Удивляясь собственной наглости, я спросил:

– Как выглядит Госпожа?

Я только что дописал очередную порцию своих фантазий.

Душелов медленно обернулся, взглянул на меня:

– Как тот, кто способен жевать сталь.

Его голос был женским и мурлыкающим. Странный ответ.

– Надо позаботиться, чтобы они не пользовались инструментами, – добавил он.

Вот вам и отчет очевидца. Тоже мне, раскатал губу... Мы, смертные, для Взятых всего лишь вещи. Наше любопытство им абсолютно безразлично.

И я укрылся в своем тайном королевстве, населенном воображаемыми Госпожами.

Ночью Душелов усовершенствовал охранные заклинания. Утром на площади лежали трупы.

На третью ночь меня разбудил Одноглазый:

– У нас посетитель.

– Что?

– Он голову принес. – Одноглазый так и сиял.

Спотыкаясь спросонья, я подошел к окну. Возле него уже торчали Гоблин и Ворон. Мы скучковались сбоку – никто не желал находиться рядом с Душеловом.

По площади крался мужчина. В его левой руке болталась отрубленная голова, которую он держал за волосы.

– А я все гадал, как долго придется ждать начала, – произнес я.

– Тихо! – прошипел Душелов. – Он там.

– Кто?

Душелов оказался терпелив. Поразительно терпелив. Другой Взятый мне бы попросту врезал.

– Загребущий. Ни звука, а то услышит.

Я так и не понял, как он узнал Загребущего. Возможно, я и не хотел понимать. Подобные штучки меня пугают.

– В нашем плане предусмотрен его тайный визит, – сказал Гоблин.

Как он ухитряется пищать, когда шепчет?

– Загребущий обязан выяснить, кто ему противостоит. А в таком деле он ни на кого не может положиться. – Толстый коротышка горделиво напыжился.

Капитан называет людскую натуру самым острым мечом Черного Отряда. Любопытство и стремление выжить завлекли Загребущего в наш дьявольский котел. Но не исключено, что Взятый сумеет обратить наше же оружие против нас. Возможностей для этого у него немало.

Проходили недели. Загребущий являлся вновь и вновь, – очевидно, увиденное его удовлетворяло. Душелов запретил нам трогать врага, хоть тот и превратился в легкую добычу.

Пусть наш патрон и заботлив по отношению к нам, но в жестокости ему не откажешь. У меня создалось впечатление, что он хочет помучить Загребущего неопределенностью судьбы.

– Город просто помешался на сокровищах, – сообщил Гоблин, радостно приплясывая. – Тебе не мешало бы почаще выходить на улицу, Костоправ. Местные превратили Загребущего в настоящую индустрию. – Колдун поманил меня в самый дальний от Душелова угол и открыл кошелек. – Глянь, – прошептал он.

Я увидел пару горстей монет, среди них золотые.

– С такой тяжестью ходить тебе перекошенным, – пошутил я.

Ухмылка Гоблина – то еще зрелище.

– За эти деньги я продавал сведения о том, где можно отыскать Загребущего, – прошептал он и украдкой взглянул на Душелова. – Само собой, все высосано из пальца. – Он положил руку мне на плечо – для этого ему пришлось встать на цыпочки. – Ты тоже можешь разбогатеть.

– А я и не знал, что мы здесь с целью набить мошну.

Гоблин нахмурился, и его круглая бледная физиономия сплошь покрылась морщинами.

– Да ты кто такой? Что о себе возомнил?

Душелов обернулся.

– Господин, у нас тут пари, мы малость поспорили, – испуганно прохрипел Гоблин. – Обычное дело.

Я громко рассмеялся:

– Весьма убедительно, коротышка. Но не проще ли тебе повеситься?

Он надулся, но ненадолго. Гоблин неукротим, и его юмор прорывается наружу даже в самых тяжелых ситуациях.

– Это ерунда, Костоправ, – прошептал он. – Видел бы ты, чем занимается Одноглазый. Продает амулеты, которые гарантированно указывают владельцу, что рядом находится мятежник. – Быстрый взгляд на Душелова. – И они работают. В определенном смысле.

Я покивал:

– Хотя бы рассчитается с карточными долгами.

В этом весь Одноглазый. Плохо ему жилось в Мейстрикте, не было возможности заняться привычными махинациями на черном рынке.

– Вам же поручили распространять слухи. Подливать масла в огонь, но не...

– Ш-ш-ш! – Он вновь взглянул на Душелова. – Мы этим и занимаемся. В каждой городской пивнушке. Ей-ей, мельница слухов крутится так, что аж крылья отваливаются. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

– Нет.

Душелов становится все более общительным. Глядишь, сумею вызвать его на настоящий разговор.

– Тебе же хуже. Знаю одного букмекера, он принимает ставки: сколько Загребуший еще проходит с головой на плечах. А у тебя есть тайная информация, так что...

– Лучше катись отсюда, пока свою башку не потерял.

Я подошел к окну. Минуту спустя через площадь проковылял Гоблин, даже не взглянув на нашу ловушку.

– Пусть себе тешатся, – сказал Душелов.

– Что, господин? – Моя новая попытка, подхалимская.

– У меня слух острее, чем думают твои приятели.

Я уставился на черный морион, пытаюсь уловить хоть малейший намек на мысли, скрытые под металлом.

– Безобидная возня. – Душелов слегка повернул голову, посмотрел мимо меня. – Подполье парализовано страхом.

– Да, господин.

– Раствор, скрепляющий кирпичи этого дома, ослаб, вскоре он начнет крошиться. Этого не произошло бы, захвати мы Загребущего сразу. Из него сделали бы символ, выставив невинной жертвой. Конечно, мятежников опечалила бы потеря, но они бы продолжили начатое им дело. И еще до начала весенней кампании Круг заменил бы Загребущего кем-нибудь другим.

Я смотрел на площадь. Почему Душелов все это мне говорит? И одним и тем же голосом? Уж не голос ли это самого Душелова?

– Потому что ты думал, будто я вершил жестокости ради жестокости.

Я подпрыгнул:

– Но как вы?..

Душелов издал звук, заменяющий ему смех:

– Нет, я не читал твои мысли. Просто знаю, как размышляют люди. Ведь на то я и Душелов.

Бывает ли Взятый одиноко? Страдают ли они без простых приятельских отношений? Без дружбы?

– Иногда. – На сей раз голос женский, обольщающий.

Я обернулся, но тотчас, испугавшись, снова уставился на площадь.

Душелов угадал и эту мою опаску. Он перевел разговор на Загребущего:

– Просто его устранение не входило в мои планы. Я хотел, чтобы герой Форсберга дискредитировал сам себя.

Мы даже не догадывались о том, насколько хорошо Душелов знал нашего врага. Загребуший играл в его игру. Он уже совершил две впечатляющие, но тщетные попытки добраться

до нашей ловушки. Эти неудачи сильно подорвали его авторитет в глазах сопровождающих. Если верить слухам, в Розах уже сильны проимперские настроения.

– Когда он выставит себя дураком, мы его раздавим. Как назойливого жука.

– Не следует его недооценивать. – Какое нахальство – давать совет Взятому. – Хромой...

– Неудачное сравнение. Я не Хромой. Они с Загребущим очень похожи. Давным-давно...

Властелин мог бы сделать его одним из нас.

– А как он выглядит? – Не давай ему замолчать, Костоправ.

От Властелина до Госпожи всего один шаг.

Душелов поднял руку ладонью вперед и медленно согнул пальцы. Меня пробрало холодом. Четко представилось, как эти когти терзают мою душу. Конец разговора.

Позднее я сказал Эльмо:

– Знаешь, сокровища могли бы быть и ненастоящими. Сошло бы что угодно, раз никто не в силах до них добраться.

– Ты не прав, – возразил услышавший меня Душелов. – Загребущий должен знать, что они настоящие.

Наутро до нас дошли вести от Капитана. Несколько мятежников-партизан сложили оружие в ответ на наше предложение об амнистии. Кое-какие их регулярные части, пришедшие на юг вместе с Загребущим, отступили севернее. Смятение добралось и до Круга – его встретила неудача Загребущего в Розах.

– Но почему? – удивился я. – Ведь ничего, в сущности, не произошло.

– Произошло, – ответил Душелов, как мне показалось, не без самодовольства. – В людских умах. Загребущий, а вместе с ним и Круг выглядят бессильными. Нашему приятелю следовало бы передать командование войсками в Клине другому военачальнику.

– Будь я знаменитым полководцем, вряд ли пошел бы на такое унижение, – заметил я.

– Костоправ! – ахнул изумленный Эльмо.

Что на уме, то и на языке, – это сказано не про меня.

– Эльмо, я серьезно. Можешь представить себе любого полководца – нашего или вражеского – и чтобы он просил другого полководца занять его место?

Черный морион, скрывавший лицо Душелова, повернулся в мою сторону.

– Их вера умирает. Армия, утратив веру, терпит поражение куда более сокрушительное, чем на поле битвы. – Когда Душелов оседлывает какую-то тему, ничто не может его отвлечь.

У меня возникло странное ощущение, что он-то как раз из тех, кто способен уступить командование более опытному.

– Начинается решающий этап. Распускайте слухи в тавернах. Шепчите на улицах. Травите его. Гоните. Давите так, чтобы у него не было времени думать. Пусть он впадет в отчаяние и совершит какую-нибудь глупость.

Я решил, что идея у Душелова правильная. Эта победа будет одержана не на поле боя. Весна уже на носу, но сражения еще не начались. Глаза всех жителей Клина обращены к вольному городу. Все ждут исхода дуэли между Загребущим и защитником Госпожи.

– Теперь уже нет необходимости убивать Загребущего, – продолжал Душелов. – Доверие к себе он утратил полностью. Сейчас мы уничтожаем моральный дух его присных и всего их движения. – И он возобновил бдение у окна.

– По словам Капитана, Круг велел Загребущему покинуть город, – сказал Эльмо. – Тот отказался.

– Он восстал против собственной революции?

– Он хочет уничтожить нашу ловушку.

Вот и еще одна грань человеческой природы, работающая на нас. Самонадеянная гордыня.

– Доставай карты. Гоблин и Одноглазый опять принялись грабить вдов и сирот. Пора облегчить их кошельки.

Загребущий остался в полном одиночестве – озлобленный, знающий, что на него охотятся. Исхлестанный пес, бегающий по ночным переулкам. Он никому не может верить. Мне стало его немного жаль.

Он дурак. Только дурак продолжает делать ставки, когда уменьшаются его шансы. А шансы Загребущего уменьшались с каждым часом.

Я ткнул пальцем в темный силуэт возле окна:

– Если прислушаться, смахивает на сборище Братства шептунов.

Ворон взглянул поверх моего плеча, но ничего не сказал. Мы играли на пару в тонк, борясь со скукой и временем.

От окна доносилось бормотание десятка голосов: «Я это чувствую», «Ты ошибаешься», «Оно надвигается с юга», «Надо заканчивать немедленно», «Не сейчас», «Уже пора», «Нужно подождать еще немного», «Мы рискуем удачей, игра может обернуться против нас», «Опасайся гордыни», «Он уже здесь, его опережает вонь, как шакала – смрад из пасти».

– Интересно, ему когда-нибудь удастся переспорить самого себя?

Ворон и на этот раз промолчал. Я и прежде пытался разговорить его, когда набирался храбрости. Тщетно. С Душеловом и то лучше получалось.

Душелов внезапно поднялся и что-то произнес – гневно и неразборчиво.

– Что случилось?

Я устал от Роз. Меня уже тошнило от этого города. Он пугал меня: гуляя по его улицам в одиночку, можно было расстаться с жизнью.

Один из призрачных голосов был прав. Мы приблизились к черте, за которой выгода от нашей затеи начала уменьшаться. Против воли я уже восхищался Загребущим – он отказывался сдаться или убежать.

– Так что случилось? – повторил я.

– Хромой. Он в Розах.

– Здесь? Почему?

– Почуял крупную добычу. Хочет украсть у нас успех.

– То есть спутать нам карты?

– Это его стиль.

– А не могла бы Госпожа?..

– Мы в Розах. Она очень далеко. К тому же ей все равно, кто прикончит Загребущего.

Политические дрязги среди приспешников Госпожи. Как странен мир. Я попросту не понимаю тех, кто не принадлежит к Отряду.

Мы живем простой жизнью. Думать нас не заставляют, это забота Капитана. Мы лишь выполняем приказы. Для большинства из нас Черный Отряд – убежище, спасение от теней прошлого, место, где ты становишься новым человеком.

– Что будем делать? – спросил я.

– Хромого я беру на себя. – Душелов поискал взглядом свое одеяние.

Свалились Гоблин и Одноглазый – настолько пьяные, что могли держаться на ногах, лишь ухватившись друг за друга.

– Вот же гадство! – пискнул Гоблин. – Опять снег пошел. Проклятый снег. А я думал, зима кончилась.

Одноглазый разразился песней – что-то о прелестях зимы. Общий смысл я уловил, но не более, потому что язык у колдуна заплетался, а половину слов он не помнил.

Гоблин плюхнулся в кресло, позабыв про Одноглазого. Тот свалился к его ногам, облевал ему сапоги и попытался допеть песню, потом пробормотал:

– А где все, чтоб им пусто было?
– Да в городе шляются. – Мы с Вороном переглянулись, и я сказал: – Надрались на пару – ты можешь в это поверить?

– А ты куда, старое привидение? – пискнул Гоблин, обращаясь к Душелову.

Тот вышел, не удостоив его ответом.

– Скотина. Эй, Одноглазый, дружище, я прав? Старое привидение – настоящая скотина?

Одноглазый оторвался от пола и огляделся. Вряд ли он что-нибудь увидел своим единственным глазом.

– Пр-равлно. – Он скорчил мне рожу. – Ск’тина. Ст’рая ск’тина. – Что-то показалось ему смешным, и он хихикнул.

Гоблин присоединился к Одноглазому. Поняв, что мы с Вороном не уловили юмора, он изобразил оскорбленное достоинство и произнес:

– Здесь нет наших братьев по духу, старина. В снегу нам и то будет теплее. – Он помог Одноглазому подняться, и они кое-как доковыляли до двери.

– Надеюсь, они не выкинут какой-нибудь номер почище этого. Если затеют склоку, то могут и прикончить друг друга.

– Тонк, – бросил Ворон и раздал карты.

Он вел себя так, словно и в глаза не видел пьяной парочки.

Десять или пятьдесят партий спустя в комнату ворвался один из наших солдат.

– Эльмо не видели? – спросил он.

Я взглянул на него. В волосах тает снег, лицо бледное – не иначе от страха.

– Нет, Крутой. А что случилось?

– Кто-то пырнул Масло ножом. Кажется, то был Загребущий. Я его спугнул.

– Пырнул ножом? Масло мертв? – Я поискал глазами свою сумку.

Раненому я буду нужнее, чем Эльмо.

– Жив. Но сильно порезан. Много крови.

– Почему ты его не привел?

– Я не мог его тащить.

Крутой тоже пьян. Нападение на друга немного отрезвило его, но это ненадолго.

– Ты уверен, что это был Загребущий?

Неужели старый дурак пытается нанести ответный удар?

– Конечно. Пойдем, Костоправ, а то помрет.

– Да, пошли.

– Подождите. – Ворон осматривал свое оружие. – Я тоже иду. – Он взвесил на ладнях два идеально заточенных ножа, выбирая, затем пожал плечами и заткнул за пояс оба. – Плащ накинь, Костоправ, на улице холодно.

Пока я искал плащ, он быстро выяснил у Крутого, где находится Масло, и велел оставаться в комнате, пока не придет Эльмо.

– Пошли, Костоправ.

Вниз по лестнице. Улица сменяет улицу. У Ворона обманчивая походка. Кажется, шагает неторопливо, но чтобы держаться рядом с ним, нужно пошевеливаться.

Оказалось, что снегопад – еще не самое скверное. Даже там, где горели фонари, видимость составляла не более двадцати футов. Выпало уже шесть дюймов снега – тяжелого и сырого. Но температура понижалась, а ветер усиливался. Опять метель? Проклятье! Неужели мы мало от них пострадали?

Мы отыскали Масло в четверти квартала от того места, где ему полагалось находиться. Он заполз под какие-то ступеньки. Ума не приложу, как Ворон догадался, где следует искать. Мы перенесли Масло к ближайшему фонарю. Сам он идти не мог, потому что был в отключке. Я фыркнул:

– Мертвецки пьян. Ему грозит только одна опасность – замерзнуть насмерть. Он был весь перепачкан кровью, но рана оказалась неглубокой: несколько швов – и порядок.

Мы дотащили Масло до нашего жилища. Я раздел его и взялся за иглу, не дожидаясь, когда к нему вернется способность грязно ругаться.

Его приятель успел заснуть. Ворон разбудил Крутого несколькими пинками.

– Что произошло? – спросил Ворон. – Я хочу услышать правду.

Крутой повторил свой рассказ, настаивая на том, что приятеля ранил Загребущий.

Я усомнился в его словах, Ворон тоже. Но когда я кончил орудовать иглой, Ворон сказал:

– Возьми свой меч, Костоправ.

В его глазах появился охотничий блеск. Мне не хотелось вновь выходить на улицу, но еще меньше хотелось спорить с Вороном, когда он в таком настроении. Я отыскал пояс с мечом и шелкнул пряжкой.

Воздух стал холоднее, а ветер сильнее. Снежинки помельчали, зато они больней покусывали щеки. Я брел за Вороном, гадая, куда мы идем и зачем.

Он нашел место, где Масло ударили ножом. Свежий снег еще не успел скрыть следы. Ворон присел на корточки. И что же он там видит? По-моему, в полумраке уже ничего не разглядеть.

– Может, он и не соврал, – произнес наконец Ворон и всмотрелся во мглу переулка, откуда появился нападавший.

– Почему ты знаешь?

Он не ответил.

– Пошли. – Ворон встал.

Я не люблю переулки. Особенно в городах вроде этого, где находит пристанище всякое известное человеку зло и, вероятно, пока еще неизвестное. Но Ворон все шел вперед... Он нуждался в моей помощи... Ворон – мой брат по Черному Отряду... И все же, клянусь, жаркий огонь и теплое вино меня бы устроили куда больше, чем его общество.

Кажется, за весь срок пребывания в городе я провел на его улицах часа три, от силы четыре. Ворон выходил из комнаты еще реже, чем я, однако он явно знал, куда направляется. Он вел меня по улочкам и переулкам, по пустырям и мостам. Через Розы протекают три реки, соединенные паутиной каналов. Мосты относятся к достопримечательностям города.

Но в тот момент достопримечательности меня совершенно не интересовали. Больше всего я желал не свалиться на снег и сохранить под одеждой остатки тепла. Ноги превратились в ледяные глыбы. В сапоги упорно набивался снег, а Ворон не желал останавливаться всякий раз, когда это случалось.

Вперед и вперед. Мили и часы. Никогда не видел столько трущоб и свалок...

– Стоп! – Ворон вытянул руку, преграждая мне путь.

– Что?

– Тихо.

Он прислушался. Я тоже. И не уловил ни звука. Впрочем, я мало что слышал за все время нашей вылазки. В том, что Ворон идет по следу человека, напавшего на Масло, я не сомневался, но как ему это удастся?

Откровенно говоря, никакие поступки Ворона меня не удивляли. Никакие – с того самого дня, когда он на моих глазах задушил жену.

– Он совсем близко. – Ворон взгляделся в мельтешение снежинок. – Как мы раньше шли, так и иди прямо вперед, не прибавляй шагу. Наткнешься на него через пару кварталов.

– Что? А ты куда? – спросил я вслед расплывающейся тени. – Чтоб тебе провалиться!

Я набрал в грудь воздуха, еще раз выругался, обнажил меч и пошел вперед. В голове вертелась лишь одна мысль: как мы станем оправдываться, если прикончим не того, кого следует?

И тут я увидел в полоске света, падающей из двери таверны: высокий поджарый мужчина уныло бредет по снегу и не замечает ничего вокруг. Загребущий? Откуда мне знать? Из нас только Эльмо и Масло участвовали в рейде на ту ферму...

Сумерки сгустились. Лишь двое из тех, кто находится в городе, способны опознать Загребущего. Но Масло ранен, а Эльмо я не видел уже... Где он? Под снежным одеялом в каком-нибудь переулке, холодный, как эта отвратительная ночь?

Мой страх уступил место гневу.

Я сунул меч в ножны и достал кинжал, спрятал его под плащом острием вперед. Шедший впереди не оборачивался.

– Паршивая ночка, старина.

Он что-то буркнул в ответ. Потом, когда я поравнялся и пошел рядом, он посмотрел на меня. Слегка отстранился и вгляделся внимательнее. В его глазах не было страха, он был уверен в себе. Этот старик не из тех, кто бродит по ночам в переулках трущоб, шараясь от собственной тени.

– Что тебе нужно? – Спокойный голос задал мне прямой вопрос.

Старику нечего было опасаться – я был перепуган за двоих.

– Ты ударил ножом моего друга, Загребущий.

Он остановился. Глаза как-то странно блеснули.

– Черный Отряд?

Я кивнул.

Он смотрел на меня, задумчиво щурясь.

– Лекарь. Ты отрядный лекарь по прозвищу Костоправ.

– Рад познакомиться. – Уверен, в моем голосе было больше силы, чем в теле.

«И что же мне теперь делать?» – подумал я.

Загребущий распахнул плащ. В мою сторону метнулся короткий клинок. Я отпрыгнул, распахнул полы плаща, еще раз увернулся и попытался выхватить свой меч.

Загребущий замер. Его глаза встретились с моими. Мне показалось, что они становятся все больше, больше... Я проваливался в два серых колодца... Уголки его рта шевельнулись в улыбке. Он шагнул ко мне, подняв меч...

И внезапно застонал. На его лице отразилось полнейшее недоумение. Я стряхнул его чары, отступил, принял оборонительную стойку.

Загребущий медленно обернулся, вглядываясь в темноту. Из его спины торчал нож. Взятый завел руку за спину и выдернул. С губ сорвался стон. Загребущий пристально посмотрел на нож и запел, медленно выговаривая слова.

– Шевелись, Костоправ!

Это же заклинание! Вот болван! Я позабыл, с кем имею дело. Мой меч нанес удар.

В то же мгновение из темноты возник Ворон.

Я посмотрел на труп:

– И что теперь?

Ворон опустил на колени, вытащил из-за пояса другой нож – с зубчатым лезвием.

– Кто-то предъявит права на сокровища Душелова.

– Он взбесится.

– Собираешься ему все рассказать?

– Нет. Но что делать с добычей?

Бывали времена, когда Черный Отряд процветал, но богатым он не был никогда. Накопление богатств – не наша цель.

– Какая-то сумма мне пригодится, рассчитаюсь со старыми долгами. А остальное... разделите между собой. Отправьте в Берилл. Поступайте как знаете. Не возвращать же все Взятому.

– Дело твое, – пожал я плечами. – Я лишь надеюсь – Душелов не подумает, что мы перешли ему дорогу.

– Правду знаем только я и ты. Я ему не скажу.

Он смел снег с лица старика. Загребущий быстро остывал.

Потом Ворон пустил в ход нож.

Я врач. Я ампутировал конечности. Я солдат. Я видел залитые кровью поля сражений. И тем не менее меня замутило. Как-то неправильно, когда мертвецу отрезают голову.

Ворон спрятал наш кровавый трофей под плащ. Его не тошнило.

На обратном пути я спросил Ворона:

– Кстати, а почему мы вообще за ним отправились?

Помолчав, Ворон ответил:

– В последнем письме Капитан просил покончить с этим делом, если выпадет такая возможность.

Когда мы подошли к площади, Ворон сказал:

– Иди наверх и узнай, на месте ли Душелов. Если нет, то отыщи самого трезвого из наших и отправь его за фургоном. Потом возвращайся сюда.

– Хорошо. – Я вздохнул и торопливо зашагал к нашему дому.

Что угодно отдам за толику тепла.

Снега выпало уже на фут. Я всерьез боялся отморозить ноги.

– Где тебя носило?! – рявкнул Эльмо, когда я ввалился в комнату. – И где Ворон?

Я огляделся. Душелова нет. Гоблин и Одноглазый вернулись, но такие пьяные, что их сейчас можно приравнять к покойникам. Масло и Крутой оглушительно храпят.

– Как Масло?

– В порядке. Так где ты был?

Я уселся возле огня и стянул сапоги. Ноги посинели и онемели, но все же я их не отморозил. Вскоре кожу начало болезненно покалывать. И вообще, я еле шевелился после бесконечных хождений по снегу. Я рассказал Эльмо обо всем.

– Вы его убили?

– Ворон сказал, что Капитан просил закончить эту историю.

– М-да... Вот уж не думал не гадал, что Ворон пойдет резать Загребущему глотку.

– Где Душелов?

– Еще не возвращался. – Эльмо ухмыльнулся. – Я сам пригоню фургон. Никому больше не рассказывай, тут слишком много трепачей. – Он накинул на плечи плащ и торопливо вышел.

Руки и ноги немного отогрелись. Произведя в комнате разведку, я позаимствовал сапоги у Масла – они оказались примерно моего размера, а ему были пока не нужны.

Опять выхожу в ночь. Уже почти утро. Скоро рассвет.

Я ждал от Ворона упреков, но меня постигло разочарование – он лишь посмотрел мне в глаза. Ворон стучал зубами от холода. Помню, я еще подумал, что он все-таки человек, как и мы.

– Пришлось переобуваться. Эльмо отправился за фургоном. Остальные надрались до бесчувствия.

– А Душелов?

– Еще не вернулся.

– Пора сажать это семечко. – Он шагнул в снежную круговерть.

Я торопливо последовал за ним.

На ловушке снег не оседал, и она по-прежнему посверкивала золотом. Талая вода скапливалась лужицами под столом, растекалась ручейками и превращалась в лед.

– Как думаешь, Душелов узнает, если ловушка разрядится? – спросил я.

– Почти наверняка. Да и Гоблин с Одноглазым тоже.

– Эта парочка сейчас не перевернется на другой бок, даже если весь дом сгорит.

– И тем не менее... Шшш! Там кто-то есть. Иди за мной.

Он повел меня куда-то в сторону, в обход площади.

«Ради чего я в это ввязался?» – размышлял я, разгребая ногами снег и держа оружие наготове. Неожиданно я ткнулся в спину Ворона.

– Ты что-то увидел?

Он напряженно вглядывался в темноту:

– Здесь кто-то был. – Ворон принялся, медленно поворачивая голову то вправо, то влево, потом быстро сделал десяток шагов и показал вниз.

Он не ошибся – след был совсем свежим. Тот, кто здесь находился, торопливо ушел. Я посмотрел на следы.

– Ворон, мне это не нравится. – Следы отчетливо показывали, что неожиданный гость при-
волакивал правую ногу. – Хромой.

– Точно не скажешь.

– Кто же еще? Ну и где Эльмо?

Мы вернулись к ловушке. Потянулось томительное ожидание. Ворон расхаживал взад-вперед и что-то бормотал. Никогда не видел его так сильно встревоженным. И он словно воды в рот набрал. За все это время бросил лишь одну фразу:

– Хромой – не Душелов.

И в самом деле. Душелов почти человек. Хромой же из тех подонков, которые наслаждаются, пытая младенцев.

Скрип постромок и визг плохо смазанных колес возвестили о прибытии фургона. Эльмо выкатил его на площадь, подъехал к нам и спрыгнул с козел.

– Где тебя носило? – Страх и усталость взвинтили мне нервы.

– Пришлось искать конюха и запрягать лошадей. А в чем дело? Что случилось?

– Здесь бродит Хромой.

– Вот зараза! И что он делает?

– Пока ничего...

– Пошевеливайтесь! – рявкнул Ворон. – Пока Хромой не вернулся.

Он подошел к камню с головой Загребущего в руке. Охранных чар словно и не было. Когда голова оказалась в углублении, золотистое сияние погасло. На голову и камень стали опускаться снежинки.

– Начали, – выдохнул Эльмо. – У нас мало времени.

Я схватил мешок и перенес его в фургон. Предусмотрительный Эльмо застелил пол парусиной, чтобы выпавшие монеты не провалились в щели между досками.

Ворон велел мне собрать все, что лежало под столом.

– Эльмо, вытряхни один мешок и дай его Костоправу.

Сами они грузили мешки, а я ползал на коленях, поднимая раскатившиеся монеты.

– Минута прошла, – объявил Ворон.

Половина мешков уже лежала в фургоне.

– Слишком много рассыпалось, – пожаловался я.

– Если придется, оставим.

– А куда повезем мешки? И где спрячем?

– В сеновале на конюшне, – решил Ворон. – На время. Потом сделаем у фургона фальшивое дно. Две минуты прошли.

– А как быть со следами колес? – спросил Эльмо. – Он может нас по ним найти.

– Да зачем ему это нужно? – засомневался я вслух.

Ворон проигнорировал мои слова и обратился к Эльмо:

– Ты не заметал следы, когда ехал сюда?

– Как-то не подумал.

– Проклятье!

Все мешки перекочевали в фургон. Ворон и Эльмо опустились на корточки, чтобы помочь мне со сбором монет.

– Три минуты, – произнес Ворон и тут же воскликнул: – Тихо! – Он прислушался. – Душелов не мог вернуться так скоро, верно? Значит, это опять Хромой. Сматываемся. Эльмо, ты поведешь фургон. Правь к главным улицам, затеряйся среди повозок. Я пойду следом за тобой. А ты, Костоправ, постарайся уничтожить ведущие сюда следы фургона.

– А где Хромой? – спросил Эльмо, тщето вглядываясь в метель.

Ворон показал:

– Нужно оторваться, или он все отберет. Иди, Костоправ. Эльмо, поезжай.

– Но, пошли! – Эльмо щелкнул поводьями.

Фургон со скрипом покати.

Я нырнул под стол, набил доверху карманы и побежал прочь от того места, где, по словам Ворона, затаился Хромой.

Не знаю, насколько хорошо мне удалось замести следы фургона. Утром на улицах началось движение, – думаю, от него проку было больше, чем от моих усилий. Конюху я сунул носок, набитый золотом и серебром, – больше, чем он смог бы заработать на конюшне за несколько лет, – и спросил, не согласится ли он исчезнуть. Желательно и из города тоже.

– Даже не потрачу лишней минуты, чтобы забрать свое барахло! – Он бросил в угол вилы и вышел.

Я торопливо вернулся в нашу комнату. Все, кроме Масла, еще дрыхли.

– А, Костоправ, – произнес он. – Как раз вовремя.

– Что, рана болит?

– Угу.

– Похмелье замучило?

– И это тоже.

– Сейчас что-нибудь придумаем. Ты давно проснулся?

– Да с час назад.

– Душелов был здесь?

– Нет. Кстати, куда он подевался?

– Не знаю.

– Эй, это же мои сапоги! Чего это тебе вздумалось надевать мои сапоги?

– Успокойся. Вот, выпей.

Он выпил, но не угомонился:

– Слышь, ты почему надел мои сапоги?

Я снял сапоги и поставил их возле огня, который уже угасал. Масло дышал мне в спину, пока я подбрасывал уголь.

– Швы разойдутся, если ты не уймешься.

Наших можно успокоить только так. Когда даешь медицинский совет, они прислушиваются. Масло снова улегся, но ругать меня не перестал.

Я стянул с себя промокшую одежду и напялил ночную рубашку, что попала на глаза. Интересно, откуда она взялась? Рубашка оказалась коротковатой. Поставив на огонь чайник, я взял свою сумку и подошел к Маслу:

– Дай-ка я тебя осмотрю.

Я очищал кожу вокруг раны, а Масло тихо бранился. И вдруг раздалось: шарк-стук, шарк-стук. Шаги замерли возле нашей двери.

– В чем дело? – спросил Масло, ощутив мой страх.

– Это...

Дверь за моей спиной распахнулась. Я обернулся и увидел, что моя догадка оказалась верна.

Хромой подошел к столу, плюхнулся на стул, обозрел комнату. Его взгляд пронзил меня, и я задумался, помнит ли Взятый, что я сделал с ним в Весле.

– Как раз поставил чайник, – невинно произнес я.

Он посмотрел на мокрые сапоги и плащ, затем на каждого находившегося в комнате. Потом снова на меня.

Крупным Хромого не назовешь. Если встретить на улице, не зная, кто он такой, он не произведет особого впечатления. Подобно Душелову, Хромой был в однотонной одежде – тускло-коричневой, поношенной, грязной. Лицо скрывала потертая кожаная маска, с которой капала вода. Из-под капюшона и маски торчали спутанные пряди волос – черных, припудренных сединой.

Он не произнес ни слова, лишь сидел и пялился на нас. Не зная, что в такой ситуации делать, я закончил обрабатывать рану Масла, затем заварил чай. Разлил в три оловянные кружки, одну дал Маслу, одну поставил перед Хромым, третью взял себе.

И что дальше? Теперь уже не притворишься, будто чем-то занят. И присесть негде, только возле стола... Вот дерьмо!

Хромой стянул маску. Поднес чашку к губам...

И я не смог отвести глаз.

Это было лицо мертвеца или же скверно забальзамированной мумии. Глаза живые и злобные, но прямо под ними – пятно гниющей плоти. В правом углу рта не хватало квадратного дюйма губ, проглядывали обнаженные десны и пожелтевшие зубы.

Хромой хлебнул чаю, посмотрел мне в глаза и улыбнулся. Я едва не обмочился.

Я встал и подошел к окну. На улице немного посветлело и снег падал уже не густо, но мне так и не удалось разглядеть камень.

На лестнице затопали сапоги. Вошли Эльмо и Ворон.

– Эй, Костоправ, как тебе удалось отделаться от...

Эльмо смолк, едва заметил Хромого.

Ворон вопросительно посмотрел на меня. Хромой обернулся. Пока он не мог меня видеть, я успел пожать плечами. Ворон отошел от двери и начал снимать мокрую одежду.

Эльмо сообразил мигом. Он приблизился к огню и разделся:

– О, как здорово избавиться от этой мокрятины! Как дела, Масло?

– Есть свежий чай, – сообщил я.

– Все тело болит, – ответил Масло.

Хромой посматривал на каждого из нас, а заодно на Одноглазого и Гоблина, который уже зашевелился.

– Вот, значит, как. Душелов привел с собой лучших из Черного Отряда. – Голос упал до шепота, но даже шепот Хромого наполнил все помещение. – Где он?

Ворон пропустил его слова мимо ушей. Он переделся в сухие брюки, присел возле Масла и проверил мою работу:

– Здорово ты его заштопал, Костоправ.

– У меня хватает практики.

Эльмо пожал плечами в ответ на вопрос Хромого. Он допил чай, налил всем еще по чашке и вновь наполнил чайник водой из кувшина. Пока Хромой сверлил взглядом Ворона, Эльмо ткнул Одноглазого сапогом в ребра.

– Эй! – рявкнул Хромой. – Я не забыл, что вы устроили в Опале. И что было в Форсберге.

Ворон уселся, прислонившись спиной к стене, вытащил самого зловещего вида нож и принялся чистить ногти. Он улыбался. Улыбался, глядя на Хромого, и в глазах читалась откровенная насмешка.

Неужели он совсем не знает страха?

– Что вы сделали с деньгами? Они принадлежали не Душелову. Госпожа дала их мне.

Глядя на Ворона, и я набрался смелости:

– Разве вы не должны сейчас быть в Вязе? Госпожа приказала вам покинуть Клин.

Гнев исказил и без того уродливое лицо. На лбу и левой щеке проступил шрам. Наверное, он тянулся вниз до левого соска Хромого. Этот удар ему нанесла сама Белая Роза.

Хромой резко обернулся. И этот проклятый Ворон сказал:

– Достал карты, Эльмо? Стол освободился.

Хромой оскалился. Все крепче пахло грозой.

– Мне нужны эти деньги. Они мои. У вас есть выбор: или соглашаетесь, или нет. И не позавидую вам, если откажетесь.

– Если они тебе нужны, походи и возьми, – сказал Ворон. – Поймай Загребущего. Отруби ему голову. Положи ее на камень. Для Хромого это не составит труда. Загребущий всего лишь бандит. Разве у него есть шанс против Хромого?

Я подумал, что Взятый сейчас взорвется. Но он выдержал. Слова Ворона на мгновение ошеломили его. Лишь на мгновение.

– Ладно. Значит, вы решили усложнить себе жизнь. – Его улыбка была широкой и жесткой.

Я понимал: гроза вот-вот разразится.

В проеме распахнутой двери возникла тень. Худощавая темная фигура скользнула в комнату, посмотрела на спину Хромого. Я облегченно вздохнул.

Хромой повернулся. Между Взатыми едва не сверкнула молния.

Краем глаза я заметил, что Гоблин сидит, а его пальцы отплясывают в сложном ритме. Одноглазый, уставившись в стену, что-то шепчет в подушку. Ворон изготовил нож для броска. Эльмо вцепился в чайник, чтобы выплеснуть кипяток.

Вокруг меня на расстоянии вытянутой руки не было ничего пригодного в качестве метательного снаряда. Как же внести свой вклад? Записать историю в хроники, если выживу?

Душелов сделал едва заметный жест, обошел Хромого и уселся на свой любимый стул. Вытянул руку, подтащил другой стул и положил на него ноги. Потом взглянул на Хромого:

– На тот случай, если я тебя встречу, она просила передать, что желает тебя видеть. Ей не терпится расспросить о восстании в Вязе. – Обе фразы были произнесены одним голосом, женским и твердым.

Хромой вздрогнул. Одна из его лежащих на столе рук нервно дернулась.

– Восстание? В Вязе?

– Мятежники атаковали дворец и казармы.

Тугая кожа на лице Хромого обрела смертельную бледность. Подергивание руки стало более заметным.

– А еще ей хочется знать, почему ты там не был и не отогнал мятежников.

Хромой выдержал лишь три секунды. За это время его лицо стало еще уродливей, до гротескного. Мне редко доводилось видеть столь откровенный страх. Затем Взятый сорвался со стула и выбежал.

Ворон метнул нож. Тот вонзился в дверную раму, но Хромой этого не заметил.

Душелов рассмеялся. Смех был совсем не такой, как прежде, а звучный, четкий и торжествующий. Душелов встал и подошел к окну.

– Ага. Кто-то получил приз. Когда это произошло?

Эльмо решил закрыть дверь. Ворон попросил его вытащить нож. Я робко приблизился к Душелову, выглянул в окно. Снегопад прекратился, камень был ясно виден. Холодный, утраченный свечение и покрытый дюймовым слоем снега.

– Не знаю. – Мне оставалось лишь надеяться, что голос прозвучит искренне. – Снег падал всю ночь, очень густо. Когда я последний раз смотрел в окно – еще до того, как пришел он, – ничего не удалось разглядеть. Может, сходить и посмотреть?

– Не стоит. – Он развернул стул так, чтобы наблюдать за площадью.

Позднее, после того как Душелов принял из рук Эльмо чашку чая и выпил ее – отвернувшись, чтобы скрыть лицо, – он негромко добавил:

– Загребущий уничтожен. Его шваль в панике. И что самое приятное, Хромого опять вывели из себя. Неплохо сработано.

– Это была правда? – спросил я. – Насчет Вяза?

– Каждое слово, – весело подтвердил Душелов. – Остается только гадать, откуда мятежники узнали, что Хромого нет в городе. И как Меняющему удалось моментально унюхать неприятности – он появился в Вязе очень вовремя, чтобы погасить едва вспыхнувший мятеж. – Еще одна пауза. – Не сомневаюсь, что Хромой над этим задумается, когда придет в себя. – И он вновь рассмеялся, на этот раз тихо и мрачно.

Мы с Эльмо занялись завтраком. Обычно стряпней заведовал Масло, так что у нас появился повод нарушить устоявшийся обычай. Через некоторое время Душелов произнес:

– Молитвы вашего Капитана были услышаны.

– Так мы можем отправляться? – уточнил Эльмо.

– А какой смысл вам теперь здесь торчать?

У Одноглазого причины имелись, но мы их проигнорировали.

– После завтрака начнем собираться, – сказал Эльмо.

– Вы что, решили ехать в такую погоду? – изумился Одноглазый.

– Мы нужны Капитану.

Я принес Душелову яичницу. Сам не знаю, почему это сделал. Он редко ест и почти никогда не завтракает. Но он взял тарелку и отвернулся.

Я выглянул в окно. Толпа уже обнаружила перемену. Кто-то смел снег с лица Загребущего. Глаза были открыты, и казалось – он наблюдает. Жуть.

Под столом копошились люди, дрались за оставленные нами монеты. Получившаяся куча-мала смахивала на клубок червей в гниющем трупке.

– Надо бы оказать ему последнюю почесть и похоронить голову, – пробормотал я. – Он был дьявольски сильным противником.

– Для этого у тебя есть Анналы, – ответил Душелов. – Только победитель утруждает себя оказанием почестей поверженному врагу.

К тому времени я уже сидел перед своей тарелкой. Я задумался над смыслом его слов, но в тот момент горячая еда была для меня важнее.

Все, кроме меня и Масла, отправились в конюшню. За мной и раненым солдатом решили прислать фургон. Я дал Маслу кое-какие лекарства, чтобы он легче перенес тряску в пути.

Ребята задерживались. Эльмо решил натянуть матерчатый верх фургона и защитить Масло от снега. Ожидая их возвращения, я раскладывал пасьянс.

– Она очень красива, Костоправ, – неожиданно произнес Душелов. – Юная на вид. Свежая. Слепительная. Но сердце у нее – кремень. Хромой по сравнению с ней попросту щенок. Молись, чтобы никогда не попасться ей на глаза.

Душелов смотрел в окно. Подмывало расспросить его, но я никак не мог придумать хотя бы один вопрос. Проклятье! В тот раз я и в самом деле упустил свой шанс.

Какого цвета ее волосы? Глаза? Как она улыбается? Я ведь о ней ничего не знаю – и это не дает мне покоя.

Душелов встал и запахнул плащ.

– Даже если считать только подложенную Хромому свинью, игра стоила свеч, – сказал он. Возле двери остановился и пронзил меня взглядом. – Ты, Эльмо и Ворон. Выпейте за меня. Слышали?

Потом он ушел.

Через минуту приехал Эльмо. Мы перенесли Масло в фургон и направились к Мейстрикту. Но еще очень долго мои нервы не стоили ни гроша.

4

Шепот

Тот бой дал нам максимум результатов ценой минимума усилий. Я даже не припомню столь легкой победы и чтобы сражение разыгрывалось полностью по нашим нотам. Для мятежников оно стало серьезной неудачей.

Мы срочно покидали провинцию Клин, где оборона Госпожи рухнула без преувеличения в одночасье. Вместе с нами спасались бегством от пятисот до шестисот солдат регулярной армии – остатки разбитых подразделений. Чтобы выиграть время, Капитан выбрал прямую дорогу на Лорды через Облачный лес, а не более длинную, огибающую лес с юга.

Нас преследовал, отставая на день или два, батальон регулярной армии мятежников. Мы могли бы развернуться и прихлопнуть его, но Капитан решил смыться. Мне понравился ход его мыслей. Сражения под Розами оказались жестокими, погибли тысячи, а к Отряду присоединилось так много беспомощных новичков, что я терял раненых, не успевая оказывать им помощь.

Нам было приказано прибыть в Лорды и поступить в распоряжение Крадущегося в Ночи. Душелов полагал, что Лорды станут целью для следующего удара мятежников. Мы уже очень устали, но ожидали еще нескольких жестоких сражений до прихода морозов, которые замедлят поступь войны.

– Костоправ! Глянь-ка сюда! – К тому месту, где сидели я, Капитан, Молчун и еще несколько наших, мчался Блондин, перебросив через плечо обнаженную женщину.

Ее даже можно было бы назвать привлекательной, не будь она изнасилована до полусмерти.

– Неплохо, Блондин, неплохо, – отозвался я и вновь склонился над рукописью.

Там, откуда прибежал Блондин, все еще слышались вопли и улюлюканье – солдаты пожинали плоды победы.

– Просто варвары, – беззлобно заметил Капитан.

– Иногда нужно спускать их с привязи, – напомнил я. – И лучше здесь, чем в Лордах.

Капитан неохотно согласился. Он с трудом переносил грабежи и насилие, хотя они и неотъемлемы от нашей профессии. Он мне казался тайным романтиком, по крайней мере, когда дело касается женщин. Я попробовал его приободрить:

– Они сами напросились, взяв в руки оружие.

– Сколько все это уже тянется, Костоправ? – мрачно спросил он. – Целую вечность, верно? Ты хоть способен вспомнить то время, когда не был солдатом? Какой смысл в войне? Почему мы вообще здесь? Продолжаем выигрывать бои, но Госпожа проигрывает войну. Почему бы не плюнуть на всю эту бодягу и не отправиться по домам?

Отчасти он был прав. Начиная с Форсберга одно отступление за другим, пусть мы и делали свое дело хорошо. Клин был в полной безопасности, пока на сцену не вышли Меняющийся и Хромой.

Во время последнего отступления мы и наткнулись на эту базу мятежников. Похоже, она служила главным учебным и штабным центром в кампании против Крадущегося. К счастью, мы заметили мятежников раньше, чем они нас. Мы окружили лагерь и перед рассветом атаковали. У них было огромное численное превосходство, но сопротивления мы почти не встретили – большинство врагов были зелеными новобранцами. Больше всего нас поразило наличие в лагере полка амазонок.

Конечно, мы слышали о них и раньше. Несколько женских отрядов имелось и на востоке, в окрестностях Ржи, где велись более жестокие бои, чем здесь. После одного из них в Отряде

стали относиться к женщинам-воинам с пренебрежением, хотя они сражались лучше своих соотечественников-мужчин.

В нашу сторону поползли облака дыма – солдаты жгли казармы и здание штаба. Капитан пробормотал:

– Костоправ, пойди проследи, чтобы эти дурни не подпалили лес.

Я встал, подхватил свою сумку и пошел на шум.

Повсюду валялись тела. Мятежники, должно быть, чувствовали себя в полной безопасности, потому что даже не окружили лагерь частоколом или рвом. Тупицы. Первым делом надо обеспечить оборону, даже если знаешь, что на сто миль вокруг нет ни единого врага. Крышу над головой сооружают потом. Лучше промокнуть, чем лечь в землю.

Пора мне привыкнуть к подобному зрелищу. Я уже давно с Отрядом, и последствия сражений тревожат меня меньше, чем следовало бы: я прикрыл уязвимые места моей морали пластинами брони. Но по сей день мой взгляд избегает самых худших картин.

Ты – тот, кто сменил меня и теперь пишет эти Анналы, – уже понял, что у старины Костоправа не хватало смелости записывать всю правду о нашей шайке мерзавцев. Ты знаешь, что они злобны, жестоки и невежественны. Это откровенные варвары, воплощающие в жизнь свои самые свирепые фантазии, и их поведение лишь незначительно смягчается присутствием нескольких достойных людей. Я редко отображаю сию особенность Отряда, потому что эти люди – мои братья, моя семья, а в детстве меня приучили не говорить скверно о родне. Старые уроки забываются трудно.

Ворон смеется, читая мои записи. Он называет их «сиропчиком со специями», грозитя взять Анналы в свои руки, чтобы описывать происходящее, каким оно виделось ему.

Суров Ворон. Насмехается надо мной. Но кто это носится по разгромленному лагерю и вмешивается всякий раз, когда у солдат возникает желание развлечься пытками?

Кто возит за собой десятилетнюю девочку на старом смирном муле? Не Костоправ, братья. Не Костоправ. Костоправ не романтик. Душевные порывы закреплены за Капитаном и Вороном.

Естественно, Ворон стал лучшим другом Капитана. Они частенько рядом, словно два валуна, и ведут такие же беседы, какие вели бы два валуна. Их интересуется лишь компания друг друга.

Эльмо возглавляет поджигателей – наших братьев не слишком юного возраста, успевших удовлетворить голод по женской плоти. Те, кто еще сильничает повсюду плененных дам, – по большей части наше молодое пополнение.

Под Розами мы славно намяли мятежникам холку, но враг оказался слишком силен. Тогда против нас выступила половина Круга Восемнадцати, а на нашей стороне были лишь Хромой и Меняющий. Эта парочка потратила куда больше времени на взаимный саботаж, чем на противостояние Кругу. В результате разгром – самое унижительное поражение Госпожи за последние десять лет.

Как правило, Круг сохраняет сплоченность. И мятежники не тратят на междоусобную грызню больше энергии, чем на борьбу с общим врагом.

– Эй, Костоправ! – позвал Одноглазый. – Повеселись с нами!

Он швырнул горящий факел в распахнутую дверь казармы. Здание мгновенно взорвалось, тяжелые дубовые ставни снесло с окон. Язык пламени окутал Одноглазого, он отскочил. Курчавые волосы под полями его дурацкой широкой шляпы затлели. Я повалил Одноглазого на землю и, беспощадно шлепая по голове одолженной у него же шляпой, спас ему шевелюру.

– Ладно-ладно, – проворчал он. – Всего ни к чему так усердствовать.

Невольно улыбнувшись, я помог ему подняться:

– Ты цел?

– Слегка обжегся, – признался он, напуская на себя фальшивую величавость, что при-
суща котам, совершившим какую-нибудь выдающуюся глупость.

Нечто вроде: «Именно это я и собирался сделать давным-давно».

Пожар ревел, взметая с крыши горящую солому.

– Капитан послал меня проследить, чтобы вы, дурни, не устроили лесной пожар, – сооб-
щил я.

Тут из-за угла горящего дома вышел Гоблин, и его широкий рот растянулся в ехидной
ухмылке.

Одноглазый завопил:

– Ага, червивые твои мозги! Так это ты подстроил мне пакость!

И с душераздирающим воплем он пустился в пляс. Пламя заревело еще басовитей, у
танца огненных языков появился ритм. Вскоре я разглядел фигуру, скачущую в пламени за
окном.

Гоблин тоже ее увидел. Его ухмылка исчезла, он сглотнул, смертельно побледнел и сам
принялся плясать. Теперь оба колдуна завывали и вопили, полностью игнорируя друг друга.

Конская поилка извергла свое содержимое, она описала в воздухе дугу и обрушилась на
пламя. Следом взвилась вода из бочки. Рев пожара поутих.

Одноглазый подскочил к Гоблину – и давай тыкать в него пальцем, мешая сосредото-
читься. Тот отмахивался, уклонялся и взвизгивал, не прерывая танца. В пламя выплеснулась
новая порция воды.

– Какая парочка!

Я обернулся. Подошедший Эльмо любовался представлением.

– Твоя правда, – согласился я.

Вопящие и дерущиеся, Гоблин и Одноглазый словно пародировали своих собратьев по
ремеслу более высокого пошиба. Их вражда не годилась в подметки непримиримой ненависти,
которую испытывали друг к другу Меняющий и Хромой. Если копнуть поглубже, легко уви-
деть, что Одноглазый и Гоблин друзья. Среди Взятых же друзей нет.

– Хочу тебе кое-что показать, – произнес Эльмо.

Я знал, что пояснений ждать бесполезно, поэтому кивнул и пошел за ним.

Гоблин и Одноглазый продолжали дуэль. Вроде Гоблин брал верх. Пожар меня больше
не беспокоил.

– Ты понимаешь северянские закорючки? – спросил Эльмо.

Он привел меня в штаб мятежников. Там его подчиненные навалили кучу бумаг – явно
для растопки очередного пожара.

– Как-нибудь разберусь.

– Может, найдется что-нибудь полезное в этом хламе.

Я наугад вытянул из кучи лист. Это оказалась копия приказа одному из батальонов армии
мятежников: тайно проникнуть в Лорды, укрыться в домах сочувствующих горожан и, дождав-
шись сигнала, напасть на защитников города изнутри. Приказ был подписан именем Шепот,
и к нему прилагался список адресов.

– Еще как найдется! – У меня аж дух захватило – одна эта бумага раскрывала полдюжины
тайн мятежников и намекала еще на несколько. – Еще как! – повторил я, хватая следующий
лист.

Как и первый, то был приказ очередному отряду. Как и первый, он проливал свет на
стратегию мятежников.

– Позови Капитана, – велел я Эльмо. – Прихвати Гоблина, Одноглазого, Лейтенанта и
всех, кому здесь следует находиться...

Должно быть, вид у меня был зловещий, потому что на лице Эльмо появилось необычно
нервное выражение.

– Да что это за чертовщина, Костоправ?

– Вся кухня кампании против Лордов. Полный распорядок сражения. – Но кое-что я приберег напоследок – это покажу только Капитану. – Поторопись, – возможно, дорога каждая минута. И не позволяй никому жечь такие бумаги. Ради всего святого, останови погром. Мы наткнулись на золотую жилу, не дай ей улететь в небо дымом.

Эльмо выбежал, хлопнув дверью. Его крики быстро стихли в отдалении. Хороший сержант. Он не стал тратить время на вопросы. Покряхтывая, я уселся на пол перед грудой бумаг.

Скрипнула дверь, но я даже не поднял головы. Я азартно хватал документы, быстро проглядывал и сортировал, раскладывая на стопки. Краем глаза заметил заляпанные грязью сапоги.

– Ворон, ты можешь это читать?

– Читать? Да.

– Так помоги разобраться.

Ворон уселся напротив меня. Нас разделяла гора бумаг, до того высокая, что мы едва видели друг друга. Возле Ворона расположилась Душечка – так, чтобы ему не мешать, но в то же время находиться под его защитой. В ее глазах еще отражался ужас, пережитый в далекой деревне.

Ворон в некотором роде эталонный образец воина Отряда. Разница между ним и остальными заключается в том, что он во всем чуточку нас превосходит. Возможно, будучи новичком и единственным братом с севера, он символизирует нашу службу Госпоже. Его моральные муки стали нашими моральными муками. Его молчаливый отказ рыдать и бить себя в грудь при неудачах соответствует нашим обычаям. Мы предпочитаем говорить металлическим голосом своего оружия.

Впрочем, достаточно. К чему эти попытки найти смысл в происходящем? Эльмо наткнулся на месторождение золота, а мы с Вороном просеиваем породу, ищем самородки.

К нам ввалились Гоблин и Одноглазый. Никто из них документы читать не мог, и они принялись развлекаться, породив бесформенные тени и заставив их гоняться друг за другом по стенам. Ворон пронзил колдунов злобным взглядом. Когда ты занят делом, бесконечная пикировка и потешная борьба этой парочки здорово раздражают.

Колдуны посмотрели на Ворона, прекратили дурачиться и тихо уселись в углу, словно нашалившие ребятишки. Есть у Ворона такое умение, такая личностная энергия, что заставляет людей более опасных, чем он сам, вздрагивать, как под порывами ледяного ветра.

Капитан пришел вместе с Эльмо и Молчуном. Через распахнутую дверь я разглядел, что вокруг бывшего штаба ошиваются несколько солдат. И как они ухитряются пронюхать, что назревают важные события?

– Так что ты здесь раскопал, Костоправ? – спросил капитан.

Предположив, что по дороге он вытянул из Эльмо все, что тот знал, я обошелся без предисловий.

– Это приказы. – Я похлопал по стопке. – А это донесения. – Я похлопал по другой. – Все их подписала Шепот. Мы сейчас дергаем морковку в ее личном огороде. – От волнения я даже заговорил фальцетом.

Некоторое время все молчали, лишь Гоблин пискнул пару раз, когда в штаб ввалились Леденец и остальные сержанты. Наконец Капитан уточнил у Ворона:

– Это так?

Ворон кивнул:

– Судя по документам, она периодически навещалась сюда еще с ранней весны.

Капитан заложил руки за спину и принялся расхаживать – ни дать ни взять старый монах, бредущий на вечернюю молитву.

Шепот – лучший генерал мятежников. Ее упрямый гений сумел удержать восточный фронт, несмотря на все усилия Десяти. Она имеет репутацию самого опасного члена Круга Восемнадцати. Славится тщательностью, с какой планирует все кампании. В войне, которая зачастую напоминает хаотическое брожение вооруженных масс, ее войска выделяются четкой организацией, дисциплиной и ясностью целей.

– Вроде это она командовала армией мятежников под Ржой? – пробормотал Капитан.

Битва за Ржу случилась три года назад. Говорят, сотни квадратных миль вокруг города были полностью разорены и к концу зимы противникам, чтобы выжить, пришлось есть собственных мертвецов.

Я кивнул. Вопрос был риторическим, Капитан всего лишь размышлял вслух.

– И Ржа на несколько лет стала полем боя. Шепот упорно держала фронт, а Госпожа не отказывалась от своих намерений. Но если Шепот прибыла сюда, значит Круг решил сдать Ржу.

– И это означает, что они переключились с восточной стратегии на северную, – добавил я.

Север – слабый фланг Госпожи. Восток уже повержен, а южными морями правят ее союзники. С тех пор как границы империи достигли великих лесов за Форсбергом, она обращала мало внимания на север, и именно там мятежникам удалось добиться наиболее впечатляющих успехов.

– Они уже набрали высокий темп, – заметил Лейтенант, – взяв Форсберг, выбив нас из Клина, захватив Розы и осадив Рожь. Регулярные части мятежников направляются к Висту и Тетке. Их остановят, но Кругу это наверняка известно. Поэтому он теперь пляшет на другой ноге и движется к Лордам. Если город падет, Круг почти достигнет границ Ветреного края. Осталось пересечь Ветренный край, подняться по Лестнице Слез, и с вершины перевала противник всего в ста милях увидит Чары.

– Эльмо, – попросил я, не отрываясь от просмотра бумаг, – пошарил бы ты вокруг. Она могла кое-что спрятать.

– Пусть этим займутся Одноглазый, Гоблин и Молчун, – предложил Ворон. – У них больше шансов обнаружить тайник.

Капитан одобрил его идею и повернулся к Лейтенанту:

– Всю суету в лагере прекратить. Карп, вы с Леденцом готовьте людей к маршу. Огниво, удвоить посты на периметре.

– Почему? – спросил Леденец.

– Ты ведь не хочешь торчать здесь, когда вернется Шепот? Гоблин, свяжись с Душеловом. Эти новости пойдут вверх. Немедленно.

Гоблин скорчил жуткую рожу, потом уселся в углу и забормотал под нос. Это было тихое, скромное колдовство – поначалу.

– Костоправ! – гаркнул Капитан. – Вы с Вороном, когда закончите, упакуйте документы. Прихватим их с собой.

– Я бы приберег самые ценные для Душелова, – сказал я. – Если мы хотим извлечь из них какую-то пользу, надо действовать, не дожидаясь, когда Шепот узнает о захвате своих бумаг.

– Верно, – согласился Капитан. – Я пришлю фургон. И не теряйте зря времени. – Он вышел.

Мне показалось или в самом деле у него прибавилось седины?

В доносящихся с улицы воплях слышался ужас. Я вытянул онемевшие ноги, встал и подошел к двери. Солдаты сгоняли мятежников на плац. Пленники заметили наше внезапное желание смыться и решили, что им суждено умереть за миг до прихода своих.

Покачивая головой, я вернулся к бумагам. Ворон устремил на меня взгляд, возможно означавший, что он разделяет мою боль. С другой стороны, не исключено, что он осуждал мою слабость. Трудно сказать наверняка, когда имеешь дело с Вороном.

В дверь протиснулся Одноглазый, протопал к нам и бросил на пол охапку вещей, обернутых промасленной тканью. К ней еще липли влажные комочки земли.

– Ты оказался прав. Мы откопали это за ее домиком.

Гоблин издал долгий пронзительный вопль, леденящий душу не слабее свиного крика в полуночном лесу. Одноглазый тут же бросился к нему. В такие моменты я сомневаюсь в искренности их вражды.

– Он в Башне, – простонал Гоблин. – Он с Госпожой. Я вижу ее его глазами... его глазами... его глазами... Мрак! О боже, мрак! Нет! О боже, нет! – То был крик откровенного ужаса, тут же стихший до шепота: – Око. Я вижу Око. Оно смотрит прямо сквозь меня.

Мы с Вороном обменялись хмурыми взглядами и пожали плечами. Никто из нас не понял, о чем бормочет Гоблин. Теперь он говорил так, словно впал в детство:

– Пусть она прекратит на меня смотреть!.. Не надо!.. Я буду себя хорошо вести. Пусть ответит взгляд...

– Успокойся, – бормотал Одноглазый, стоя на коленях возле Гоблина. – Это не настоящее. Все будет хорошо.

Мы с Вороном снова переглянулись. Ворон повернулся к Душечке и зажестикнул.

– Посылаю ее за Капитаном, – пояснил он.

Душечка неохотно вышла. Ворон взял из кучи очередной лист и стал читать. Этот человек холоден как камень.

Гоблин еще немного поистерил, потом затих, словно умер. Я резко обернулся к нему. Одноглазый поднял руку, показывая, что моя помощь не требуется. Гоблин завершил прием послания.

Колдун расслабился, с лица сошло выражение ужаса, щеки порозовели. Я опустился на колени, пощупал артерию на его шее. Сердце колотилось, но пульс постепенно замедлялся.

– Удивляюсь, как он не умер, – буркнул я. – Ему когда-нибудь уже было так плохо?

– Нет. – Одноглазый выпустил запястье Гоблина. – Впредь неплохо бы найти ему замену.

– А что, разве это прогрессирует? – Мое ремесло чем-то сродни промыслу колдунов.

– Нет. Нужно будет поддерживать его некоторое время, чтобы не сломался. Похоже, он нарвался на Душелова, когда тот находился в Башне. Такое приключение кого послабее свело бы с ума.

– Надо же, побывал у Госпожи! – прошептал я, не в силах скрыть волнение.

Гоблин видел помещения Башни! Он мог даже лицезреть Госпожу! Только Десять Взятых бывают там. Людская молва описывает интерьер Башни в бесчисленных зловещих подробностях. Но все это лишь плоды фантазии, а у меня есть живой свидетель!

– Оставь его в покое, Костоправ, – решительно потребовал Одноглазый. – Он все расскажет, когда придет в себя.

Они посмеиваются над моими грезами и говорят в лицо, что я влюбился в призрака. Возможно, они правы. Иногда мой интерес к Госпоже пугает даже меня, потому что он очень похож на навязчивую идею.

Ненадолго я даже позабыл о своих обязанностях, и Гоблин перестал для меня быть человеком, братом и старым другом, превратившись в источник информации. Устыдившись, я вернулся к документам.

Душечка, сама целеустремленность, привела за руку удивленного Капитана.

– Ага, он установил связь, – догадался Капитан, всматриваясь в Гоблина. – Уже что-нибудь сказал? Нет? Разбуди его, Одноглазый.

Одноглазый было запротестовал, но передумал и легонько потряс Гоблина. Тот не пробуждался – его сон был близок к трансу.

– Досталось ему? – спросил Капитан.

Я все рассказал. Он хмыкнул:

– Сюда уже едет фургон. Пусть один из вас займется упаковкой документов.
Я принялся выпрямлять стопки бумаг.

– Когда я говорил про одного из вас, Костоправ, то имел в виду Ворона. А ты следи за Гоблином и будь готов помочь. Что-то паршиво он выглядит.

Колдун вновь побледнел, его дыхание стало мелким и частым, с хрипами.

– Шлепни его, Одноглазый, – посоветовал я. – Ему, наверное, кажется, что он все еще там.

Оплеуха возымела действие – Гоблин распахнул полные ужаса глаза. Узнав Одноглазого, он вздрогнул, глубоко вдохнул и пропищал:

– И меня заставили вернуться к нему? После всего, что я пережил?

Впрочем, возмущался он фальшиво – в голосе было столько облегчения, хоть режь ножом на кусочки.

– Раз способен ругаться, с ним все в порядке, – решил я.

Капитан присел рядом с колдуном на корточки, но расспрашивать не стал. Гоблин сам заговорит, когда оклемается.

Несколько минут тот приходил в себя, потом сообщил:

– Душелов велел сматываться отсюда, и быстро. Он встретит нас на дороге к Лордам.

– И это все?

Гоблину нечего было добавить, но Капитан все еще надеялся на большее. Если учесть, что пришлось пережить колдуну, то игра явно не стоила свеч.

Я не сводил с Гоблина глаз – искушение было чертовски сильным.

– Потом, Костоправ, – сказал он, встретив мой взгляд. – Мне нужно немного времени, чтобы в голове все улеглось.

Я кивнул:

– Травяной чай пойдет тебе на пользу.

– О нет! В рот больше не возьму крысиную мочу, что варит Одноглазый.

– Это другой чай, по моему рецепту.

Я отмерил порцию смеси сушеных трав на пинту крепкого настоя, отдал заварить Одноглазому, закрыл свою сумку и занялся документами – на улице уже скрипели колеса.

Перетаскивая в фургон первую охапку бумаг, я увидел, что солдаты на плацу закалывают пленных. Капитан решил не рисковать. Он хотел, чтобы нас отделяло от лагеря, когда в нем появится Шепот, максимально возможное расстояние.

Не могу сказать, что я его в чем-то виню. У него и так отвратительная репутация.

До вещей, обернутых промасленной тканью, я добрался, лишь когда мы тронулись в путь. Я уселся рядом с возницей и принялся читать, тщетно пытаясь не замечать свирепой тряски лишенного рессор фургона.

Все, что оказалось в пакетах, я прочел дважды, и мое смятение лишь усугубилось.

Воистину дилемма. Стоит ли рассказать Капитану о моем открытии? А Одноглазому или Ворону? Каждого из них оно наверняка заинтересует. Или приберечь все для Душелова? Нет сомнений, тот предпочел бы именно такой вариант. Но возникает вопрос: укладываются или не укладываются эти сведения в рамки моих обязательств перед Отрядом? Мне требовался советчик.

Я спрыгнул с козел и постоял, пропуская колонну, пока не увидел Молчуна. Он охранял нас, находясь посередине, Одноглазый двигался спереди, а Гоблин – сзади. Каждый из них стоил взвода дозорных.

Молчун зыркнул на меня сверху, с крупного черного коня, на котором он ездил, когда пребывал в паршивом настроении, и нахмурился. Эпитет «злой» подходит для него лучше, чем для остальных наших колдунов, хотя, как и у многих из нас, злой нрав – больше образ, чем реальность.

– Есть проблема, – пояснил я, – и серьезная. А ты самый подходящий советчик. – Я огляделся. – Но это не для чужих ушей.

Молчун кивнул и сделал несколько сложных и плавных пассов – так быстро, что не уследить. Внезапно я перестал слышать все, что издавало звуки далее пяти футов от меня. Просто поразительно, как много звуков человек не замечает, пока они не исчезнут.

Я рассказал о своем открытии.

Молчуна трудно потрясти – он все на свете видел и слышал. Но в этот раз я сумел удивить его по-настоящему. На мгновение даже показалось, что он сейчас заговорит.

– Сообщить обо всем Душелову?

Энергичный кивок. Прекрасно. Я и не сомневался: новость Отряду не по зубам. Она сама нас слопает, если побережем ее для себя.

– А как насчет Капитана? Одноглазого? Или кого другого?

На сей раз он отреагировал не столь быстро и решительно, но все же отрицательно мотнул головой. Задав пару вопросов и призвав на помощь интуицию, основанную на жизненном опыте, я понял: Молчун чувствует, что Душелов захочет довести информацию лишь до тех, кому ее следует знать.

– Вот и хорошо, спасибо. – И я легкой рысцой побежал к голове колонны.

По дороге спросил одного из наших:

– Ворона не видел?

– Впереди, с Капитаном.

Как и следовало ожидать. Я побежал дальше.

После краткого размышления я решил подстраховаться, а лучшей страховки, чем Ворон, и представить было нельзя.

– Ты читаешь на каком-нибудь из древних языков? – спросил я его.

С ним было трудно разговаривать: он и Капитан ехали на лошадях, а рядом на муле покачивалась Душечка. Когда я приблизился, мул решил наступить мне на ногу.

– Немного. У меня ведь классическое образование. А почему ты спрашиваешь?

Я счел за лучшее двигаться на несколько шагов впереди.

– Если не образумишься, у нас на обед будет рагу из мула! – заявил я зловредной скотине, на что она издевательски ослабилась, хотите верьте, хотите нет. Я повернулся к Ворону. – Среди документов есть старинные – те, что откопал Одноглазый.

– Коли так, в них нет ничего важного.

Я пожал плечами и, шагая рядом с его лошастью, заговорил, тщательно подбирая слова:

– Разве заранее узнаешь? У Госпожи и Десятерых очень древняя история.

Я с воплем отскочил, развернулся и побежал обратно, прижимая ладонь к плечу, укушенному проклятым мулом. У мерзавца был совершенно невинный вид, зато Душечка хитро улыбалась.

Ее улыбка, пожалуй, стоила моей боли – такая редкость.

Я прошел вдоль колонны назад, и когда поравнялся с Эльмо, тот спросил:

– Что-то случилось, Костоправ?

– А? Да нет.

– У тебя вид испуганный.

А я действительно испугался. Я чуть приподнял крышку ларца – просто из любопытства – и обнаружил, что он наполнен злом. Прочитанное из головы уже не выкинуть.

Когда я позднее увидел Ворона, лицо у него было таким же серым, как у меня. А может, и хуже. Я пошел с ним рядом, и он вкратце пересказал узнанное из документов, которые мне не удалось прочитать.

– Некоторые из них принадлежали магу Боманцу, – сообщил он. – Другие датированы эпохой Владычества. Есть и написанные на теллекурре. Сейчас этим языком пользуются только Взятые.

– Боманц? – переспросил я.

– Тот самый, что разбудил Госпожу. Шепот каким-то образом раздобыла его секретные бумаги.

– Ого!

– Вот именно – ого.

Мы разошлись, и каждый остался наедине со своими страхами.

Душелов появился незаметно. Кроме неизменной кожи, на нем была одежда, чем-то напоминающая нашу. Никто не понял, как он оказался в колонне и сколько времени шагал вместе с нами, – сам я узнал о его присутствии, когда мы вышли из леса. После трех дней напряженного марша, по восемнадцать часов в сутки, я с трудом передвигал ноги и бормотал под нос, что старею. И вдруг мягкий женский голос поинтересовался:

– Как дела, лекарь?

Будь у меня побольше сил, я бы, наверное, с воплем подпрыгнул футов на десять. Но я настолько выдохся, что лишь сделал очередной шаг, как-то ухитрился повернуть голову и апатично пролепетал:

– Объявился наконец?

Волна облегчения накатит позже, а тогда мои мысли шевелились не быстрее, чем ноги. Такое долгое бегство плохо сказывается на выработке адреналина. Мир словно лишается внезапных потрясений и страстей.

Душелов пошел рядом со мной, не обгоняя и время от времени поглядывая в мою сторону. Его лица я рассмотреть не мог, зато ощущал исходившее от Взятого веселье.

Тут нахлынуло облегчение, а следом за ним – изумление собственной наглостью. Меня словно молнией шарахнуло, ведь я ответил Душелову, как любому из наших парней.

– Почему бы нам не взглянуть на эти документы? – Настроение у Душелова было откровенно бодрое.

Я привел его к фургону, мы залезли внутрь. Возница выпучил на нас глаза, но тотчас устался вперед, дрожа всем телом и пытаясь стать глухим.

Я сразу передал Душелову добытые документы и попробовал улизнуть.

– Останься, – велел он. – Им пока незачем знать. – Ощувив мой страх, он по-девчоночьи хихикнул. – Ты в безопасности, Костоправ. Более того, Госпожа просила поблагодарить тебя от ее имени. – Он вновь рассмеялся. – Она хочет знать все о твоей персоне. Все как есть. Ты тоже завладел ее воображением.

Страх снова шарахнул меня молотом по голове. Никто не хочет привлечь внимание Госпожи. Душелов наслаждался моим замешательством.

– Может быть, она даже пожелает с тобой побеседовать. О, как ты побледнел! Впрочем, никто не заставляет. Ладно, за работу.

Мне еще не доводилось видеть такого быстрого чтения. Он буквально проглотил все тексты – и новые, и старые.

– Ты не смог прочесть их все, – сказал Душелов своим деловым женским голосом.

– Не смог.

– И я тоже. Некоторые способна расшифровать лишь Госпожа.

Странно, подумал я. Я ожидал большего энтузиазма. Захват документов – изрядная удача для Душелова, потому что именно он предусмотрительно нанял на службу Черный Отряд.

– Что тебе удалось понять?

Я рассказал о вражеском плане прорыва через Лорды и о том, что означает присутствие Шепот. Душелов усмехнулся:

– Документы из тайника, Костоправ. Расскажи о них.

Я вспотел. Чем мягче и вкрадчивее говорил Душелов, тем сильнее я чувствовал, что следует его опасаться.

– Старый колдун. Тот, кто пробудил всех вас. Некоторые из бумаг – его.

Проклятье! Еще не договорив, я понял, что надо было держать язык за зубами. В Отряде только Ворон мог опознать бумаги Боманца. Душелов усмехнулся и по-дружески хлопнул меня по плечу:

– Я так и думал, Костоправ. Уверенности не было, но я так и думал. Вряд ли ты удержался бы и не шепнул Ворону.

Я на это ничего не ответил. Что толку отпираться?

– У тебя не было другого способа это выяснить. Ты сказал Ворону, что упомянуто истинное имя Хромого, и ему осталось лишь прочесть все, что представлялось возможным. Верно?

Я и на сей раз промолчал. Душелов прав, хотя мотивы мои были не до конца братскими. Ворон сводит свои счета, но ведь Хромой желает смерти всем нам.

Разумеется, наиболее ревностно охраняемый секрет каждого волшебника – его истинное имя. Любой враг, вооружившись этим знанием, способен поразить Взятого магией в самое сердце или обмануть иллюзией.

– Костоправ, ты можешь лишь догадываться о подлинном значении вашей находки. Впрочем, оно и мне неизвестно. Но последствия вполне предсказуемы – крупнейшая катастрофа для армии мятежников, смятение и разлад среди Десяти. – Он снова хлопнул меня по плечу. – Ты сделал меня вторым по могуществу в империи. Госпожа знает все наши истинные имена. Теперь мне известны три других, к тому же я получил обратно свое.

Неудивительно, что он столь разговорчив. Душелов уклонился от стрелы, даже не ведая, что та летит, и вдобавок за здорово живешь получил шанс схватить Хромого за горло. Дошел, так сказать, до конца радуги и наткнулся на горшочек, полный власти.

– Но Шепот...

– Ей придется исчезнуть. – Он произнес это низким и холодным голосом. То был голос убийцы, привыкшего выносить смертные приговоры. – Она должна умереть как можно быстрее. В противном случае мы ничего не достигнем.

– А если она успела кому-нибудь рассказать?

– Не рассказала, уж я-то ее знаю. До того как Госпожа послала меня в Берилл, я сражался с Шепот у Ржи и в Вире. Я преследовал ее среди говорящих менгиров на равнине Страха. Она гений, но гений-одиночка. Если бы Шепот жила в Первую эру, Властелин приблизил бы ее к себе. Она служит Белой Розе, но сердце у нее черное, как ночь в аду.

– Я сказал бы то же самое про весь Круг.

– Да, – рассмеялся Душелов. – Там одни лицемеры, но с Шепот не сравнится никто. Это просто невероятно, Костоправ. Как она ухитрилась раскрыть столько секретов? Как узнала мое имя? Я спрятал его идеально. Честное слово, я ею восхищен. Такой талант! Такая смелость! Удар через Лорды, поход через Ветренный край и подъем на Лестницу Слез. Невероятно! И ведь у нее все могло получиться, если бы не Черный Отряд. И если бы не ты. Чистая случайность... Ты будешь вознагражден, гарантирую. Но хватит об этом. Мне пора заняться делом. Крадущийся нуждается в этих сведениях, а Госпожа должна увидеть бумаги.

– Надеюсь, что вы правы, – проворчал я. – Нельзя без передышки пинать вражьи задницы. Я вымотался. Мы бродим и деремся уже целый год.

– Идиотские слова, Костоправ.

Я ощутил, как нахмурилось лицо под черным морионом. А сколько блуждает и сражается сам Душелов? Вечность.

– Можешь идти, – бросил он. – С тобой и с Вороном я поговорю потом.
Ледяной голос. Я поспешил скрыться с глаз Душелова.

Когда мы добрались до Лордов, там все уже закончилось. Крадущийся двигался быстро и разил сильно. Куда бы мы ни пошли, повсюду натыкались на мятежников, висящих на деревьях или фонарях. Отряд расположился в казармах, ожидая спокойную скучную зиму и весеннее преследование остатков неприятельской армии до дремучих северных лесов.

Ах, как сладка была иллюзия, пока не кончилась.

– Тонк! – воскликнул я, раскрывая пять карт-картинок, доставшихся мне после раздачи. – Ха! Двойной выигрыш, парни. Двойной! Гоните денежки.

Одноглазый, ворча, толкнул ко мне через стол монеты. Ворон усмехнулся. Даже Гоблин изобразил что-то вроде улыбки. Одноглазый с самого утра не выиграл ни единой партии, даже когда мухлевал.

– Спасибо, господа, спасибо. Сдавай, Одноглазый.

– Ну как ты это проделываешь, Костоправ? Как?

– У него рука быстрее глаза, – предположил Эльмо.

– Все дело в честной жизни, Одноглазый. Запомни: жить надо по правде.

В дверь протиснулся хмурый Лейтенант:

– Ворон, Костоправ, вы нужны Капитану. Живо, живо! – Он обвел взглядом несколько столов с картежниками. – Дегенераты.

Одноглазый фыркнул, затем едва заметно улыбнулся. Пожалуй, никто не играл в карты хуже, чем Лейтенант.

Я взглянул на Ворона. Капитан – его приятель, потому простит задержку. Но Ворон пожал плечами и бросил карты на стол. Я рассовал выигрыш по карманам и отправился следом за Вороном в комнату начальства.

Там был Душелов. Мы не видели его после той встречи на опушке леса, и я надеялся, что он слишком занят, чтобы возвращаться к нам. Я посмотрел на Капитана и попытался по выражению его лица угадать наше будущее. Радости на этом лице я не заметил.

А если Капитан не радуется, то и мне веселиться не резон.

– Садитесь.

Нас поджидали два стула. Капитан прошелся по комнате, о чем-то думая, и наконец сообщил:

– Мы получили приказ – прямо из Чар – перебраться в другое место. Вместе со всей бригадой Крадущегося. – Он махнул в сторону Душелова, передавая слово ему.

Тот словно и не заметил, погружившись в свои мысли. Наконец еле слышно спросил:

– Ты хорошо управляешься с луком, Ворон?

– Средне. Не чемпион.

– Намного лучше, чем средне, – возразил Капитан. – Чертовски хорошо.

– А ты, Костоправ?

– Когда-то стрелял неплохо. Но уже несколько лет не натягивал тетиву.

– Потренируйтесь.

Душелов тоже принялся расхаживать. Комнатка была маленькая, и я все опасался, что они с Капитаном столкнутся. Через минуту Душелов продолжил:

– За это время произошло многое. Мы пытались захватить Шепот в ее лагере, но не вышло. Она почуяла ловушку и улизнула в последний момент. Шепот все еще в тех краях, где-то прячется. Госпожа подтягивает туда войска со всех сторон.

Это объясняло сообщение Капитана. Но не стало понятно, почему я должен вспомнить искусство лучника.

– Насколько нам известно, – продолжал Душелов, – мятежники пока не знают о случившемся. Пока. У Шепот не хватило духу рассказать о своей неудаче. Она гордая женщина. Похоже, хочет сперва нам отомстить.

– Как? – спросил Ворон. – Ей не собрать даже взвода.

– Воспоминаниями. Сведениями из добытых вами бумаг. Вряд ли Госпожа знает, что они у нас. Шепот была вдалеке от своего штаба, когда Хромой невольно сделал нам подарок, а потом укрылась в лесу. И лишь мы четверо, не считая Госпожи, знаем про документы.

Мы с Вороном кивнули. Теперь понятна обеспокоенность Душелова. Когда Шепот узнала его истинное имя, он превратился в ходячую мишень.

– И что же требуется от нас? – с подозрением спросил Ворон.

Он опасался, что Душелов решил, будто мы сами расшифровали имена. Он даже предлагал мне убить Взятого раньше, чем тот убьет нас. Взятые не бессмертны, они уязвимы, но до них чертовски трудно добраться. Я никогда не испытывал даже малейшего желания рискнуть.

– У нас троих будет особая миссия.

Мы с Вороном переглянулись. Что он задумал?

– Капитан, соблаговолите на минуту выйти, – попросил Душелов.

Капитан с явной неохотой подчинился. Впрочем, его неудовольствие и шаркающая походка в подобных ситуациях искусственны. Полагаю, он не догадывается, что мы уже давно его раскусили, и продолжает изображать из себя медведя, надеясь на нужный эффект.

– Я не собираюсь заманить вас в укромное место и там прикончить, – заявил Душелов. – Нет, Ворон, я не думаю, что вы узнали мое истинное имя.

Жуть какая! Я невольно втянул голову в плечи. Ворон шевельнул рукой. В ней возник нож, которым он принялся чистить ногти, хотя они в этом вовсе не нуждались.

– Суть вот в чем: Шепот подкупила Хромого, после того как мы выставили его дураком в истории с Загребущим.

– И это объясняет события в Клине, – выпалил я. – Мы залатали прорехи, но в одночасье все опять развалилось. А в битве под Розами он вообще вел себя мерзко.

– Поражение под Розами – его вина, – согласился Ворон. – Но никто и не подумал о предательстве. Как-никак Хромой – один из Десяти.

– Верно, – подтвердил Душелов. – Его предательство многое объясняет. Но Клин и Розы уже в прошлом, а сейчас нас интересует будущее. Нужно избавиться от Шепот, не дожидаясь, когда она нанесет нам очередное поражение.

Ворон посмотрел на Душелова, затем на меня и вновь занялся бессмысленным маникюром. Я тоже не поверил Взятому. Мы, смертные, для них всего лишь игрушки и инструменты. Взятый способен выкопать из могилы кости своей бабушки, лишь бы угодить Госпоже.

– В этом наше преимущество перед Шепот, – сказал Душелов. – Она согласилась завтра встретиться с Хромым...

– Откуда такие сведения? – спросил Ворон.

– От Госпожи. Хромой не подозревает, что нам про него все известно, зато знает, что долго он не протянет. Вероятно, попробует договориться с Кругом, чтобы его защитили. Он понимает: если это не удастся, то он покойник. А Госпожа хочет, чтобы Хромой и Шепот умерли вместе, тогда Круг станет подозревать, что именно Шепот продалась Хромому, а не наоборот.

– Ничего не выйдет, – буркнул Ворон.

– Круг в это поверит.

– Значит, мы с Вороном должны прикончить обоих. Стрелами. А как, интересно, мы их найдем?

Уж самого-то Душелова там не будет, что бы он ни говорил. И Шепот, и Хромой ощутят его присутствие задолго до того, как он приблизится на выстрел.

– Скоро Хромой со своими войсками двинется через лес. Не зная, что его подозревают, он не станет прятаться от Ока Госпожи, полагая, что его маневры будут восприняты как поиск Шепот. Госпожа сообщит мне о его местонахождении. Я выведу вас на его след. Когда эти двое встретятся, вы их уложите.

– Ну конечно, – фыркнул Ворон. – Что может быть проще? Как на индюков охотиться. Он вышел, громко топая, но перед тем метнул нож – тот глубоко вонзился в оконную раму.

Я тоже был не в восторге от такого расклада. Смотрел на Душелова и две-три секунды мысленно спорил с собой, пока страх не побудил меня отправиться вслед за Вороном.

Уходя, я взглянул на Душелова – усталого, с поникшими плечами. Наверное, тяжело жить с подобной репутацией. Всем хочется, чтобы их любили.

Я записывал свою очередную фантазию о Госпоже, а Ворон методично посылал стрелу за стрелой в красную тряпку, приколотую к соломенному щиту. Сам я, тренируясь незадолго до него, с трудом попадал в щит, не говоря уже о тряпке. Казалось, Ворон просто не способен промахиваться.

На сей раз я размышлял о детстве Госпожи. Когда думаю о каком-нибудь злодее, непременно хочется заглянуть в его детство. Что за ниточки соединяют существо в Чарах с маленькой девочкой, которой когда-то была Госпожа? Возьмем детей. Практически все они сладки и нежны, как взбитый мед с маслом, их любят и берегут. Так откуда же берутся злобные взрослые? Проходя через нашу казарму, я все гадал: ну как смеющийся любопытный малыш мог превратиться в Стопаря, Весельчака или Молчуна?

Маленькие девочки вдвое драгоценнее и невиннее мальчиков. Мне не известен ни один народ, который относился бы к ним иначе.

Так откуда же взялась Госпожа? Или Шепот? Я сидел и записывал свои мысли по этому поводу.

Рядом со мной уселся Гоблин и прочитал только что написанное.

– Я с тобой не согласен, – заявил он. – Думаю, она с самого начала приняла сознательное решение стать такой, какова теперь.

Я медленно повернулся к нему, остро ощущая присутствие Душелова, – он стоял в нескольких шагах позади меня, наблюдая за стрельбой Ворона.

– Вообще-то, Гоблин, я сам сомневаюсь, что дело было именно так. Тут все... Словом, сам знаешь. Когда хочешь понять, подбираешь такие мысли, с которыми можешь справиться.

– Мы все так поступаем. В обычной жизни это называется «придумывать оправдания». Истинные мотивы слишком грубы, чтобы их обнажать. К тому времени, когда большинство людей достигает моего возраста, они успевают столь многократно и успешно навести глянец на свои побуждения, что теряют с ними всякую связь.

Мне на колени упала тень, и я поднял голову. Душелов вытянул руку, предлагая взять лук и сменить Ворона. Тот уже выдернул из щита свои стрелы и уступил мне место.

Три мои первые стрелы угодили в красную тряпку.

– Ну что ты на это скажешь? – спросил я, поворачиваясь к Ворону.

Душелов между тем прочитал мои фантазии и поднял голову:

– Нет, Костоправ! Все было совсем не так. Разве ты не знал, что она убила свою сестру-близнеца, когда ей было четырнадцать лет?

По моему хребту пробежались крысы с ледяными коготками. Я повернулся и выпустил стрелу. Она пролетела далеко от мишени. Я быстро выстрелил еще несколько раз, но лишь распугал в отдалении голубей.

Душелов взял у меня лук.

– У тебя нервы сдают, Костоправ. – Он быстро вогнал три стрелы подряд в круг менее дюйма в поперечнике. – Возьми себя в руки. Там напряжение будет куда сильнее. – Он про-

тянул мне лук. – Весь секрет в сосредоточенности. Считаю, что выполняешь хирургическую операцию.

Считать, что выполняю хирургическую операцию? Я ухитрился вытворять поразительные вещи прямо на поле боя. Все верно. Только тут все иначе.

Старое доброе оправдание. Да, но... тут все иначе.

Я успокоился и сосредоточился настолько, что сумел вогнать оставшиеся в колчане стрелы в щит. Выдернув их, уступил место Ворону.

Гоблин протянул мне бумагу и перо. Я раздраженно скомкал свою писанину.

– Тебе нужно что-нибудь для укрепления нервов? – осведомился он.

– Да. Железные опилки, или чем там питается Ворон. – Мое самоуважение изрядно пошатнулось.

– Попробуй это. – Гоблин протянул мне шестиконечную серебряную звезду на цепочке. В ее центре была изображена черная голова медузы.

– Амулет?

– Да. Нам кажется, завтра он тебе пригодится.

– Завтра? – А ведь никто не должен быть осведомлен о том, что предстоит нам завтра.

– У нас есть глаза, Костоправ. Это же Отряд. Может, мы не знаем, что произойдет, но догадываемся, если что-то затевается.

– Ну да, правильно. Спасибо, Гоблин.

– Мы изготовили его втроем – Одноглазый, Молчун и я.

– Спасибо. А как же Ворон? – Когда кто-то делает подобные жесты, я чувствую себя спокойнее, сменив тему разговора.

– Ворону амулет не нужен. Он сам себе амулет. Садись. Давай поговорим.

– Я ничего не могу тебе открыть.

– Понимаю. Но я подумал, ты захочешь узнать кое-что про Башню. – Он еще не рассказывал мне о своем визите туда, а я не расспрашивал – пусть решает сам.

– Хорошо, расскажи. – Я взглянул на Ворона.

Стрела за стрелой вонзались в тряпку.

– Ты разве не собираешься все записать?

– Ах да. – Я приготовил перо и бумагу. То, что я веду и храню Анналы, производит на всех огромное впечатление, ведь в этих хрониках единственная надежда каждого из братьев на бессмертие. – Рад, что не стал с ним спорить.

– С кем спорить?

– Ворон хотел пари: кто из нас стреляет лучше.

Гоблин фыркнул:

– Ты, я вижу, поумнел и больше не попадаешься в ловушки для простаков. Готовь перо. –

И он приступил к рассказу.

Колдун мало добавил к слухам, которые я успел собрать здесь и там. Он описал место, куда попал, – большую пустую комнату, мрачную и пыльную. Примерно так я и представлял Башню. Как и любой замок.

– Опиши ее внешность.

Это была самая интригующая часть головоломки. Я успел сотворить себе образ темно-волосой, вечно молодой красавицы, чья сексуальная привлекательность оглушает смертных не хуже удара булавы. Душелов говорил, что Госпожа прекрасна, но пока я не располагал мнением независимого наблюдателя.

– Не возьмусь это сделать. Не помню.

– Что значит «не помню»? Как ты можешь не помнить?

– Не кипятись, Костоправ. Я просто не помню. Она стояла передо мной, потом... потом я увидел лишь огромный желтый глаз, который с каждым мгновением увеличивался и смотрел

сквозь меня, и обнаруживал любые мои секреты. Вот и все, что я помню. Мне этот глаз до сих пор в кошмарах снится.

Я разочарованно вздохнул:

– Наверное, мне следовало такого ожидать. Знаешь, Госпожа сейчас может пройти мимо нас, но никто и не подумает, что это она.

– Полагаю, именно этого она и желает. Если ее планы рухнут и все вернется на круги своя, как было раньше, пока ты не нашел те бумаги, она просто уйдет. Только Взятые способны ее опознать, а уж с ними она как-нибудь разберется.

Сомневаюсь, что все будет настолько просто. Люди вроде Госпожи не способны видеть себя на второстепенных ролях. Низвергнутые короли все равно поступают как короли.

– Спасибо, Гоблин, что рассказал мне все.

– Не стоит благодарности. Рассказывать-то, по сути, нечего. Просто меня беспокоило, что я так долго откладываю наш разговор.

Ворон успел опустошить колчан и извлечь из мишени стрелы.

– Сходил бы ты да подбросил Одноглазому клопов в скатку или еще чем-нибудь полезным занялся, – посоветовал он Гоблину. – Нам предстоит серьезная работа. – Он явно нервничал из-за моей бестолковой стрельбы.

Мы вынуждены полагаться друг на друга. Если кто-нибудь из нас промахнется, то не исключено, что мы погибнем раньше, чем успеем выпустить по второй стреле. Но об этом мне совсем не хотелось думать.

Все же такие мысли заставили сосредоточиться, и на сей раз большинство моих стрел угодило в красную тряпку.

Мне было дьявольски трудно выполнить свою обязанность накануне нашего с Вороном путешествия в неизвестность, но Капитан не согласился нарушить трехсотлетнюю традицию. Он также не отреагировал на протесты по поводу возложенной на нас задачи и не захотел поделиться сведениями, которыми, несомненно, располагал. Я прекрасно понимал, чего именно Душелов добивается, но никак не мог сообразить, почему он выбрал меня и Ворона. И то, что его прикрывал Капитан, лишь еще больше все запутывало.

– Хочешь знать почему, Костоправ? – спросил он наконец. – Потому что я тебе приказываю, вот почему. А теперь выматывайся отсюда, иди читать.

Раз в месяц весь Отряд собирается вечером послушать летописца, и тот декламирует отрывки из записей своих предшественников. Подобные чтения позволяют братьям соприкоснуться с нашей историей и традициями, которые тянутся в прошлое на столетия и на тысячи миль.

Я разместил выбранную рукопись на чем-то вроде аналая и произнес обычное вступление:

– Добрый вам вечер, братья. Сейчас вы услышите отрывки из Анналов Черного Отряда, последнего из Вольных Отрядов Хатовара. Сегодня я буду читать из Книги Кетте, истории Отряда, датируемой началом второго века, – истории, которую сохранили для нас летописцы Гуца, Агрип, Падуб и Солома. В то время Отряд служил болебогу Чо'нДелора и был тогда еще полностью чернокожим.

Отрывок, о котором речь, принадлежит перу Соломы и посвящен роли Отряда в событиях, связанных с падением Чо'нДелора.

Тут я мысленно отметил, что Отряд служил многим правителям-неудачникам.

Эпоха Чо'нДелора во многом схожа с нашей, хотя тогда, имея в своих рядах более шести тысяч человек, Отряду было легче влиять на собственную судьбу.

Начав читать, я позабыл обо всем. Старина Солома был виртуозом пера. Три часа без передышки я громыхал, точно свихнувшийся пророк, и совершенно зачаровал слушателей.

Когда закончил, меня наградили орденом. Я отошел от аналога с ощущением, будто завершил главное дело своей жизни.

Физические и моральные последствия моего спектакля навалились на меня уже в казарме. Поскольку я наполовину офицер, мне полагается собственная комнатка, и я, пошатываясь, направился напрямик туда.

Меня поджидал Ворон. Он сидел на моей койке и что-то мудрил со стрелой, древко которой было обвито серебряной полоской. Кажется, он что-то вырезал. Не будь я таким уставшим, меня бы это наверняка заинтересовало.

– Ты был на высоте, – сообщил мне Ворон. – Даже меня проняло.

– Да ну?

– Благодаря тебе я понял, что значило в те времена быть солдатом Черного Отряда.

– И что это до сих пор означает для некоторых?

– Да. И даже больше. Твои слова проникли парням в самую душу.

– Да, конечно. А что ты делаешь?

– Готовлю стрелу для Хромого. Вырезаю на ней его истинное имя. Мне его сообщил Душелов.

– А-а, понятно. – Я был настолько вымотан, что решил обойтись без уточнений. – А что ты от меня хочешь?

– Впервые с тех пор, как моя жена и ее любовники попытались убить меня и украсть мои права и титулы, ты заставил меня хоть что-то почувствовать. – Он встал, сощурился и посмотрел вдоль древка стрелы. – Хочу поблагодарить тебя, Костоправ. За то, что я некоторое время вновь ощущал себя человеком.

И он вышел.

Я рухнул на койку и закрыл глаза, вспоминая, как Ворон задушил свою жену, как молча снял с нее обручальное кольцо. Выпавив одну короткую фразу, он раскрылся передо мной больше, чем за все время, прошедшее с нашей первой встречи. Странные дела.

Я заснул, размышляя о том, что он расквитался со всеми, кроме главного источника своих несчастий. Хромой оставался неприкосновенным, потому что был одним из слуг Госпожи. До сегодняшнего дня.

Неизвестно, что нас с Вороном ждет завтра. Что ему приснится нынче ночью? Останется ли у него цель в жизни, если Хромой умрет? Нельзя выжить, черпая силы лишь в ненависти. Так попытается ли он остаться в живых среди того, что нам предстоит?

Возможно, именно это он и хотел мне сказать.

Я испугался. Человек, который так думает, слишком порывист, а значит, опасен для окружающих.

Чьи-то пальцы сжали мое плечо.

– Пора, Костоправ. – Меня разбудил сам Капитан.

– Да. Встаю. – В эту ночь я плохо спал.

– Душелов уже готов отправиться в путь.

– Который час? – спросил я, заметив, что еще темно.

– Почти четыре. Душелов хочет уйти до рассвета.

– Понятно.

– Слышь, Костоправ? Будь там поосторожнее. Я хочу, чтобы ты вернулся.

– Конечно, Капитан. Ты же знаешь, я не люблю лезть на рожон. Но все-таки почему именно я и Ворон? – Быть может, сейчас он ответит?

– Душелов сказал, что Госпожа называет это наградой.

– Серьезно? Ничего себе награда... – Я пошарил вокруг, нашел сапоги.

Капитан уже шел к двери.

– Капитан! Спасибо.

– Не за что. – Он знал, что я благодарил за заботу.

Когда я завязывал шнурки на куртке, в дверь просунулась голова Ворона.

– Готов?

– Еще минутка. Холодно на улице?

– Прохладно.

– Плащ прихватить?

– Не помешает. Кольчугу надел? – Он коснулся моей груди.

– Да. – Я облачился в плащ, взял лук и подбросил его на ладони. Ощутил на груди холодок амулета, полученного от Гоблина. Надеюсь, мне поможет эта вещица.

– Я тоже надел, – скупно улыбнулся Ворон.

– Тогда пошли, – улыбнулся я в свою очередь.

Во дворе, где мы накануне тренировались в стрельбе из лука, нас ждал Душелов. На него падал свет из окон отрядной столовой – пекари уже усердно трудились. Замерев в стойке «вольно, по-парадному», Душелов смотрел в сторону Облачного леса и левой рукой прижимал к боку сверток. На нем было лишь обычное кожаное одеяние и морион. В отличие от некоторых Взятых, он редко носил оружие, предпочитая полагаться на свое тавматургическое искусство.

Он разговаривал сам с собой. Зловещие то были речи: «Хочу увидеть, как он падет. Ждал этого четыреста лет». – «Нам не подойти так близко, он почует». – «Тогда откажись от любой магии». – «Ну нет! Слишком рискованно!»

Целый сонм голосов! А ведь у меня мороз по коже, когда хотя бы два из них говорят одновременно..

Я встретился взглядом с Вороном. Тот пожал плечами, его Душелов не пугал. Но Ворон вырос во владениях Госпожи, он видел всех Взятых. Душелов, вероятно, один из наименее диковинных.

Минуты две мы прислушивались, но фразы не становились осмысленнее. Наконец Ворон не выдержал и рыкнул:

– Господин, мы готовы.

Все же он был не вполне уверен в себе, это чувствовалось по голосу.

Сам я словно онемел. Мысли вертелись вокруг лука, стрельбы и задачи, которую мне предстояло выполнить. Я вообразил, как натягиваю и отпускаю тетиву, как прослеживаю взглядом полет стрелы, и неосознанно провел пальцами по подарку Гоблина, поймав себя на том, что делаю это уже не первый раз.

Душелов встряхнулся, словно мокрый пес, и как-то подобрался. Он взмахнул рукой, не глядя на нас, бросил: «Пошли!» – и зашагал.

Ворон обернулся и крикнул:

– Душечка, отправляйся, куда я сказал. Сейчас же!

– Да разве она тебя слышит? – удивился я, тоже оглядываясь на девочку, стоящую в полутемном дверном проеме.

– Она – нет. Зато слышит Капитан. Все, уходи! – Он энергично замахал рукой.

Тут же появился Капитан, и Душечка исчезла.

Мы шагали следом за Душеловом. Ворон что-то бормотал под нос – он беспокоился о ребенке.

Душелов шел быстро. Он вывел нас из расположения, затем из города и двинул напрямик через поля, так ни разу не обернувшись. Наш путь завершился на поляне посреди большой рощи, в нескольких полетах стрелы от городских стен. Там, на берегу речушки, лежала деревянная рама высотой в фут, с прибитым сверху ковром размерами примерно шесть на восемь футов. Душелов что-то произнес, ковер зашевелился и туго натянулся.

– Ворон, сядешь здесь. – Душелов указал на правый из ближайших к нам углов. – А вот твое место, Костоправ, – показал он на левый.

Ворон осторожно поставил ногу на ковер и явно удивился, что вся конструкция не развалилась.

– Садитесь. – Душелов заставил Ворона скрестить ноги и положить оружие рядом, на краю ковра.

Такую же операцию он проделал и со мной. Я опешил, ощутив жесткость ковра, – будто сидишь на крышке стола.

– Только не ерзать и не дергаться, – предупредил Душелов, располагаясь впереди нас и вытягивая ноги вдоль середины ковра. – Если не сохраним равновесие, все свалимся. Понятно?

Я мало что понял, но согласился с Вороном, когда тот сказал «да».

– Готовы?

Ворон снова ответил утвердительно. Полагаю, он-то знал, что нам предстоит, но меня дальнейшее застало врасплох.

Душелов повернул ладони кверху, произнес несколько непонятных слов, потом медленно поднял руки. Я глянул вниз и отшатнулся, ахнув. Земля удалялась.

– Сиди спокойно! – рявкнул Ворон. – Угробить нас хочешь?

До земли было футов шесть. Пока. Я выпрямился и застыл, но успел повернуть голову и заметить шевеление в кустах.

Точно, Душечка. Открыв рот от удивления, я уставился вперед и с такой силой стиснул лук, что едва не выдавил на нем вмятины. Жаль, что не хватило храбрости потрогать амулет.

– Ворон, а ты договорился о Душечке? На случай... сам знаешь.

– Капитан о ней позаботится.

– А вот я позабыл назначить следующего летописца.

– Не будь таким оптимистом, – саркастически бросил он.

Я невольно вздрогнул.

Душелов что-то сделал, и мы заскользили над верхушками деревьев. В ушах зашуршал холодный ветер. Я снова осмелился поглядеть вниз. Мы уже достигли высоты пятого этажа; подъем продолжался.

Звезды над головой сместились – Душелов менял курс. Ветер обрел такую силу, словно мы летели навстречу буре. Я все больше клонился вперед, опасаясь, что меня сдует. Подо мной было лишь несколько сотен футов пустоты и земля, о которую можно разбиться всмятку. Пальцы, сжимавшие лук, даже заболели.

Зато я кое-что выяснил. Теперь понятно, как Душелову удастся столь быстро оказываться среди нас, хотя он всегда бывает далеко, когда мы с ним связываемся.

Полет проходил в молчании. Душелов был занят делом, подгонял вперед нашего «небесного коня». Ворон погрузился в свои мысли. Я трясся от страха, желудок угрожал вывернуться наизнанку. Про Ворона ничего сказать не могу.

Звезды уже блекли. Горизонт на востоке посветлел, под нами материализовалась земля. Я рискнул посмотреть вниз. Мы летели над Облачным лесом. Стало еще чуть светлее. Душелов что-то буркнул, посмотрел на восток, затем обозрел пространство впереди. Несколько секунд он словно прислушивался, затем кивнул.

Ковер задрал нос – мы набирали высоту. Покачиваясь, земля съеживалась, пока не уподобилась карте. И без того холодный воздух сделался ледяным. Желудок по-прежнему бунтовал.

Далеко слева я заметил черное пятно в лесу, то был захваченный нами лагерь. Тут мы вошли в облако, и Душелов сбросил скорость.

– Немного подрейфуюем, – сказал он. – Мы в тридцати милях южнее Хромого. Он движется прочь от нас, мы быстро догоняем. Когда окажемся на расстоянии, с какого он может меня засечь, начнем спускаться. – Все это было произнесено деловитым женским голосом.

Я было заговорил, но он оборвал:

– Тихо, Костоправ! Не отвлекай меня.

Мы пребывали в облаке, невидимые и сами ничего не видящие, часа два, затем Душелов сказал:

– Пора спускаться. Держитесь крепче за раму, может слегка поболтать.

Ковер едва не выскользнул из-под меня. Мы полетели вниз, словно брошенный со скалы булыжник. Летучая снасть медленно закружилась – казалось, под нами поворачивается лес, – потом закачалась, словно падающее перышко. Всякий раз, когда ковер кренился, я думал, что свалюсь.

Мне бы помог добрый вопль, но рядом с Вороном и Душеловом вопить не полагается.

Лес неумолимо приближался. Вскоре я уже различал отдельные деревья... когда осмеливался смотреть вниз. Мы все погибнем! Я не сомневался, что мы врежемся в кроны деревьев и, пролетев оставшиеся до земли пятьдесят футов, разобьемся.

Душелов что-то произнес. Я не разобрал слов, вдобавок он обращался не ко мне, а к коврику. Раскачивание и вращение постепенно сошли на нет, скорость уменьшилась. Вскоре Душелов опустил ковер ниже верхушек деревьев и направил в своеобразный коридор над рекой. Мы мчались в нескольких футах над водой, и Душелов смеялся, глядя на испуганно разлетающихся птиц.

Он высадил нас в узкой лощине неподалеку от реки.

– Слезайте и разомнитесь, – сказал Душелов.

Когда мы пришли в себя, он нас проинструктировал:

– Хромой в четырех милях к северу. Он уже добрался до места встречи с Шепот. Дальше я не пойду, иначе он меня почует. Отдайте значки – их он тоже может засечь.

Ворон кивнул, отдал значок, затем надел тетиву на лук, наложил стрелу, попробовал тетиву на упругость. Я повторил его действия, и это меня немного успокоило. Как же здорово вновь оказаться на твердой земле! Я готов был ее целовать.

– Ствол большого дуба, – предложил Ворон, показывая на другой берег реки.

Он выстрелил, его стрела вонзилась в двух дюймах от середины ствола. Я глубоко вдохнул, расслабляясь, и выпустил стрелу, которая попала на дюйм ближе к середине, чем у Ворона.

– Хороший выстрел – ты мог бы выиграть пари, – заметил Ворон и повернулся к Душелову. – Мы готовы.

– Нам нужны более точные указания, – добавил я.

– Идите берегом реки. Здесь много звериных тропок, так что доберетесь без труда. Торопиться нет нужды, Шепот будет на месте через несколько часов.

– Река течет на запад, – заметил я.

– Она делает петлю и возвращается. Идите вдоль нее три мили, затем сверните на запад и двигайтесь напрямик через лес. – Душелов присел, очистил от листьев и веток землю и палочкой нарисовал кроки. – Если наткнетесь на этот поворот, значит вы зашли слишком далеко.

Затем Душелов замер и долгу минуту вслушивался в то, что мог слышать лишь он.

– Госпожа передает, – сообщил он наконец. – Вы поймете, что приблизились, когда увидите рощу огромных хвойных деревьев. Там было святилище народа, вымершего еще до эпохи Владычества. Хромой – в центре той рощи.

– Достаточно ясно, – сказал Ворон.

– Вы будете ждать здесь? – спросил я.

– Не бойся, Костоправ.

Я еще раз глубоко вздохнул:

– Пошли, Ворон.

– Подожди, Костоправ, – остановил меня Душелов и вытащил из своего свертка стрелу. – Воспользуйся ею.

Я нерешительно взглянул на стрелу, но все же положил ее в колчан.

Ворон настоял на том, что пойдет первым. Я не спорил, потому что до службы в Отряде был городским парнишкой. Так и не научился чувствовать себя уютно в лесу, особенно в таком большом, как Облачный. Слишком здесь тихо, слишком одинок среди этих дебрей человек. И так легко заблудиться.

Первые две мили я больше беспокоился о поиске обратного пути, чем о предстоящем нам деле, и потратил немало времени, запоминая ориентиры.

Ворон целый час безмолвствовал. Я и сам напряженно думал, поэтому меня его молчание устраивало.

Он поднял руку. Я остановился.

– Кажется, нам пора сворачивать, – сказал он.

– Угу.

– Давай отдохнем. – Он устроился на огромном древесном корне, прислонившись спиной к стволу. – Уж больно ты сегодня молчалив, Костоправ.

– Да вот, все думаю.

– Ага, – улыбнулся он. – Например, о том, какую награду мы с тобой получили.

– И об этом тоже. – Я вытащил стрелу Душелова. – Видишь?

– Тупой наконечник? – Он провел пальцем. – И мягкий. Что за ерунда?

– Вот именно. Выходит, я не должен ее убивать.

У нас даже не возникал вопрос, кто в кого будет стрелять. Хромой изначально достался Ворону.

– Возможно. Но я не собираюсь подохнуть, пытаюсь взять ее живой.

– Я тоже. Вот что меня волнует, кроме многого другого: в чем истинная причина того, что Госпожа выбрала тебя и меня, почему она хочет взять в плен Шепот?.. А, пропади оно все пропадом. От таких мыслей язва заводится.

– Отдохнул?

– Вполне.

Мы пошли в сторону от реки. Продвигаться стало труднее, но вскоре мы перевалили через невысокий гребень и достигли опушки хвойной рощи. Там почти не было подлеска и сквозь кроны деревьев проникало очень мало солнечного света. Ворон остановился отлить.

– Позднее возможности не будет, – пояснил он.

Он верно говорил. Подобные проблемы возникают очень некстати, когда сидишь в засаде на расстоянии броска камнем от враждебного тебе Взятого.

Меня затрясла нервная дрожь. Ворон положил мне руку на плечо.

– Все будет хорошо, – пообещал он, явно не веря собственным словам.

Его рука тоже слегка дрожала.

Я коснулся под курткой амулета Гоблина. Это помогло.

Ворон вопросительно приподнял бровь, я кивнул. Мы пошли дальше. Я жевал ломтик сушеного мяса, сжигая нервную энергию. Мы снова молчали.

За деревьями показались развалины. Ворон пригляделся к высеченным на камнях символам и пожал плечами. Надписи ему ни о чем не говорили.

Вскоре мы приблизились к огромным деревьям, прадедам тех, среди которых только что шли. Со стволами в два обхвата, они тянулись вверх на сотни футов. Здесь и там копыя солнечного света пронзали высоченные кроны. Крепко пахло смолой. Тишина стояла ошеломляющая. Мы продвигались осторожно, шаг за шагом, чтобы не выдать себя малейшим шумом.

Моя нервозность, достигнув максимума, начала спадать. Слишком поздно убежать, слишком поздно передумывать. Мозг отказался от всех эмоций. Обычно я впадал в такое состояние, когда был вынужден оказывать помощь раненым, а солдаты вокруг еще убивали друг друга.

Ворон дал знак остановиться. Я кивнул, потому что тоже услышал – фыркнула лошадь. Ворон жестом велел мне оставаться на месте, а сам, низко пригнувшись, скользнул влево и исчез за деревом в полусотне футов от меня.

Через минуту он высунулся и поманил. Мы перебрались туда, откуда было хорошо видно поляну.

Поляна оказалась небольшой, футов семьдесят на пятьдесят. В центре виднелась груда крошащихся камней – развалины какой-то постройки. Хромой сидел рядом со своей лошадью на упавшем камне, прислонившись к другому. Казалось, он спит. На краю поляны валялось исполинское дерево. Упало оно недавно, тление его почти не тронуло.

Ворон коснулся моей руки и указал в сторону. Он решил перебраться в другое место.

Мне вовсе не хотелось двигаться, когда Хромого уже видно. Каждый шаг мог насторожить Взятого. Но Ворон был прав. Солнце садилось перед нами. Если останемся, то вскоре оно будет светить прямо в глаза.

Мы двигались с чрезвычайной осторожностью. Еще бы, одна ошибка – и нам конец. Когда Ворон обернулся, я заметил его вспотевшие виски.

Он остановился, куда-то показал и улыбнулся. Я подполз к нему. Он вновь вытянул руку.

Впереди лежало еще одно дерево. При толщине в четыре фута его ствол подходил нам идеально – достаточно высоко, чтобы спрятаться, и достаточно низко, чтобы без помех стрелять. Мы отыскивали точку, откуда можно было простреливать всю поляну.

Освещение тоже оказалось хорошим – несколько снопов света пробивались сквозь кроны. Воздух был чуть мутным, наверное из-за пылицы, и лучи виднелись отчетливо. Несколько минут я разглядывал поляну, запоминая все детали, потом уселся за стволом и притворился камнем. Ворон остался наблюдать.

Казалось, прошли недели, пока не начали разворачиваться события.

Ворон похлопал меня по плечу. Я поднял голову. Он показал пальцами: идет человек. Хромой теперь бродил по поляне. Я осторожно приподнялся и выглянул.

Хромой несколько раз обошел кучу камней, припадая на ногу, затем вновь уселся. Подняв сучок, принялся отламывать от него щепки и бросать в невидимую для нас мишень. Истратив сучок, набрал мелких шишек. Просто портрет человека, убивающего время.

Почему Хромой приехал на лошади, ведь при желании он может быстро попасть в нужное место? Наверное, потому, что в этот раз путь был невелик. Я встревожился: как бы на поляну не явились его солдаты.

Хромой опять поднялся и стал бросать шишки через всю поляну в лежащий ствол. Проклятье! Больше всего на свете хотелось прикончить его и поскорее смыться.

Лошадь Хромого вздернула голову и заржала. Мы с Вороном рухнули и вжались в усыпанную иголками землю. Воздух на поляне аж потрескивал от напряжения.

Секунду спустя я услышал хруст иголок под копытами и затаил дыхание. Краем глаза увидел мелькающую среди стволов белую лошадь. Шепот? Заметит ли она нас?

Да или нет? Какому богу молиться?

Да или нет?

Она проехала от нас в пятидесяти футах, не заметив.

Хромой что-то произнес. Шепот ответила мелодичным голосом, который слабо подходил широкой в кости, крепкой и неказистой женщине. По голосу она была семнадцатилетней красавицей, а выглядела лет на сорок пять и как будто успела трижды объехать вокруг земли.

Ворон мягко подтолкнул меня.

Я поднялся медленно, как распускающийся цветок, боясь, что они услышат скрип моих суставов. Мы выглянули из-за ствола. Шепот спешила и обеими руками взяла за руку Хромого.

Лучшего момента нельзя было и желать. Мы находились в тени, а их освещало солнце. Вокруг них в колонне солнечного света искрилась золотистая пыльца. К тому же, держась за руки, они ограничивали себе подвижность.

Действовать нужно было немедленно. Мы оба это поняли и прицелились. Каждый прижимал к луку запасную стрелу, готовую в любую секунду лечь на тетиву.

– Давай! – выдохнул Ворон.

Пока моя стрела не сорвалась с тетивы, нервы были в полном порядке, но затем меня охватил озноб.

Стрела Ворона вонзилась Хромому под левую руку. Тот взвизгнул, словно крыса под каблуком, и отскочил от женщины.

Моя стрела угодила Шепот в висок. На ней был кожаный шлем, но я не сомневался, что удар свалит ее.

Ворон выпустил вторую стрелу, пока я возился со своей. Передумав, я бросил лук и перепрыгнул через прикрывавшую нас колоду. Мимо просвистела третья стрела Ворона.

Когда я подбежал, Шепот стояла на коленях. Я ударил ее по голове и повернулся к Хромому. Все стрелы Ворона попали в цель, но даже особая стрела Душелова не смогла погубить Взятого – захлебываясь кровью, он хрипел какое-то заклинание. Я врезал ногой и ему.

Тут подоспел Ворон, и я обернулся к женщине.

Эта сука оказалась крутой, оправдывала свою репутацию. Даже оглушенная, все пыталась подняться, вытащить меч и произнести заклинание. Я еще раз ударил ее и отнял меч.

– Забыл взять веревку, – прохрипел я. – У тебя нет веревки, Ворон?

– Нет.

Ворон стоял, глядя на Хромого. У Взятого ветхая кожаная маска сбилась на сторону, он пытался поправить ее, чтобы разглядеть, кто мы такие.

– Проклятье! Как же ее связать?

– Сперва позаботься о том, чтобы заткнуть ей рот. – Ворон поправил Хромому маску и улыбнулся непередаваемо жестокой улыбкой, которая появляется на его лице в тот момент, когда он собирается перерезать горло врагу.

Я выхватил нож и принялся кромсать одежду женщины. Она сопротивлялась, пришлось ударить ее еще несколько раз. Наконец я нарезал достаточно лоскутов, чтобы связать ее и заткнуть рот. Потом подтащил Шепот к куче камней, прислонил и стал наблюдать за Вороном.

Тот сорвал с Хромого маску, обнажив уродливое лицо.

– Что ты делаешь? – спросил я, увидев, как он связывает Взятого.

– Да вот, пришел к выводу, что у меня не хватит таланта довести дело до конца. – Он присел на корточки и похлопал Хромого по щеке. Тот излучал ненависть. – Ты ведь знаешь мою мягкосердечность, Костоправ. Я старая размазня. Я бы просто убил его и на том успокоился. Но он заслужил менее приятную смерть. У Душелова в таких делах опыта побольше. – Ворон недобро засмеялся.

Связанный напрягся. Несмотря на три раны, Хромой, казалось, сохранял силу и даже энергию. На торчащие из тела стрелы он вовсе не обращал внимания. Ворон вновь похлопал его по щеке:

– Привет, старина. Хочу тебя по-дружески предупредить... Ты ведь предупредил меня за час до того, как послал в засаду, подстроенную моей женой Утренней Звездой и ее приятелями? Предупредил? Так вот, опасайся Душелова. Он узнал твое истинное имя. А когда имеешь дело с Душеловом, невозможно предугадать, что он с тобой сотворит.

– Кончай злорадствовать, Ворон, – сказал я. – Лучше следи за ним. Вроде он колдует.

Пальцы Хромого ритмично шевелились.

– И точно! – воскликнул Ворон.

Он схватил меч, который я отобрал у Шепот, и методично отрубил Хромому пальцы на обеих руках.

Ворон уговаривал меня не излагать всю правду в Анналах. Возможно, когда-нибудь он прочтает мои записи и раскается. Но если честно, добряком его в тот день никто бы не назвал.

У меня возникла сходная проблема с Шепот, но я нашел другое решение – отрезал ей волосы и связал пальцы.

Ворон все мучил Хромого, и наконец я не выдержал:

– Послушай, Ворон, и в самом деле хватит. Пора отойти в сторону и просто приглядеть за ними.

Душелов не дал нам конкретных указаний насчет того, как действовать после пленения Шепот, но я предположил: Госпожа сообщит ему о случившемся и он прилетит на поляну. А до его прибытия нам просто нужно держать ситуацию под контролем.

Через полчаса после того, как я отогнал Ворона от Хромого, с неба спустился магический ковер Душелова, коснувшись земли в нескольких футах от пленников. Душелов сошел с ковра, потянулся, взглянул на Шепот.

– Скверный у тебя вид, – вздохнул он, произнеся слова деловым женским голосом. – Но ты и не была никогда красоткой. Да, кстати, мой друг Костоправ нашел зарытые тобой свертки.

Шепот окинула меня с ног до головы жестким и холодным взглядом. Не желая выдерживать его и далее, я отвернулся. Но поправлять Душелова не стал.

Тот посмотрел на Хромого и печально покачал головой:

– Здесь нет ничего личного. Доверие исчерпано до конца. Тобой занялись по ее приказу. Хромой окаменел.

– Почему ты не убил его? – спросил Душелов Ворона.

Тот сидел на поваленном дереве, держа лук на коленях и глядя в землю.

Ворон промолчал, и я ответил за него:

– Он решил, что вы сумеете придумать что-нибудь получше.

Душелов рассмеялся:

– Я размышлял об этом по дороге, но ничего достойного так и не изобрел. Меняющий уже вызван, и скоро он будет здесь. – Душелов взглянул на Хромого. – А ведь ты влип как последний дурак. К твоим годам нужно было хоть немного набраться ума. – И повернулся к Ворону. – Он был тебе наградой от Госпожи.

– Ценю, – буркнул Ворон.

Я уже успел об этом догадаться. Но ведь и мне должно было кое-что перепасть, а я пока не видел даже намека на исполнение хотя бы одной моей мечты. Душелов опять продемонстрировал фокус с чтением мыслей:

– Полагаю, твоя награда изменилась. Она пока не доставлена. Устраивайся поудобнее, Костоправ, мы еще долго здесь пробудем.

Я подошел к Ворону и сел рядом. Мы молчали. Мне ничего не хотелось говорить, а он блуждал где-то внутри себя. Как я уже сказал, человек не может жить одной лишь ненавистью.

Душелов тщательно проверил путы наших пленников, оттащил раму с ковром в укромное место и уселся на кучу камней.

Меняющий Облик прибыл двадцать минут спустя – огромный, уродливый, грязный и вонючий, как всегда. Он осмотрел пленников с ног до головы, посоветался с Душеловом, с полминуты порычал на Хромого, потом залез на свой летающий ковер и рванул прочь.

– Он тоже спасовал, – пояснил Душелов. – Никто не хочет взять на себя ответственность.

– И кому же Меняющий ее передал? – удивился я.

У Хромого больше не осталось заклятых врагов.

Душелов пожал плечами и снова уселся на камень. Он забормотал десятком голосов, замкнувшись в себе, чуть ли не скукожившись. Пожалуй, мы оба были рады остаться наедине со своими мыслями.

Тянулось время. Пронзавшие листву солнечные лучи, все более пологие, гасли один за другим. Я уже задался вопросом, не прав ли Ворон в своих опасениях: с приходом ночи мы станем легкой добычей, а Взятым, чтобы видеть, солнце не нужно.

Я посмотрел на Ворона. Что сейчас происходит у него в голове? Его лицо было бесстрастным – с таким он играет в карты.

Я спрыгнул с колоды и принялся бродить вокруг, как недавно бродил Хромой. Заняться было решительно нечем. Я метнул шишку в выступ на бревне, за которым мы с Вороном укрывались, и... выступ исчез, провалился! Я бросился было за окровавленным мечом Шепот, но тут сообразил, что именно увидел.

– Ты чего? – спросил Душелов, когда я остановился.

– Кажется, мышцу растянул, – солгал я. – Решил пробежаться, ноги размять, и вот... – Я помассировал правое бедро.

Душелов вроде бы удовлетворился моим объяснением. Я вновь посмотрел на бревно, но ничего не заметил.

Но я знал, что Молчун все еще там. И будет на месте, если потребуется.

Молчун. Но как он мог здесь очутиться? Тем же способом, что и мы все? Или у него в запасе есть трюки, о которых никто не подозревает?

Помяв для вида ногу, я дохромал до Ворона, сел рядом и попытался объяснить жестами, что мы можем рассчитывать на подмогу, если дела пойдут плохо. Но старался я зря – Ворон слишком глубоко ушел в себя.

Наступила ночь. На небе повисла половинка луны, и несколько полосок серебристого света легли на поляну. Душелов все еще сидел на гряде камней, а мы с Вороном – на бревне. От долгого пребывания в одной позе у меня заныла спина. Пошаливали нервы. Я устал и проголодался, и попытки одолеть страх были тщетны. С меня на сегодня достаточно! Но не хватало смелости сказать об этом вслух.

Наконец Ворон встряхнулся, оценил ситуацию и спросил:

– Какого дьявола мы здесь торчим?

Душелов тоже проснулся:

– Ждем. Осталось недолго.

– Чего ждем? – решительно спросил я.

Когда меня поддерживает Ворон, я тоже могу стать храбрецом. Душелов посмотрел в мою сторону. Внезапно я услышал подозрительный шорох в зарослях за спиной. Ворон напрягся, готовый действовать.

– Чего ждем? – повторил я, но уже не столь энергично.

– Меня, лекарь. – Дыхание говорящего коснулось моего затылка.

Одним прыжком я преодолел половину разделявшего меня и Душелова расстояния и остановился, лишь схватив меч Шепот. Душелов рассмеялся. Интересно, обратил ли он внимание, что боль в ноге перестала меня беспокоить? Я украдкой взглянул на бревно, за которым сидел Молчун, но ничего не заметил.

Над колодой, которую я столь поспешно покинул, разлился ослепительный свет. Я перестал видеть Ворона, он попросту исчез. Стиснув рукоять меча, я решил наградить Душелова хорошим ударом.

Свет проплыл над стволом рухнувшего гиганта, приблизился и остановился перед Душеловом. Он был настолько ярок, что глаза отказывались долго на него смотреть. Сияние освещало всю поляну.

Душелов опустил на колени. И тут до меня дошло.

Госпожа! Это яростное сияние и есть Госпожа. Мы ждали ее! Я смотрел, пока не заболели глаза, и тоже опустился на колени, протянув к ней на ладонях меч, словно рыцарь, приносящий присягу королю. Госпожа!

Это и есть моя награда – увидеть ее своими глазами? Это нечто, вызвавшее ко мне из самих Чар, каким-то образом заполнило меня целиком, и на одно дурацкое мгновение я влюбился по уши. Но видеть ее я не мог, а мне страстно хотелось узреть ее облик.

Она тоже обладала способностью, столь раздражавшей меня в Душелове.

– Не сейчас, Костоправ, – произнесла она. – Но, думаю, скоро.

Она коснулась моей руки, и пальцы обожгло, словно это было первое сексуальное прикосновение первой моей возлюбленной. Помните этот ослепительный, ошеломляющий и яростный миг восхищения?

– Награда будет позднее. А сейчас тебе позволено наблюдать за обрядом, которого никто не видел уже пятьсот лет. – Она переместилась. – Так неудобно смотреть. Встань.

Я встал и отошел назад. Душелов все еще стоял «вольно, по-парадному», лицом к свету. Его яркость уменьшилась, и теперь я мог смотреть без боли в глазах. Источник сияния, постепенно слабеющего, обогнул каменную грудь и остановился возле пленников. Теперь внутри его я различал женский силуэт.

Госпожа долго смотрела на Хромого, а тот на нее. Его лицо было пустым – он уже перешел грань надежды или отчаяния.

– Долгое время ты верно служил, – сказала Госпожа. – И твое предательство помогло мне больше, чем навредило. Я знаю, что такое милосердие. – Она засветилась ярче с одной стороны, рассеяв тень. Там стоял Ворон, со стрелой на тетиве. – Он твой, Ворон.

Я взглянул на Хромого. На его лице проявились возбуждение и странная надежда. Он, конечно, надеялся не на пощаду, а на простую, быструю и безболезненную смерть.

– Нет, – сказал Ворон.

И ни слова больше. Только недвусмысленный отказ.

– Тем хуже для тебя, Хромой, – негромко сказала Госпожа. Она прогнулась назад и что-то пронзительно выкрикнула, обратив лицо к небу.

Хромой резко дернулся. Из его рта вывалился кляп, путы развязались. Он встал и попытался убежать, бормоча защитное заклинание. Ему удалось сделать шагов пятнадцать, когда с неба обрушилась тысяча огненных змей.

Они заползали ему в рот и нос, вгрызались в глаза и уши. Змеи с легкостью проникали в тело и выбирались через выеденные отверстия на спине, груди и животе. И Хромой вопил, вопил, вопил... Та самая поразительная жизненная энергия, что шутя справилась с ранами от стрел Ворона, не давала ему теперь умереть во время казни.

Мой желудок не удержал в себе остатков вяленого мяса – а другой пищи он не получал за весь день.

Хромой вопил очень долго, но никак не умирал. Наконец Госпожа утомилась и отослала змей прочь. Она окружила тело Хромого полупрозрачным коконом и издала несколько громких звуков. С ночного неба спустилась гигантская светящаяся стрекоза, подхватила Хромого и с гудением унеслась к Чарам.

– Его ждут годы развлечений, – сообщила Госпожа и многозначительно взглянула на Душелова, чтобы наглядный урок пошел на пользу и ему.

Пока длилась экзекуция, Душелов не шевельнул и мускулом. Не сделал он этого и сейчас.

– То, что ты увидишь, Костоправ, – сказала мне Госпожа, – сохранилось лишь в воспоминаниях считанных свидетелей. Даже большинство моих приближенных успели об этом позабыть.

О чем это она?

Госпожа опустила взгляд. Шепот съежилась.

– Нет, ты ошибаешься, – молвила ей Госпожа. – Ты была столь выдающимся врагом, что я решила тебя вознаградить. – Она как-то странно рассмеялась. – Среди Взятых появилась вакансия.

Вот так. Теперь мне понятны и тупая стрела, и все зловещие обстоятельства, ведущие к этому моменту. Госпоже угодно, чтобы Шепот заменила Хромого.

Но когда же она приняла это решение? Хромой попал в немилость уже год назад, он подвергался одному унижению за другим. Неужели она всем этим дирижировала? Похоже на то. Намек здесь, намек там, вовремя пущенный слух, легкий провал в памяти... И Душелов принимал во всем этом участие, используя нас. Возможно, с того самого дня, когда нанял Отряд. И то, что жизненный путь Ворона пересекся с нашим, явно не случайно... Какая же все-таки жестокая, злобная, вероломная и расчетливая сука!

Но про это и так все знают. Она избавилась от собственного мужа. Убила свою сестру, если верить Душелову. Тогда почему я разочарован и удивлен?

Я взглянул на Душелова. Он по-прежнему не шевелился, но по слегка изменившейся позе было видно – он ошеломлен.

– Да, – подтвердила Госпожа, повернувшись к нему. – Вы думали, что лишь Властелин способен Взять? – Негромкий смех. – Но вы ошибались. Передай это тем, кто все еще думает о воскрешении моего мужа.

Душелов слегка шевельнулся. Смысл его движения я не смог уловить, но Госпожа им, кажется, удовлетворилась. Она вновь повернулась к Шепот.

Генерал мятежников была охвачена еще большим ужасом, чем Хромой. Ей предстояло сделаться тем, что она ненавидела сильнее всего, – и она была не в силах ничего изменить.

Госпожа опустилась на колени и зашептала.

Я наблюдал за ней, все еще не зная, что происходит. Не мог я также и описать Госпожу лучше, чем это в свое время сделал Гоблин, хоть я и провел рядом с ней всю ночь. Или может быть, несколько ночей. Время приобрело сюрреальность. Куда-то исчезло несколько дней... Но видеть ее я видел и стал свидетелем ритуала, превратившего нашего опаснейшего врага в одного из Взятых.

Лишь одно я помню предельной четко – огромное желтое Око, то самое, что едва не свело с ума Гоблина.

Возникнув неизвестно откуда, оно заглянуло в меня, Ворона и Шепот.

Взгляд не потряс меня так же сильно, как Гоблина. Возможно, я менее чувствителен. Или попросту невежествен. Но все же ничего хорошего я ожидать не мог. Как уже упоминал, было потеряно несколько дней моей жизни.

Око оказалось не всемогущим, оно почти не затронуло самых свежих воспоминаний. Госпожа так и не узнала, что рядом находился Молчун.

От других событий сохранились лишь обрывки, по большей части наполненные воплями Шепот. Помню момент, когда вся поляна кишела пляшущими чертями, едва не светящимися от накала рвущейся наружу злобы. Все они дрались за право изнасиловать Шепот. Помню, как Шепот умерла и была воскрешена, вновь умерла и опять воскресла, и это повторялось, пока она не свыклась со смертью. Потом женщину несколько раз разрывали на куски, а в перерывах между пытками ее разглядывало Око.

Сведя воедино все, что запечатлелось в мозгу, я пришел к выводу, что ее сломили, убили, воскресили и заново собрали, но уже как преданную рабыню. Ведь она клялась Госпоже в своей верности – ее голос просто трепетал от страстного желания угодить.

Я проснулся, когда все давным-давно закончилось, – с кашей в голове, опустошенный и перепуганный. Потребовалось немало времени, чтобы разобраться в ситуации. Вся эта путаница нарочно создана Госпожой. Чего я не вспомню, то и не смогу обратить против нее.

Тоже мне награда!

Госпожи на поляне не было, равно как и Шепот, зато остался Душелов. Он расхаживал взад-вперед, возбужденно бормоча десятком голосов. Едва я уселся, он смолк и настороженно уставился на меня.

Я застонал, хотел подняться, но опрокинулся назад. Тогда я подполз к груде камней и кое-как устроился там. Душелов протянул мне флягу, я неуклюже взял, напился.

– Можешь поесть, как очухаешься, – сказал он.

Его слова разбудили во мне зверский голод. Сколько времени я не ел?

– Что здесь произошло?

– А что ты помнишь?

– Очень немного. Шепот была Взята?

– Она заменила Хромого. Госпожа отправила ее на восточный фронт. Шепот много знает о противнике, это позволит выправить там положение.

Я помотал головой, стряхивая с глаз паутину.

– А я думал, что они перешли на северное стратегическое направление.

– Так и есть. И мы вернемся в Лорды, как только твой друг придет в себя. А ведь я считал, что хорошо знаю Шепот, – поведал он мягким женским голосом. – Узнав о случившемся в лагере, она оповестила Круг, и тот отреагировал быстро. Даже обошлось без привычной грызни, потому что они почуяли запах крови. Смирившись с потерями, отвлекали наше внимание и одновременно перегруппировывали силы. И проделали этот трюк в полной тайне от нас. Теперь армия Твердеца движется на Лорды, а наши войска до сих пор рассеяны по всему лесу. Она расставила для нас ловушку.

Мне не хотелось этого слышать. Целый год одни плохие новости. Ну почему у нас было столько побед, но мы ни разу не закрепили успех?

– Она намеренно пожертвовала собой?

– Нет. Хотела водить нас за собой по лесам, выигрывая время для Круга. Она и не подозревала, что Госпоже все известно про Хромого. Да, я слишком плохо знал Шепот. Со временем наши дела наладятся, но, пока она не исправит положение на востоке, нам придется несладко.

Я попытался встать, но не смог.

– Не торопись, – посоветовал Душелов. – Когда Око смотрит на тебя впервые, это тяжело. Ты как, можешь что-нибудь съесть?

– Давайте-ка сюда вон ту лошадь.

– Лучше не увлекайся поначалу.

– И насколько плохи дела? – Я и сам не совсем понимал, о чем спрашиваю.

Душелов предположил, что меня интересует стратегическая ситуация.

– Армия Твердеца больше любой из тех, с которыми мы встречались в здешних краях. И это лишь одна из группировок, выступивших в поход. Если Крадущийся не успеет первым занять Лорды, то мы потеряем и город, и королевство. Противник получит реальный шанс вообще вытеснить нас с севера. Наши силы в Висте, Тетке, Вине и далее не готовы к крупным сражениям. До сих пор север был второстепенным театром военных действий.

– Но... столько трудов, и все напрасно? Выходит, ситуация еще хуже, чем после потери Роз? Проклятье! Это неправильно! – Я уже устал это повторять.

– Не тревожься, Костоправ. Если Лорды перейдут в руки врага, мы остановим его на Лестнице Слез. И будем сдерживать, пока Шепот не покажет, на что она способна. Мятежники не смогут игнорировать ее бесконечно. Если восток падет, восстанию конец. На востоке вся их сила.

Душелов говорил так, словно старался убедить сам себя. Он уже пережил подобные потрясения в последние дни Владычества.

– А я думал, что мы их уже одолели, – пробормотал я, пряча лицо в ладонях.

Ну зачем только мы покинули Берилл?

Душелов потыкал Ворона пальцем, но тот не шелохнулся.

– Вставай! – раздраженно бросил Душелов. – Меня ждут в Лордах. Как бы в конце концов нам с Крадущимся не пришлось удерживать город вдвоем.

– Почему бы вам не оставить нас здесь, если ситуация настолько критическая?

Душелов что-то буркнул, хмыкнул, но с ответом не спешил. Он еще продолжал представление, когда я догадался, что у этого Взятго сохранились остатки чести, чувство ответственности перед теми, кто принял его защиту. Впрочем, он этого не признаёт. Никогда не выйдет из образа.

Я задумался о предстоящем полете на ковре. Крепко задумался. Я столь же ленив, как и любой человек, но лететь мне очень не хотелось. Только не сейчас. И не в таком состоянии.

– Я непременно свалюсь. Вам нет смысла здесь задерживаться. Мы еще несколько дней будем приходить в себя. Прогулка даже пойдет нам на пользу. – Я подумал о лесе, и мысль о долгом возвращении сразу перестала нравиться. – Верните нам значки. Тогда сможете нас снова найти и перевезти на ковре, если время позволит.

Душелов недовольно заворчал. Мы стали перебрасываться аргументами. Я налегал на свое паршивое самочувствие и на скверное состояние Ворона.

Душелову не терпелось убраться, и он позволил себя убедить. Он разгрузил ковер – пока я был в отключке, Взятый успел куда-то слетать – и уселся, приготовившись к отправлению.

– Я с вами встречусь через несколько дней.

Ковер взмыл куда быстрее, чем в тот раз, когда на нем сидели мы с Вороном, и исчез над кронами деревьев. Я доковылял до груды вещей, оставленной Душеловом.

– Вот сукин сын! – хмыкнул я.

Все его возражения оказались притворством. Душелов привез провизию, наше оружие, оставленное в Лордах, и кое-какие мелочи, которые помогут нам выжить в лесу. Для Взятго он очень даже неплохой начальник.

– Эй, Молчун! Где ты там?

Молчун бесшумно вышел на поляну. Посмотрел на меня, на Ворона, на припасы, но ничего не сказал. Разумеется, он же Молчун. Вид у него был измотанный.

– Мало спал? – спросил я.

Он кивнул.

– Видел, что здесь происходило?

Он снова кивнул.

– Надеюсь, ты помнишь это лучше меня.

Он отрицательно покачал головой. Проклятье! Так это и попадет в Анналы – не ясным до конца.

Странное у нас получилось общение: один говорит, другой трясет башкой. Попробуй узнай что-либо таким способом. Надо будет освоить язык жестов, которому Ворон выучился у Душечки. Молчун у нее второй после Ворона лучший друг, и даже подглядеть их общение будет интересно.

– Давай посмотрим, что мы можем сделать для Ворона, – предложил я.

Ворон имел вид смертельно уставшего человека. Нечего и надеяться, что он проснется в ближайшие часы. Ладно, пусть отсыпается. А я пока расспрошу Молчуна.

Его послал Капитан. Приехал колдун сюда верхом, а в путь отправился еще до того, как нас с Вороном вызвал для разговора Душелов. Он двигался почти без остановок, и днем и ночью, и добрался до поляны лишь незадолго до того, как я его заметил.

Я спросил, как он узнал, куда следует ехать. Спросил, полагая, что Капитан выудил из Душелова достаточно информации, чтобы отправить Молчуна в путь, – это как раз в стиле

Капитана. Молчун признался, что знал лишь общее направление, пока мы не появились в этом краю, а затем выследил нас по амулету Гоблина.

Хитрюга Гоблин. Даже словечком не обмолвился. Впрочем, оно и к лучшему. Око вытянуло бы из меня эту информацию.

– И ты думаешь, что и в самом деле смог бы нам помочь, если бы пришлось? – спросил я.

Молчун улыбнулся, пожал плечами, подошел к развалинам и уселся на камень. Для него игра в вопросы закончилась. Во всем Отряде только его не волнует собственный образ в Анналах. Ему совершенно все равно, любят его или ненавидят, где бы он ни находился. Порой я задаю вопросы: а заботит ли его вообще, жив он или уже умер? И что держит его в Отряде?

Наконец Ворон проснулся. Мы накормили его и, поймав лошадей Шепот и Хромого, направились в Лорды. Ехали без особого энтузиазма, поскольку знали, что направляемся на поле очередной битвы, к месту встречи будущих покойников.

Нам не удалось приблизиться к Лордам. Армия Твердеца окружила город двойным кольцом. Угрюмая черная туча накрыла его целиком. По краям ее рвали яростные молнии, противодействуя мощи Восемнадцати, – Твердец подступил к городу не в одиночестве.

Видимо, Круг всерьез решил поквитаться за Шепот.

– Я смотрю, Душелов и Крадущийся работают в полную силу, – проговорил Ворон после особенно яростного обмена ударами. – Предлагаю отойти южнее и выждать. Если они оставят город, то мы присоединимся, когда они побегут в Ветренный край. – Его лицо жутко исказилось – ему не понравилась эта перспектива, потому что в Ветреном краю он уже бывал.

Мы отошли на юг и присоединились к солдатам, отбившимся от своих частей. Укрывшись, прождали двенадцать дней. Ворон организовал некое подобие воинского отряда. Я проводил время с пером в руках и в размышлениях о Шепот, строя догадки о том, в какой степени она может изменить ситуацию на востоке. То небольшое, что я успел увидеть вокруг Лордов, убедило меня: эта женщина – последняя реальная надежда нашей стороны.

Дошли слухи, что мятежники и в других местах давят на нас почти с такой же силой. Кажется, Госпожа перебросила с востока Висельника и Костоглода, чтобы укрепить оборону. А еще говорят, Меняющий погиб в бою под Рожью.

Я тревожился об Отряде – братья оказались в Лордах до прихода Твердеца.

Никто из наших не умирал, не поведав мне о себе. Как я смогу узнать их истории, находясь в двадцати милях от города? Сколько подробностей будет утеряно, если придется записывать со слов товарищей павших? И сколько братьев погибнет, а их смерть никто даже не заметит?

Но куда чаще я думал о Хромом и Госпоже. И терзался.

Вряд ли я теперь стану сочинять романтические фантазии о нашей нанимательнице. Я был слишком близок к ней. И больше я не влюблен.

Я одержим. Меня преследуют вопли Хромого. Преследует смех Госпожи. Преследует подозрение, что мы прокладываем дорогу чему-то такому, что следует стереть с лица земли. Преследует убеждение, что те, кто стремится уничтожить Госпожу, нисколько не хуже ее. А может, и лучше.

Меня преследует ясное понимание того, что зло в конце всегда торжествует.

Ох, черт! Тревога. Отвратительная черная туча перевалила через холмы и поползла на северо-восток. Все вокруг носятся, хватают оружие и седлают лошадей. А Ворон кричит, чтобы я пошевеливался...

5 Твердец

Воюющий ветер швырял в нас заряды пыли и песка. Мы отступали, шагая спиной вперед, а песчаная буря находила в одежде и броне малейшие щелочки. Пыль и песок, смешиваясь с потом, превращались в вонючую соленую грязь. Горячий и сухой воздух быстро высасывал из нее влагу, и она засыхала комками. Губы у всех потрескались и распухли, язык превратился в заплесневелую деревяшку, царапающую шершавую корку на внутренней стороне щек.

Армия Зовущей Бурю уносила ноги. Мы страдали едва ли не так же, как и мятежники. Видимость сократилась до жалкого десятка ярдов. Я едва различал людей слева и справа и видел лишь двоих из арьергардной цепочки – они тоже шли спиной вперед. Противник был вынужден следовать за нами лицом к ветру, но это слабо утешало.

Внезапно солдаты в соседней цепочке торопливо изготовились к стрельбе. Из пыльной круговерти вынырнули высокие силуэты, вокруг них тенями развевались плащи, хлопающие на ветру, точно крылья огромных птиц. Я тоже сорвал с плеча лук и пустил стрелу, почти уверенный, что ветер отнесет ее в сторону от цели.

Но я ошибся. Всадник взмахнул руками, и его конь, развернувшись, помчался вдогонку за ветром и другими осиротевшими лошадьми.

Враги не давали нам передышки и держались впритык, стараясь перебить по одному, прежде чем мы пересечем Ветреный край и доберемся до Лестницы Слез, где обороняться гораздо легче. Им хотелось, чтобы каждый из нас, мертвый и обобранный, остался лежать под безжалостным солнцем пустыни.

Шаг назад, шаг назад. Невыносимо медленно. Но выбора нет. Если мы повернемся к мятежникам спиной, то они ринутся на нас лавиной. Надо брать с них плату за каждую попытку приблизиться, надо наводить страх на бесчисленных врагов.

Подарок Зовущей Бурю стал для нас самой надежной защитой. Ветреный край и в лучшие-то времена дик и суров – плоский, бесплодный и сухой. Здесь никто не живет, и песчаные бури тут самое обычное дело. Но никогда еще не видел он такой бури, что ревела час за часом, день за днем, стихая лишь ночью. Она делала Ветреный край адом для любого живого существа, но при этом не давала погибнуть Отряду.

Теперь нас было около трех тысяч, и мы отступали перед смертельной волной, захлестнувшей Лорды. Отказавшись разделить, наше маленькое братство превратилось в ядро, которое стало обрастать другими беглецами, едва Капитан организовал наш прорыв через линии осаждающих. Мы сделались мозгом и нервами бегущей призрачной армии. Сама Госпожа временно подчинила Капитану всех имперских офицеров. В северной кампании только Черный Отряд смог добиться заметных успехов.

Кто-то вышел сзади из воя и пыли, постучал меня по плечу. Я резко обернулся. Покидать свое место в цепи обороняющихся было еще рано.

По мою душу явился Ворон. Капитан догадался, где можно меня найти.

Вся голова Ворона была обмотана тряпками. Я прищурился, заслонив ладонью глаза. Ворон прокричал что-то вроде «Ея оот ката». Я потряс головой. Он ткнул пальцем куда-то назад, вцепился в меня, подтянул к себе и прокричал в ухо:

– Тебя зовет Капитан.

Я кивнул, отдал Ворону лук и стрелы и, склонившись, двинулся навстречу ветру и песку. Оружия не хватало. Мы собирали стрелы мятежников, прилетевшие из-за бурой пыльной завесы.

Шарк, шарк, шарк. Я шел, опустив голову, скорчившись и почти закрыв глаза, и на макушке рос слой песка. Встречаться с Капитаном не хотелось. Он не скажет ничего такого, что я хотел бы услышать.

Ко мне подкатился большой куст, едва не сбил с ног. Я рассмеялся. С нами идет Меняющийся, и мятежники зря выпускают немало стрел, когда куст приблизится к ним. На каждого из нас приходится десять или пятнадцать врагов, но даже такой перевес не ослабит их страха перед Взятым.

Я брел навстречу зубастому ветру, пока не сообразил, что зашел слишком далеко – или потерял направление, а это, по сути, одно и то же. Уже готов был сдаться, но тут достиг чудесного островка спокойствия. Я по инерции пробежал несколько шагов в этой зоне отсутствия ветра и едва не рухнул. В ушах все еще слышался рев бури – они отказывались поверить в тишину.

Внутри безветренного пространства тесно, колесо к колесу, катились тридцать фургонов; большинство из них перевозило раненых. Фургоны окружала тысяча человек, устало бредущих на юг. Глядя под ноги, они со страхом ждали своей очереди сменить кого-нибудь в арьергардной цепи. Не было слышно ни разговоров, ни смеха. Эти люди видели слишком много поражений, они следовали за Капитаном по той единственной причине, что он давал шанс выжить.

– Костоправ! Сюда! – С правого фланга линии фургонов мне замахал рукой Лейтенант.

Капитан походил на залегшего в спячку медведя, которого разбудили раньше времени. Седые волосы на висках топорщились, кожа на лице обвисла, а глаза утонули в темных глазницах. Он будто пережевывал слова, перед тем как выплюнуть.

– Кажется, я приказывал тебе никуда не отлучаться, – произнес он с бесконечной усталостью.

– Настала моя очередь...

– Костоправ, тебя это не касается. Дай-ка я попробую повторить самыми простыми словами, чтобы понял даже ты. Нас три тысячи. Мы постоянно в боевом соприкосновении с мятежниками. И у нас только один недоделанный шаман и один настоящий врач, чтобы позаботиться обо всех. Половина энергии Одноглазого уходит на то, чтобы сохранять этот островок спокойствия. Вот и получается, что все медицинские заботы ложатся на твои плечи. А следовательно, ты не должен рисковать в арьергардных стычках. Ни под каким предлогом.

Я хмуро смотрел поверх его левого плеча, разглядывал вихри песка вокруг зоны спокойствия.

– До тебя дошло, Костоправ? Я ценю твою преданность Анналам и стремление оказаться в самой гуще событий, но...

Я кивнул, потом обвел взглядом фургоны и их печальный груз. Так много раненых, и так мало я могу для них сделать. Капитану не понять, какую беспомощность я испытываю из-за этого зрелища. Я могу лишь зашивать раны, молиться да облегчать страдания тех, кто уходит в мир иной. Да еще выгружать их, освобождая место для следующих.

Очень многие остались бы в живых, располагай я временем, умелыми помощниками и условиями для нормальных операций. А почему я полез в арьергард? Да потому что там от меня есть какая-никакая польза, там я могу отвечать нашим мучителям ударом на удар.

– Костоправ! – рыкнул Капитан. – Похоже, ты меня не слушаешь.

– Да я все понял. Нахожусь здесь и занимаюсь шитьем.

– Не надо раскисать. – Он дотронулся до моего плеча. – Душелов сказал, что завтра мы доберемся до Лестницы Слез. И тогда сделаем то, чего нам больше всего хочется, – раскрасим нос Твердецу.

Твердец стал у мятежников главнокомандующим.

– А он не сказал, как мы собираемся это сделать, если у них такое численное превосходство?

Капитан нахмурился и зашагал по-медвежьи, вперевалку, составляя в уме ободряющий ответ.

Разве способны три тысячи потерпевших поражение, выдохшихся солдат повернуть вспять вкусившую победу орду Твердеца? Да никогда. Даже с поддержкой трех из Десяти Взятых.

– Пожалуй, нет, – фыркнул я.

– Впрочем, это не по твоей части, верно? Душелов ведь не подвергает сомнению правильность твоих хирургических процедур? Тогда с какой стати ты полез в стратегию?

– Неписанный закон всех армий, Капитан, – ухмыльнулся я. – Рядовым дано право сомневаться в ясности рассудка и компетентности своих командиров. Это цемент, не позволяющий армии развалиться.

Низкорослый Капитан на ходу взглянул на меня из-под кустистых бровей:

– Говоришь, не позволяет развалиться? А ты знаешь, что заставляет ее двигаться?

– Что же?

– Такие, как я, кто дает пинка в зад таким, как ты, когда они начинают философствовать. Надеюсь, ты понял намек.

– Вроде понял.

Я отошел, достал из фургона свою медицинскую сумку и принялся за работу. Поступило несколько новых раненых.

Творение Зовущей Бурю продолжало охлаждать пыл мятежников.

Я устало брел вперед, ожидая очередного вызова, когда из песчаных вихрей вынырнул Эльмо. Сержанта я не видел несколько дней. Заметив, что он направляется к Капитану, я тоже подошел поближе.

– ...Обойти нас справа, – говорил Эльмо. – Наверное, пытаются первыми достичь Лестницы. – Увидев меня, он приветственно поднял руку.

Та дрожала, и вообще он едва с ног не падал от усталости. Как и Капитан, он почти не отдыхал с того дня, как мы вошли в Ветренный край.

– Собери роту из резерва, обойди противника с фланга, – распорядился Капитан. – Врежь покрепче и отскочи. Такого они не ожидают, и это их ошеломит. Пусть гадают, что мы задумали.

– Есть. – Сержант повернулся, чтобы уйти.

– Эльмо...

– Да, Капитан.

– Будь поосторожнее. И силы побереги. Нам идти всю ночь.

В глазах смертельно усталого Эльмо читалась мука, но он не стал обсуждать приказ. Хороший солдат. К тому же он, как и я, знал, что эти приказы Капитан не выдумывал по собственной прихоти. Они поступали сверху. Возможно, из самой Башни.

Сгустившаяся тем временем мгла принесла хрупкое перемирие. В темноте все стычки прекращались. Солдаты обеих армий так выматывались за день, что после прихода ночи не испытывали желания сделать лишний шаг.

Но это не значит, что они не тащились дальше – хоть бы и на карачках, касаясь задницей пяток. Высокое начальство выжимало из нас последние капли сил, надеясь добиться тактического преимущества. Занять ночью Лестницу, закрепить там – и пусть мятежники наступают из вечной бури. Разумно. Но приказ на подобный маневр мог отдать только штабной генерал, сидя в кресле за триста миль от поля боя.

– Ты слышал приказ? – спросил меня Капитан.

– Да. На мой взгляд, дурацкий.

– Я согласен со Взятым, Костоправ. Переход окажется более легким для нас и более трудным для мятежников. Ты понял?

– Да.

– Тогда не путайся под ногами. Полезай в фургон и поспи.

Я побрел прочь, проклиная невезуху, лишившую нас большинства лошадей. Боги! Я уже староват, чтобы преодолевать пешком такие расстояния.

Советом Капитана, хоть он и был разумен, я не воспользовался. Я был слишком взвинчен, чтобы уснуть, а перспектива ночного перехода меня и вовсе потрясла.

Я бродил, разыскивая старых друзей. Солдаты Отряда рассеялись среди прочих, обеспечивая выполнение приказов Капитана. Многих я не видел еще с Лордов и даже не знал, живы ли они вообще.

Мне удалось найти лишь Гоблина, Одноглазого и Молчуна. Сегодня Гоблин и Одноглазый были не общительнее Молчуна, и одно это красноречиво свидетельствовало о нашем моральном духе.

Вся троица еле тащилась, не отрывая глаз от сухой земли и лишь изредка делая пару жестов или бормоча несколько слов, чтобы поддержать целостность окружающего нас купола спокойствия. Некоторое время я брел рядом с ними, затем попытался растопить лед:

– Привет.

Гоблин что-то буркнул. Одноглазый одарил меня двухсекундным злобным взглядом. Молчун и вовсе не заметил моего присутствия.

– Капитан сказал, что нам предстоит идти всю ночь, – сообщил я, желая, чтобы кто-нибудь разделил мое уныние.

Гоблин спросил взглядом, зачем я бессовестно лгу. Одноглазый пробормотал что-то насчет жаб, в которых надо превращать такую сволочь.

– Сволочь, которую ты собираешься превратить в жабу, зовут Душелов, – с хитрым видом сказал я.

– Пожалуй, я на тебе потренируюсь, Костоправ. – Для доходчивости он добавил злобный взгляд.

Одноглазого тоже не обрадовала перспектива ночного марша, поэтому Гоблин принялся немедленно восхвалять гений человека, которого осенила такая идея. Но его энтузиазм оказался настолько слаб, что Одноглазый не заглотил наживку.

Я попробовал еще раз:

– У вас, ребята, кислый видок, под стать моему настроению.

Мимо. Даже головы никто не повернул.

– Ну, будь по-вашему. – Я тоже понурился, зашаркал и отключил мозги.

Потом за мной пришли: нужно было позаботиться о раненых из отряда Эльмо. Их оказалась дюжина, последняя партия на сегодня. Мятежники тоже выдохлись – нельзя же все время поддерживать в себе готовность победить или погибнуть.

Под пологом бури быстро наступила темнота. Мы занимались обычными делами: оторвались немного от мятежников, выждали, когда стихнет буря, разбили лагерь и развели костры, срубив поблизости все чахлые кусты. Только на сей раз отдых выдался коротким – пока на небе не зажглись звезды. Они уставились на нас, ехидно подмигивая, словно говорили, что пот и кровь пролиты напрасно, что о наших подвигах и свершениях через тысячу лет никто и не вспомнит.

Подобные мысли возникали у каждого. Не осталось ни идеалов, ни жажды славы. Хотелось лишь добрести куда-нибудь, лечь и позабыть о войне.

Но война не забывала про нас. Решив, что мятежники поверили, будто мы разбили лагерь на всю ночь, Капитан приказал двигаться дальше. Колонна фургонов медленно поползла по освещенной луной пустыне.

Проходили часы, а мы словно стояли на месте. Местность не менялась. Время от времени я оборачивался полюбоваться бурей, которую Зовущая напустила на лагерь мятежников. Тем-

ное облако раздирали вспышки молний – с такой яркой стихией противнику еще не приходилось сталкиваться.

Лестница Слез материализовалась из темноты столь медленно, что я лишь через час понял: это именно перевал, а не повисшая над самым горизонтом полоса облаков. Когда равнина сменилась склоном, звезды уже бледнели, а небо на востоке посветлело.

Лестница Слез представляет собой гряду зазубренных скал, без преувеличения непреодолимых, за исключением единственного крутого перевала, из-за которого она и получила свое имя. Предгорье плавно поднимается, пока не упирается в высоченные обрывы из красного песчаника, тянущиеся в обе стороны на сотни миль. В лучах восходящего солнца они напоминают потрепанные временем бастионы крепости какого-нибудь великана.

Колонна втянулась в перегороженный осыпью каньон, а потом стояла, пока для фургонов расчищали путь. Я взобрался на вершину обрыва – понаблюдать за бурей. Она двигалась в нашу сторону.

Успеем ли пройти, пока не догнал Твердец?

Осыпь была свежей, она перекрыла всего четверть мили дороги. За ней начинался путь, по которому ходили караваны, пока война не прервала торговлю.

Я вновь посмотрел на бурю. Твердец держал хороший темп. Должно быть, его гнала вперед злость. Он не намеревался отступить. Мы убили его шурина, и его двоюродная сестра была Взята тоже не без нашей помощи...

Я уловил движение на западе. В сторону Твердеца плыла целая гряда жуткого вида грозовых туч, они рычали друг на дружку. Завертелась воронка смерча, отделилась от туч и поползла в сторону песчаной бури. Взятая решила не церемониться.

Но Твердец оказался упрямым, он наступал, несмотря ни на что.

– Эй, Костоправ! – крикнул кто-то. – Пошли.

Я посмотрел вниз. Фургоны уже преодолели худший участок оползня. Пора идти.

Из покрова грозовых туч вылетел второй смерч. Мне стало немного жаль солдат Твердеца.

Вскоре после того, как я присоединился к колонне, земля содрогнулась. Утес, на котором я недавно стоял, дрогнул, застонал и обрушился на дорогу лавиной обломков. Еще один подарок Твердецу.

До новых позиций мы добрались незадолго до заката. Наконец-то пригодная для человека местность! Настоящие деревья. Журчащий ручей. Те, у кого еще оставались силы, начали окапываться или готовить еду, остальные рухнули там, где остановились. Капитан не стал на нас давить. В тот момент лучшим лекарством был самый обыкновенный отдых.

Я заснул мертвым сном. На рассвете меня разбудил Одноглазый.

– Принимайся за работу, – сказал он. – Капитан велит развернуть госпиталь. – Он скривил физиономию, хотя и без того она была похожа на сушеную сливу. – Вроде к нам движется подмога из Чар.

Я застонал, выругался и встал. Каждый мускул одеревенел, каждый сустав ныл.

– Когда мы окажемся в очаге цивилизации, где есть таверны, напомни, чтобы я поднял тост за вечный мир, – пробормотал я. – Знаешь, Одноглазый, я готов подать в отставку.

– А кто из нас не готов? Но ведь ты летописец, Костоправ. Вечно тычешь нас носом в традиции. И прекрасно знаешь, что из Отряда можно уйти только двумя путями: мертвым или ногами вперед. Так что плесни себе водички на морду и принимайся за работу. А у меня есть дела поважнее, чем изображать няньку.

– Умеешь ты с утра развеселить.

– Да я само веселье.

Одноглазый топтался неподалеку, пока я пытался мало-мальски привести себя в порядок.

Лагерь постепенно оживал. Ворча и сквернословя, солдаты ели и смывали с себя пыль пустыни. Некоторые даже переговаривались. Мало-помалу войско восстанавливало силы.

Офицеры и сержанты осматривали склон, искали выгодные для обороны участки. Выходит, именно здесь, по замыслу Взятых, мы должны преградить врагу путь.

Место удачное: часть перевала, которому Лестница обязана названием, представляет собой подъем в тысячу двести футов, откуда открывается вид на лабиринт каньонов. Старинная дорога выписывает на склоне бесчисленные зигзаги, отчего издали смахивает на гигантскую кривобоковую лестницу.

Призвав на помощь десяток солдат, мы с Одноглазым начали перемещать раненых в тихую рощу, находившуюся выше по склону и на порядочном удалении от возможного места битвы. Потратили час, устраивая их поудобнее и готовясь к приему новых калек.

– Что это? – вдруг спросил Одноглазый.

Я прислушался. Суета в лагере стихла.

– Что-то происходит, – предположил я.

– Ты невероятно догадлив, – сообщил Одноглазый. – Наверное, прибыли люди из Чар.

– Пойдем взглянем. – Я вышел из рощи и зашагал вниз по склону, к палатке Капитана.

Вновь прибывших я увидел, едва миновал опушку рощи.

Их было около тысячи: половина – воины из личной гвардии Госпожи, в яркой форме, а остальные, очевидно, обозники. Цепочка фургонов и стадо скота порадовали нас куда больше, чем подкрепление.

– Сегодня вечером будет пир, – крикнул я спускавшемуся следом Одноглазому.

Радостная улыбка на его лице – явление столь же редкое, как и сказочный куриный зуб, и, без сомнения, достойное занесения в Анналы.

Вместе с батальоном гвардейцев к нам прибыл Взятый по имени Висельник, поразительно высокий и тощий. Голова у него была постоянно склонена набок, а шея распухла и посинела от объятий петли. На лице застыло выражение человека, умершего от удушья. Я предположил, что ему трудно говорить.

То был пятый увиденный мною Взятый – после Душелова, Хромого, Меняющего и Шепот. Крадущегося я не встретил, потому что не был в Лордах, а Зовущую Бурю так и не увидел, хотя она отступала вместе с нами. Висельник отличался от прочих Взятых – те обычно что-нибудь носили, пряча лицо и голову. Все они, за исключением Шепот, провели несколько веков в могиле, и это не пошло на пользу их внешности.

Душелов и Меняющий вышли поприветствовать Висельника. Капитан стоял неподалеку спиной к ним и лицом к командиру гвардейцев. Я приблизился, надеясь подслушать.

Гвардеец был угрюм, потому что оказался под началом у нашего Капитана. Никому из офицеров регулярной армии не нравилось получать приказы от заморского наемника.

Я бочком подобрался поближе к Взатым. И обнаружил, что не могу понять ни слова из их беседы. Они говорили на теллекурре – языке, умершем вместе с Владычеством.

Кто-то легко коснулся моей руки. Вздрогнув, я опустил голову и посмотрел в широко распахнутые карие глаза Душечки, которую не видел уже несколько дней. Девочка быстро шевелила пальцами. Я уже научился разбирать язык жестов и сообразил: она хочет что-то показать.

Душечка привела меня к палатке Ворона, стоявшей недалеко от палатки Капитана, залезла туда и вернулась с деревянной куклой. Игрушка была вырезана с любовью. Не взялся бы угадать, сколько часов Ворон на нее потратил. И как он ухитрился найти такую уйму свободного времени?

Душечка вновь зашевелила пальцами, только медленнее, чтобы мне было легче понять, – я еще не мог назвать себя знатоком подобного способа общения. Она сообщила, что куклу, как я и предположил, сделал Ворон и что теперь он шьет одежду. Девочка считала, что обладает великим сокровищем. И немудрено – если вспомнить деревню, где мы нашли этого ребенка.

Странный поступок для Ворона, всегда мрачного, холодного и молчаливого. Мне-то казалось, что он знает лишь одно применение ножу – самое что ни на есть зловещее.

Мы с Душечкой пообщались несколько минут. Ее мысли были восхитительно прямолинейны и свежи по контрасту с миром, наполненным злобными, лицемерными, непредсказуемыми и вечно интригующими существами.

Мое плечо сжала чья-то рука – одновременно сердито и приветливо.

– Тебя ищет Капитан.

Глаза Ворона блеснули, как осколки обсидиана под молодой луной. Он притворился, будто не видит куклу. А ведь ему нравится обращаться с другими грубовато, понял я.

– Иду, – сказал я и попрощался с Душечкой на языке жестов.

Мне было в радость учиться у нее, а она получала такое же удовольствие, обучая меня. Должно быть, это наполняло ее ощущением собственной нужности. Капитан даже подумывал о том, чтобы весь Отряд выучил ее пальцевый язык – это стало бы ценным дополнением к нашему традиционному, но довольно скромному набору боевых сигналов.

Когда я прибыл, Капитан метнул в меня мрачный взгляд, но отчитывать не стал.

– Твои новые помощники и разные припасы вон там. Покажи людям, куда идти.

– Есть, Капитан.

Вся ответственность теперь легла на него. Никогда еще он не командовал таким большим войском, не попадал в столь неблагоприятные условия, не получал невыполнимых приказов и не глядел в будущее с полной неуверенностью. С его точки зрения все выглядело так, словно нами решили пожертвовать, лишь бы выиграть время.

Мы, Отряд, идем в бой без особого энтузиазма. Но всяческими хитростями Лестницу Слез не удержать.

Похоже, нам конец.

Никто не споет песню в память о нас. Мы последние из Вольных Отрядов Хатовара. Наши традиции и воспоминания живут только в этих Анналах. Скорбеть о нас можем только мы сами.

С одной стороны – Отряд, с другой – весь мир. Так было, так есть, так будет.

Госпожа прислала мне в помощь двоих опытных военных хирургов, десяток стажеров с различной степенью умения и несколько фургонов, набитых медицинскими припасами. Меня переполняла благодарность: теперь есть шанс спасти от гибели немало раненых.

Я привел помощников в рощу, объяснил свои методы работы и поручил заботиться о пациентах. Убедившись, что полными невеждами этих людей не назовешь, я покинул импровизированный госпиталь.

Меня снедало беспокойство. Нисколько не нравилось происходящее с Отрядом. Слишком много новичков, слишком большая ответственность. Прежних близких отношений как не бывало. Когда-то я встречался с каждым из наших ежедневно, теперь же вспоминал имена братьев, которых не видел со дня схватки под Лордами. Я даже не знал, в строю ли они, мертвы или попали в плен. Меня безумно угнетало, что некоторые из них потеряны навсегда и им суждено остаться забытыми.

Отряд – это семья. Без нашего братства он ничто. А нынче, когда вокруг столько новых северных лиц, главной силой, сохраняющей Отряд как единое целое, стали отчаянные попытки братьев восстановить семейную теплоту наших отношений. Следы этих усилий отпечатались на каждом лице.

Я пришел на один из сторожевых постов, неподалеку от которого ручей водопадом изливался в каньон. Далеко-далеко внизу, ниже тумана, поблескивал пруд. Из него в сторону Ветреного края бежал тонкий ручеек, начиная путешествие без надежды достичь цели. Я обвел взглядом хаотическое нагромождение песчаниковых башен и куртин. Грозовые тучи, рокоча

и посверкивая мечами молний, все еще заплотняли небо над пустыней, напоминая о том, что враг совсем рядом.

Твердец приближался, презрев грохочущую магию Зовущей. Я предположил, что столкновение произойдет завтра. Интересно, сильно ли потрепала противника гроза? Наверняка недостаточно, и нам придется туго.

Я заметил крупную фигуру в коричневом, ковыляющую по дороге вниз, к пустыне. Меняющий пошел попрактиковаться в наведении суматохи. Он может проникнуть в лагерь мятежников в облике одного из них, колдовски отравить еду в котлах или подпустить болезнь в питьевую воду. Он обернется тенью во мраке, которой боятся все люди, и будет приканчивать недругов по одному, оставляя после себя истерзанные останки, при виде которых живые исполнятся ужаса. Завидуя ему, я не мог избавиться от отвращения.

Над костром мигали звезды. Он успел прогореть до углей, пока мы, несколько ветеранов, развлекались тонком. Мой выигрыш был скуден.

– Выхожу из игры, пока есть прибыль, – сказал я. – Кто хочет на мое место?

Я размял затекшие ноги, отошел в сторонку, уселся у бревна и посмотрел на небо. Звезды казались веселыми и приветливыми.

Воздух был прохладен, свеж и неподвижен. В лагере все стихло. Убаюкивающе пели кузнечики и ночные птицы. С трудом верилось, что очень скоро это место превратится в поле боя. Я поерзал, устраиваясь поудобнее, и стал высматривать падающие звездочки, твердо решив насладиться покоем. Не исключено, что больше мне его испытать не доведется.

Костер выплюнул искры и затрещал – кто-то все же решил встать и подбросить дров. Разгорелось пламя, повеяло смолистым дымком, на сосредоточенных лицах игроков заплясали тени. Одноглазый сидел насупившись, потому что проигрывал. Лягушачий рот Гоблина был растянут в улыбке, которую он сам не замечал. Лицо Молчуна оставалось бесстрастным – ведь он Молчун. Эльмо напряженно размышлял и, хмурясь, прикидывал свои шансы. Физиономия Весельчака была кислее обычного. Приятно было увидеть его вновь – я боялся, что он погиб под Лордами.

Небо перечеркнул лишь один крошечный метеорит. Я отрешенно закрыл глаза и вслушался в биение собственного сердца. Твердец-идет-Твердец-идет, говорило оно, имитируя поступь приближающихся легионов.

– Тихо нынче, – заметил Ворон, усаживаясь рядом со мной.

– Затишье перед бурей, – отозвался я. – Какую кашу заваривают для нас великие и могучие?

– Много споров. Капитан, Душелов и тот, новый, дают всем наболтаться всласть. Пусть облегчат душу. Кто выигрывает?

– Гоблин.

– А Одноглазый не сдает втихаря из-под колоды?

– Пока что мы его не застукали на мухлеже.

– Я все слышал, Ворон, – прорычал Одноглазый. – Когда-нибудь я тебя...

– Знаю-знаю. Раз – и я стану королем лягушек. Костоправ, ты не забирался наверх после наступления темноты?

– Нет. А зачем?

– На востоке появилось нечто необычное. Похоже на комету.

У меня екнуло сердце. Я быстро подсчитал в уме:

– Пожалуй, ты прав. Ей уже пора возвращаться.

Я встал, Ворон тоже, и мы вместе зашагали вверх по склону.

Каждое важное событие в саге о Госпоже и ее муже имело предвестника в облике кометы. Бесчисленные пророки мятежников предсказывали, что власть Госпожи падет, когда комета

появится в небе. Но самые опасные пророчества говорили о ребенке, который станет реинкарнацией Белой Розы. Круг тратил и до сих пор тратит немало сил, пытаясь отыскать это дитя.

Ворон привел меня на уступ, откуда были видны звезды, низко висящие над восточным горизонтом. И точно, по небу перемещалось нечто похожее на наконечник стрелы. Я долго смотрел, потом заметил:

– Кажется, острие указывает на Чары.

– Вот и мне так кажется. – Ворон немного помолчал. – Я не очень высокого мнения о пророчествах, Костоправ. Слишком уж они смахивают на предрассудки. Но эта комета мне не нравится.

– Подобные пророчества ты слышал всю жизнь. Я бы удивился, если бы они не коснулись твоего воображения.

Он хмыкнул, не удовлетворившись моим ответом:

– Висельник привез новости с востока. Шепот взяла Ржу.

– Хорошие новости, просто прекрасные. – Я приправил слова сарказмом.

– Она взяла Ржу и окружила армию Балабола. У нас появилась возможность к лету вернуть весь восток.

Мы стояли лицом к каньону. Несколько отрядов из авангарда Твердеца уже подошли к началу извилистой дороги, что вела на перевал. Зовущая Бурю перестала колошматить противника грозами и молниями – нужно было подготовиться к отражению штурма.

– Получается, что вся ответственность ложится на нас, – прошептал я. – Мы обязаны остановить противника здесь, или все обрушится, когда к нам проберутся через черный ход.

– Возможно. Но даже в случае нашей неудачи не сбрасывай со счетов Госпожу. Мятежники еще не сталкивались лицом к лицу с ней. Каждая миля на пути к Башне усугубит их страх. Их ждет неминуемое поражение, если только они не отыщут ребенка, упоминаемого в пророчествах.

Мы смотрели на комету. Она была еще очень и очень далека, едва различима. И скроется не скоро, и до ее исчезновения прогремит немало великих сражений.

– Наверное, не стоило показывать мне комету, – поморщился я. – Теперь эта жуть будет сниться.

Лицо Ворона озарилось улыбкой, что бывало крайне редко.

– Пусть лучше тебе приснится наша победа, – сказал он.

– Мы заняли оборону высоко в горах, – приступил я к изложению вымышленного сна. – Твердецу пришлось гнать солдат по длинной извилистой дороге, одолевать подъем в тысячу двести футов. И они, взобравшись сюда, стали для нас легкой добычей.

– Ври, да не завирайся, Костоправ. Я иду спать. Удачи тебе завтра.

– И тебе того же, – пожелал я.

Завтра Ворон окажется в самой гуще событий. Капитан поручил ему командовать батальоном ветеранов регулярной армии. Они будут держать фланг, сметая врага с дороги стрелами.

Мне все же приснился сон, но совершенно неожиданный. В нем явилось колышущееся золотое существо. Оно зависло надо мной, светясь, подобно скоплению далеких звезд. Я не понял, сплю или нет, но остался неудовлетворен в любом из вариантов. Все же рискну назвать видение сном, потому что это наиболее подходящее слово. Не хочется думать, что Госпожа проявила ко мне повышенный интерес.

Во всем виноват я сам. Все фантазии о Госпоже оказались семенами, упавшими на плодородную почву моего воображения. И в самонадеянности этим снам не откажешь. Госпожа прислала свой призрачный дух, чтобы успокоить глупого, измотанного войной и оробевшего солдата? Во имя небес, почему?

Так вот, это сияние воспарило надо мной и стало произносить успокаивающие слова, чуточку приправленные весельем: «Не бойся, Верный мой. Лестница Слез вовсе не ключ к империи. Пусть даже ее захватят – не беда. Моему Верному нечего опасаться. А Лестница – лишь путевой столб на дороге, ведущей мятежников к гибели».

Было сказано немало других загадочных фраз, причем весьма интимных. Это были отражения моих безумнейших фантазий. А в конце – на мгновение – из золотого сияния выглянуло лицо. Столь прекрасного женского лица я никогда в жизни не видел, хотя и не могу сейчас его вспомнить.

На следующее утро, за хлопотами в госпитале, я рассказал об этом сне Одноглазому.

– У тебя слишком богатое воображение, – буркнул он, пожимая плечами.

Одноглазый был очень занят – ему не терпелось выполнить все поручения и убраться. Любую работу он на дух не выносит.

Закончив свои дела, я побрел в главный лагерь. Голова была тяжелой, настроение паршивым. Сухой и прохладный горный воздух бодрил куда меньше, чем хотелось бы.

Настроение у солдат было таким же дрянным, как и у меня. Внизу на склоне перемещались подразделения Твердеца.

Победа в бою отчасти рождается из глубокой уверенности в том, что она неизбежна, какой бы скверной ни казалась ситуация. Эту уверенность Отряд сохранял в любых передрыгах. Мы непременно находили способ пустить мятежникам кровь, даже когда армии Господи отступали. Но теперь наша убежденность дала трещину.

Форсберг, Розы, Лорды и еще десяток не столь тяжелых поражений. Поражение – обратная сторона победы. Нас преследовал тайный страх: несмотря на очевидные преимущества позиции на перевале, несмотря на поддержку Взятых, что-нибудь обязательно пойдет наперекосья.

Возможно, командование само создавало такое настроение – или Капитан, или даже Душелов. Не исключено также, что боевой дух падал сам собой, как это уже было однажды.

Рядом со мной по склону спускался Одноглазый – унылый, мрачный, ворчащий под нос и ищущий драки, на худой конец – скандала. Тут ему и подвернулся Гоблин.

Этот соня только что выполз из-под одеяла, раздобыл тазик с водой и приступил к водным процедурам – он у нас педантичный старый хрыч. Одноглазый не упустил возможности выместить свое гадкое настроение. Он тут же забормотал незнакомые мне слова и причудливо задергался, изображая нечто вроде смеси балетного танца с воинственной пляской дикарей.

И вода в тазике у Гоблина изменилась.

Мой нос учуял эту перемену с расстояния аж в двадцать футов. Тазик был заполнен чем-то зловеще-коричневым, на поверхности плавали тошнотворные зеленые комки. Страшно даже глядеть, не то что притрагиваться.

Гоблин, сохраняя величавость и достоинство, встал и обернулся. Несколько секунд он смотрел в глаза злорадно ухмыляющемуся Одноглазому, затем отвесил поклон. Когда он выпрямился, его лицо украшала широченная лягушачья улыбка. Распахнув пасть, Гоблин испустил жуткий душераздирающий вопль, от которого содрогнулась земля.

Колдуны сорвались с цепи, и горе тому дураку, что встанет между ними.

Одноглазого кольцом окружили какие-то тени и тут же, извиваясь, расползлись во все стороны тысячей рассерженных змей. Заплясали призраки, что лезли из-под камней, прыгали с деревьев и выныривали из кустов.

Призраки попискивали, повизгивали, хихикали и преследовали порожденных Одноглазым змей.

Ростом они были около двух футов и здорово смахивали на Одноглазого, только с куда более уродливыми физиономиями и с задницами, как у самок бабуинов в брачный сезон. Только не спрашивайте, что эти твари вытворяли с пойманными змеями, – все равно не скажу.

Ошарашенный Одноглазый аж подпрыгнул. Он ругался, визжал и пускал пену изо рта. У нас, ветеранов Отряда, и прежде наблюдавших за этими битвами мартовских котов, не возникало и сомнения в том, что Гоблин заранее все подстроил и лишь ждал момента, когда Одноглазый нарушит перемирие.

Впрочем, это оказался тот редкий случай, когда у Одноглазого был наготове и второй залп.

Змеи исчезли, а из кустов, из-под камней и с деревьев, извергнувших отпрысков Гоблина, теперь повалили гигантские глянцевиито-зеленые навозные жуки. Они набросились на гоблиновских тварей и, перекатывая, словно комки навоза, принялись сбрасывать их с утеса.

Стоит ли говорить, что шум и суматоха привлекли целую толпу зрителей. Ветераны, давно полюбившие эту бесконечную дуэль, хохотали от души. Наше веселье передавалось и новичкам, едва до них доходило, что волшебники не взбесились по-настоящему.

Краснозадые призраки Гоблина пускали корни, не желая, чтобы с ними обращались как с навозом. Вскоре они превратились в гигантские хищные растения со слюнявыми пастями, весьма уместные в качестве обитателей привидевшихся в кошмарном сне джунглей. По всему склону захрустело и зачавкало – растительные челюсти перемалывали панцири жуков. Помните, как у вас по спине бегали мурашки, когда вы давили крупного таракана? Теперь это мерзкое чувство, только тысячекратно усиленное наглядной демонстрацией упомянутого процесса, разом охватило всех зрителей, заставляя их непроизвольно вздрагивать. На мгновение даже Одноглазый оцепенел от страха.

Я огляделся. Присоединившийся к зрителям Капитан довольно улыбался, наблюдая за схваткой, и эта улыбка была драгоценностью более редкой, чем яйцо птицы рух. Зато у его спутников, армейских и гвардейских офицеров, вид был совершенно ошарашенный.

Кто-то по-приятельски присоседился ко мне. Я скосил глаза и увидел, что стою плечом к плечу с Душеловом. Вернее, локтем к плечу – Взятый не отличался высоким ростом.

– Забавно, да? – спросил он одним из тысячи своих голосов.

Я нервно кивнул.

Одноглазый содрогнулся всем телом, вновь высоко подпрыгнул, завыл и шлепнулся на землю, суча руками и ногами, словно эпилептик.

Уцелевшие жуки сбились в две копошащиеся кучи, откуда доносилось сердитое клацанье мандибул и сухое шуршание хитиновых панцирей. Из каждой кучи потянулись толстые жгуты бурого дыма, они гнулись и переплетались, пока не превратились в занавес, заслонивший насекомых. Потом дым сжался в упругие шары, и те стали подскакивать, всякий раз поднимаясь все выше. В очередном прыжке они зависли, медленно дрейфуя по ветру, и выпустили отростки, вскоре превратившиеся в корявые пальцы.

Перед нашими глазами образовались в воздухе узловатые клешни Одноглазого, только увеличенные в сотню раз. Эти руки сразу принялись выпалывать посаженный Гоблином сад монстров, вырывая растения с корнями и завязывая стебли изящными и сложными морскими узлами. Результатом сего рукоделия стал все удлиняющийся плетеный канат.

– А они талантливее, чем выглядят, – заметил Душелов. – Жаль только этот талант тратится на всякие глупости.

– Ну не знаю, – пожал я плечами.

Представление подбодрило нас. Ощувив смелость, что придавала мне сил в тяжелый час, я добавил:

– Такое волшебство люди могут оценить, чего не скажешь о жестокой и навязчивой магии Взятых.

Черный морион Душелова на несколько секунд повернулся в мою сторону, и даже померещилось пламя, вспыхнувшее за узкими прорезями для глаз. Но потом я услышал девчоночий смех:

– Ты прав. Мы сами переполнены тем страхом, тоской и унынием, что нагоняем на чужие армии. Эмоциональная палитра нашей жизни блекнет быстро.

Как странно, подумал я. Рядом со мной стоит Взятый с трещиной в броне. Душелов отодвинул один из занавесов, скрывающих свою сущность.

Живущий во мне летописец сразу почуял запах тайны – но не успел придумать наводящий вопрос.

Душелов опередил меня, словно прочитав мысли:

– У тебя сегодня ночью были гости?

Азарт летописца как рукой сняло.

– Я видел странный сон. О Госпоже.

Душелов хохотнул глубоким рокошущим басом. Эта постоянная смена голосов способна устроить даже самых стойких. У меня возникло желание защищаться. Да и дружелюбие Взятых тоже тревожило.

– Я думаю, она благосклонна к тебе, Костоправ. Какая-то мелкая черта твоего характера завладела ее воображением, равно как и твое воображение – в плену у нее. И что же она тебе сказала?

Внутренний голос предупредил насчет осторожности. Душелов задавал вопросы неприкрытым и сочувствующим тоном, но все же в них ощущалась некая напряженность, а значит, они были не столь уж и безобидны.

– Так, просто ободрила, – ответил я. – Дескать, Лестница Слез не настолько важное звено в ее планах. Но то был всего лишь сон.

– Конечно. – Похоже, Душелов удовлетворился моим ответом. – Только сон. – Но произнесены эти слова были женским голосом, которым Душелов пользовался лишь в самые серьезные моменты.

Вокруг меня охали и ахали. Я повернулся взглянуть, как идет состязание.

Кусачие растения Гоблина превратились в гигантскую воинственную медузу. Бурные руки дергались, стиснутые ее щупальцами, и тщетно пытались освободиться. А над краем обрыва, наблюдая, парило огромное розовое лицо, окаймленное рыжими космами. Один глаз был полуприкрыт из-за синевато-багрового шрама. Я нахмурился, сбитый с толку.

– Кто это?

Я знал, что ни Гоблин, ни Одноглазый не создавали эту физиономию. Неужели в игру вступил Молчун – просто чтобы показать, на что он способен?

Душелов весьма правдоподобно изобразил крик умирающей птицы.

– Твердец! – сказал он, после чего резко повернулся к Капитану и взревел: – К оружию! Они идут.

Через несколько секунд солдаты уже мчались на свои позиции. О схватке между Гоблином и Одноглазым теперь напоминали только ключья тумана, медленно дрейфующие к злобной физиономии Твердеца. Там, где они достигали цели, как будто вскакивал очередной отвратительный прыщ.

«Неплохой щелчок по его репутации, – подумал я, – только не вздумайте, парни, задрать нос. Он не в игрушки играет».

Словно раскаты далекого грома, от стен каньонов отразились звуки горнов и барабанов, – это противник отреагировал на нашу суматоху.

Мятежники весь день пощипывали оборону Отряда, но было ясно, что это не всерьез, они лишь тычут на пробу палкой в осиное гнездо. Твердец прекрасно понимал, сколь трудная эта задача – штурмовать Лестницу. Напрашивалось предположение, что у него припасен для нас неприятный сюрприз.

Но вообще-то, мелкие стычки подняли наш боевой дух. Солдаты поверили, что есть шанс выстоять.

Хотя между звездами плыла комета, а внизу светила целая галактика лагерных костров, ночь избавила меня от ощущения, что Лестница – сердце этой войны. Я сидел на скальном выступе лицом к вражескому лагерю, подперев коленями подбородок, и обдумывал свежие новости, пришедшие с востока. Шепот уже осадил Стужу, разгромив перед этим армию Балабола и нанеся поражение Мошке и Тихушнику среди говорящих менгиров равнины Страха. Кажется, на востоке мятежники получили катастрофу похуже, чем мы на севере.

Но здесь ситуация могла ухудшиться. Мошка, Тихушник и Копуша присоединились к Твердецу. Были внизу и другие члены Круга Восемнадцати, пока еще не опознанные. Враги почуяли запах крови.

Я никогда не видел северного сияния, хотя знал, что мы могли бы полюбоваться им в Весле и Сделке, если бы удержали эти города до зимы. Если верить услышанному, только это нежное и причудливое свечение может сравниться с тем, что сейчас обретает форму над каньонами, в то время как огоньки вражеских костров постепенно блекнут. Очень длинные и узкие знамена, сотканые из зыбкого света, извиваясь и мерцая, потянулись к звездам. Они покачивались, словно водоросли в слабом течении, и переливались мягкими оттенками розового, зеленого, желтого и голубого. На ум пришло древнее название: Пастельные войны.

Давным-давно Отряд принимал участие в Пастельных войнах. Ну-ка, что говорится в Анналах об этих конфликтах? Всего не вспомнить, но и то, что всплыло из глубин памяти, пугает не на шутку.

Я сразу заторопился к палаткам офицеров. Нашел Душелова и поделился соображениями. Он поблагодарил меня за заботу, но добавил, что осведомлен и о Пастельных войнах, и о волшебстве мятежников, породившем это свечение. Нам не о чем тревожиться. Подобную атаку предвидели, и Висельник здесь как раз для того, чтобы она не причинила урона.

– Сядь где-нибудь и посмотри, Костоправ. Гоблин с Одноглазым уже отработали свое представление, теперь настала очередь Десяти.

Душелов излучал уверенность – одновременно сильную и зловещую, – поэтому я предположил, что мятежники угодили в ловушку, подготовленную Взятыми. Я последовал его совету и пошел назад, на свой одиночный наблюдательный пост.

Путь лежал через лагерь, встревоженный необычным зрелищем. То здесь, то там по толпе солдат пробегал шепоток страха, усиливаясь и затихая, подобно рокоту далекого прибоя.

Разноцветные полосы уплотнились, но двигались они теперь хаотичными рывками, – очевидно, на их творца оказывалось воздействие с нашей стороны. Наверное, Душелов прав и все завершится эффектным представлением для войск.

Дно каньона больше не подмигивало мне огоньками костров – оно превратилось в море мрака, поглощающего даже сияние полос. Но если для глаз работы больше не было, то для ушей хватало с избытком – акустика в каньоне была замечательная.

Твердец пошел в наступление – такой мощный топот и бряцание металла могла породить только вся его армия.

И уверенности у этого колдуна и его приближенных тоже хватало.

Светло-зеленое светящееся знамя, лениво колыхаясь, взмыло в ночь, как подхваченный ветром лоскут. Набирая высоту, полотнище бледнело, и наконец оно рассыпалось в небе умирающими искрами.

Но кто уничтожил его? Твердец или Висельник? К добру это исчезновение или к худу?

Я наблюдал за явлениями, о природе и назначении которых судить было почти невозможно. Это очень походило на дуэль опытейших фехтовальщиков – не уследить за всеми нюансами, если ты сам не знаток. По сравнению с этой схваткой дуэль Гоблина и Одноглазого смахивала на драку двух варваров с дубинами.

Мало-помалу разноцветное свечение угасало. Все-таки это заслуга Висельника. Оторвавшиеся от земли полосы не причинили нам никакого вреда.

Зато внизу приблизился источник шума.

Куда подевалась Зовущая Бурю? Мы уже довольно давно ничего о ней не слышали. Сейчас просто идеальный момент, чтобы угостить Твердеца скверной погодой.

Душелов, кажется, тоже принялся за дело. За все время, что мы служим Госпоже, нам еще ни разу не довелось увидеть, как он творит нечто по-настоящему впечатляющее. Неужели он менее могуч, чем утверждает его репутация? Или же просто приберегал силы для крайних ситуаций, которые лишь он мог предвидеть?

Внизу началось нечто новое. Стены каньона где пятнами, а где полосами засветились тускло-красным, поначалу едва заметно. Краснота понемногу разгоралась, становилась все ярче, и, лишь когда некоторые места начали размягчаться и плавиться, я, стоя на обрыве, ощутил поток горячего воздуха.

– Боги великие! – потрясенно пробормотал я.

Эта невероятная сила подтвердила все мои догадки о могуществе Взятых.

Расплавленный камень потек, образуя каверны в вертикальных стенах. Рушились скалы, дробясь на куски. Снизу донеслись крики – обреченные увидели свою неминуемую смерть. Солдаты Твердеца гибли от жара и каменных обломков.

Нет сомнений, они угодили в ведьмин котел. Но что-то меня все же насторожило. Уж слишком мало криков для такой крупной армии.

Кое-где скалы до того раскалились, что вспыхнули. Каньон яростнодохнул жгучим воздухом. В вое ветра потонул грохот валунов. Стало вполне светло, и я разглядел поднимающиеся по дороге на перевал отряды мятежников.

Что-то их маловато, подумал я.

Взгляд привлекла одинокая фигура на краю другого уступа. Кто-то из Взятых, но его не опознать при столь переменчивом и тусклом освещении. Он кивал, наблюдая за муками врагов.

Свечение расплавленных скал, обвалы и пламя распространялись дальше, пока всю панораму не расцветили красные полосы и не испещрили клочущие озера лавы.

В щеку ударила капля. Удивившись, я задрал голову и получил новый смачный шлепок, на этот раз по носу.

Звезды исчезли. Надо мной так низко, что можно коснуться рукой, двигалось рыхлое брюхо грозовой тучи, причудливо расцветенное адскими огнями каньона.

Ливень задел меня лишь краешком, но едва не свалил с ног. Чуть дальше он был просто бешеным.

На расплавленные скалы хлынула вода. Я едва не оглох от рева пара. Разноцветный, он ураганом хлестнул в небо. Я помчался прочь от обрыва, чудом не угодив в раскаленные клубы.

«Бедные мятежники, – подумал я. – Сварились, как раки...»

Был ли я разочарован Взатыми, считал ли, что они скупы на впечатляющие чудеса? Возможно – но лишь до этой минуты. Осознав, с каким ледяным спокойствием, с какой безжалостной расчетливостью готовилась расправа над войском Твердеца, я с трудом удержал ужин в желудке.

Меня донимали угрызения совести, знакомые каждому наемнику, но мало кому понятные за пределами нашей профессии. Моя работа – побеждать врагов нанимателя. Побеждать, как правило, любым доступным способом. И небо свидетель тому, что Отряд послужил нескольким жестокосердным злодеям. Но в том, что произошло сейчас, было нечто неправильное. Наверное, позже мы все это ощутим. Возможно, чувство вины породилось невольной солидарностью с такими же солдатами, которые умирали, не имея возможности защищаться.

Все-таки у бойцов Черного Отряда есть представление о чести.

Стихли рев ливня и шипение пара. Я вернулся на обрыв. В каньоне было темно, а несколько светлых пятнышек не в счет. Я поискал Взятого, которого видел недавно, но ушел и он.

Когда ветер унес последние облака, небо украсилось крошечной ироничной улыбкой – это показалась комета. Ее хвост отчетливо изгибался. Над зазубренным горизонтом осторожно приподнялась луна, опасливо обозревая изувеченный ландшафт.

В лагере запели горны, в жестяных голосах отчетливо звучала паника. Им вторил приглушенный расстоянием шум сражения, быстро набирающего силу. Судя по звукам, схватка была жестокой и беспорядочной. Я направился в рощу к госпиталю, не сомневаясь, что вскоре появится работа. Сам не знаю почему, но особой тревоги или волнения я не испытывал.

Мимо целеустремленно промчались посыльные. Капитан хорошо вымуштровал присоединившихся к нам солдат из разбитых подразделений, приучил их к дисциплине.

Что-то с шелестом пронеслось над головой. Темный прямоугольник летел в лунном свете, постепенно опускаясь к месту сражения. Душелов на летающем ковре.

Вокруг него образовался кокон из яркого фиолетового света. Ковер резко дернулся, скользнул на десяток ярдов в сторону. Свет побледнел, сжался в точку над головой Душелова и исчез, оставив мне мелькающие в глазах крапины. Я пожал плечами и снова зашагал вверх по склону.

Первые раненые уже ковыляли к госпиталю. У меня полегчало на душе – эта картина говорила об эффективности и стойкости командиров, сохраняющих хладнокровие в разгар схватки. Капитан без преувеличения творил чудеса.

Я услышал топот – несколько рот шли куда-то в темноте, – и это подтвердило мое подозрение. Недавняя атака – не просто неудачная вылазка тех, кто редко осмеливался действовать по ночам. Ночная тьма всецело принадлежит Госпоже. Каким-то образом нас сумели обойти с фланга.

– Наконец-то ты осчастливил меня своим присутствием! – рявкнул Одноглазый. – Топай в хирургию. Я уже велел зажечь там лампы.

Я вымыл руки и пошел к хирургам. Врачи Госпожи вместе со мной героически принялись за дело, и впервые за все время, что мы ей служим, я почувствовал, что смогу оказать раненым реальную помощь.

Но они все поступали и поступали. Сражение разгоралось, и вскоре стало очевидным, что атака мятежников в каньоне была лишь отвлекающим маневром. Эффектная драма, разыгранная Взятыми, оказалась почти бесполезной.

Рассвет уже окрасил небо, когда я, подняв голову, увидел рядом Душелова. Он выглядел так, словно его поджарили на медленном огне, а затем обваляли в чем-то синеватом, зеленоватом и тошнотворном. От него попахивало дымом.

– Грузи раненых в фургоны, Костоправ, – приказал он деловым женским голосом. – Капитан уже выслал тебе десяток помощников.

Весь транспорт, включая пришедшие с юга фургоны, стоял на площадке выше моего госпиталя под открытым небом. Я посмотрел в ту сторону. Высокий и тощий тип с кривой шеей командовал возницами, разворачивающими фургоны.

– Что, продули сражение? – поинтересовался я. – Вас застали врасплох?

– Мы достигли большинства поставленных целей, – ответил Душелов, проигнорировав мою последнюю фразу. – Лишь одна задача не выполнена. – На сей раз он выбрал низкий и медлительный голос человека, привыкшего произносить речи. – Еще рано судить, в чью пользу закончится битва. Вашему Капитану удалось превратить этот сброд в серьезную силу. Но ты все же увози раненых. Малейшая неудача – и госпиталь достанется врагу.

Несколько фургонов, поскрипывая, катились в нашу сторону. Я пожал плечами, передал помощникам распоряжение Взятого и склонился над очередным человеком, которому требовалась моя помощь. Работая, я спросил Душелова:

– Раз исход сражения еще не ясен, то почему вы не там, почему не громите мятежников?

– Костоправ, я выполняю приказ Госпожи. Копуша и Мошка погибли. Тихушник очень тяжело ранен – Меняющему удалось выполнить задуманный трюк. Нам остается только одно – приканчивать мятежных генералов одного за другим.

Меня охватило замешательство, а противоречивые мысли, как я их ни сдерживал, сумели добраться до языка:

– Но почему мы не пытаемся разгромить противника здесь?.. Ведь кампания на севере оказалась для Круга тяжелой.

Сперва Загребущий, затем Шепот. Теперь Копуша и Мошка.

– На очереди Тихушник и Твердец. Да, они били нас раз за разом, но каждая победа обходилась им очень дорого.

Мой собеседник посмотрел вниз – по склону к нам поднимался небольшой отряд с Вороном во главе. Потом Душелов взглянул на стоянку фургонов. Висельник уже не жестикулировал. Судя по его напряженной позе, он к чему-то прислушивался.

– Шепот пробила брешь в стенах Стужи, – сообщил Душелов. – Крадущийся заключил сделку с лукавыми менгирами на равнине Страха, он приближается к пригородам Стука. Безликий сейчас на равнине Страха, движется к Амбарам. Говорят, вчера ночью в Эйде покончил с собой Пакет, чтобы не попасть в плен к Костоглоду. Все не так плохо, как кажется, Костоправ.

«Как бы не так, – подумал я. – Это все на востоке, а мы тут, на севере. С какой стати мне радоваться победам, одержанным у черта на куличках? Нас давят здесь, и если мятежники прорвутся к Чарам, то уже ничто из случившегося на востоке не будет иметь значения».

Ворон остановил свой отряд и подошел ко мне:

– Что нужно делать?

Конечно же, их прислал Капитан, а значит, дан приказ отступить. Капитан не станет играть в игры Взятого.

– Грузите всех, кого мы обработали. – Я указал на фургоны, уже выстроенные в аккуратную линию возницами. – Пусть с каждым фургоном отправится десяток ходячих. Мы с Одноглазым и остальными хирургами останемся здесь, будем резать и шить дальше.

Мне не понравилось выражение глаз Ворона. Он смотрел на Душелова. Я тоже повернулся к Взятому.

– Я ему еще не сказал, – произнес Душелов.

– О чем не сказал?

Я понял: мне не понравится то, что я сейчас услышу. От этих двоих веяло тревогой, а так пахнут только самые скверные новости.

Ворон улыбнулся – натянуто, безрадостно.

– Костоправ, нам с тобой снова поручают особое дело.

– Что? Нет! Больше никогда! – Меня все еще бросало в дрожь при воспоминании о том, как я помогал справиться с Хромым и Шепот.

– У тебя есть практический опыт, – заметил Душелов.

Я вновь затряс головой.

– Я обязан пойти, Костоправ, и ты тоже! – рявкнул Ворон. – К тому же ты наверняка захочешь занести в Анналы, как собственными руками уничтожил больше членов Круга, чем любой из Взятых.

– Чушь! За кого вы меня принимаете? Я не охотник за головами, а простой лекарь. Анналы и сражения – обстоятельства побочные и случайные.

– И этого человека Капитану пришлось вытаскивать из драки, когда мы шли через Ветреный край, – сказал Ворон.

Глаза у него были прищурены, на щеках поигрывали желваки. Он тоже не хотел идти и вымещал свое недовольство, подзуживая меня.

– Уператься бессмысленно, Костоправ, – добавил Душелов детским голосом. – Тебя выбрала Госпожа. – Он добавил, пытаясь смягчить мое разочарование: – Она щедро вознаграждает тех, кто угождает ей. А к тебе Госпожа благосклонна.

Я проклял себя за прежний романтизм. Тот Костоправ, что прибыл на север и по уши увяз в фантазиях о таинственной Госпоже, был совсем другим человеком – абсолютно невежественным сопляком.

Вот-вот. Иногда приходится лгать самому себе, лишь бы остаться в живых.

– На этот раз мы будем не одни, Костоправ, – подбодрил меня Душелов. – Нам помогут Висельник, Меняющий и Зовущая Бурю.

– Выходит, нужна целая команда, чтобы пришить одного бандита? – кисло заметил я.

Конечно же, Душелов не заглотил приманку.

– Ковер там, – указал он. – Берите свое оружие и идите.

И ушел.

Я сорвал злость на ни в чем не повинных помощниках. Наконец, когда Одноглазый уже был готов взбелениться, Ворон негромко произнес:

– Не будь козлом, Костоправ. Раз нам поручили это сделать, пойдем и сделаем.

Я извинился перед всеми и направился к поджидающему нас Душелову.

– Залезайте, – указал он на ковер.

Мы с Вороном уселись, как в прошлый раз. Взятый вручил нам по куску веревки:

– Не обещаю увеселительной прогулки. Привяжитесь покрепче, не хочу, чтобы вы свалились. И держите наготове нож, чтобы быстро разрезать веревки, когда прилетим.

Если честно, перспектива нового полета обрадовала меня, потому что воспоминания о предыдущем наполняли душу радостью и очарованием. В небесах, где царят орлы и дует прохладный ветер, я испытал восхитительное чувство свободы.

Даже Душелов привязался. Скверный знак.

– Готовы?

Не дожидаясь нашего ответа, он забормотал. Ковер мягко покачнулся и воспарил – легкий, словно перышко на ветру.

Мы поднялись над верхушками деревьев. Рама, на которую был натянут ковер, резко поддала мне снизу. Желудок провалился к пяткам, в ушах засвистел ветер. Шляпу сдуло, я не успел ее поймать. Ковер опасно накренился, и я, невольно разинув рот, уставился на быстро удаляющуюся землю. В меня вцепился Ворон. Не будь мы оба привязаны, лететь бы нам сейчас кувырком вниз.

Мы промчались над каньонами, похожими сверху на безумный лабиринт. Мятажники напоминали армию муравьев на марше.

Я оглядел небосвод – с высоты зрелище оказалось восхитительным. Орлов не увидел, только стервятников. Ковер пронесся сквозь одну из стай, рассеяв ее.

Откуда-то поднялся второй ковер, пролетел рядом, затем лег на параллельный курс в отдалении, превратившись в точку. На нем я увидел Висельника и двух тяжеловооруженных имперских солдат.

– А где Зовущая? – спросил я.

Душелов вытянул руку. Я напряг глаза и рассмотрел в голубом небе над пустыней еще одну точку.

Мы летели так долго, что я уже засомневался: а произойдет ли вообще что-нибудь? Наблюдать за мятажниками мне вскоре опротивело. Они добились слишком больших успехов.

– Приготовиться, – бросил через плечо Душелов.

Я вцепился в веревки, ожидая нового испытания нервов на прочность.

– Держись!

Внезапно рама подо мной словно провалилась. Мы камнем полетели вниз, вниз, вниз... Свист раздираемого воздуха превратился в вой. Земля вращалась, дергалась и неслась навстречу. Далекие пятнышки – Висельник и Зовущая – не отставали и постепенно увеличивались. Мы двигались с трех сторон к одной точке.

Мы снизились до перевала, где наши братья напряженно бились, преградив путь многочисленным врагам. Потом опустились еще ниже, но уже полого – и понеслись, отчаянно лавируя, между изъеденными ветром башнями из песчаника. До некоторых из них я смог бы при желании даже дотронуться.

Впереди показался небольшой луг. Ковер резко сбросил скорость, затем повис.

– Он здесь, – прошептал Душелов.

Мы скользнули вперед еще на пару ярдов и чуть-чуть приподнялись, чтобы выглянуть из-за столба песчаника.

Некогда зеленый луг был весь перепахан сапогами и копытами. Мы увидели десяток фургонов и возниц возле них. Душелов негромко выругался.

Из промежутка между каменными столбами левее нас что-то вылетело. Бабах! Полыхнуло, каньон содрогнулся от грохота, фонтаном брызнули ошметки дерна. Люди закричали, забегали, стали хвататься за оружие.

В воздухе снова что-то мелькнуло, но уже с другой стороны. Не знаю, что предпринял Висельник, но мятежники задыхались, хватались за горло.

Один из них, очень крупный мужчина, сумел стряхнуть магическое наваждение и, спотыкаясь, направился к огромной черной лошади, привязанной к шесту в дальнем конце луга. Душелов быстро послал ковер вперед. Рама ударилась о землю.

– Слезайте! – рявкнул он и выхватил меч.

Мы с Вороном перерезали веревки, слезли с ковра и на ослабевших с непривычки ногах последовали за Душеловом. Тот набросился на задыхающихся фургонщиков и принялся рубить направо и налево. Мы тоже внесли свой вклад в эту бойню, хотя и с меньшим энтузиазмом.

– А какого дьявола вы тут торчали?! – рычал Душелов на свои жертвы. – Я рассчитывал застать его одного.

Два других ковра опустились ближе к убегающему человеку. Взятые и их помощники погнались за ним на подгибающихся после долгого сидения ногах. Мужчина вскочил на лошадь и рассек удерживающую ее веревку резким ударом меча. Я смотрел на него не отрываясь – вот уж не ожидал, что Твердец окажется таким страшилой. Его физиономия была ничуть не менее уродливее той, что появилась во время драчки Гоблина с Одноглазым.

– Вперед! – гаркнул Душелов, зарубив последнего фургонщика, и бросился к Твердецу.

Мы бежали следом, и я недоумевал, почему у меня не хватило благоразумия остаться на месте.

Генерал мятежников уже не убегал. Свалив одного из имперцев, который опередил всех нас, он расхохотался и проревел что-то непонятное. Воздух затрещал, наполнившись концентрированной магией.

Вокруг Взятых вспыхнул фиолетовый свет, даже более яркий, чем тот, что окутал ночью Душелова. Все трое застыли. Мощное оказалось колдовство – усилия Взятых целиком ушли на сопротивление. Тем временем Твердец обратил свое внимание на нас.

Второй имперский солдат подобрался к нему вплотную. Огромный меч Твердеца обрушился на него, точно молот. Солдат прикрылся клинком, но не удержался на ногах. Твердец пришпорил лошадь, чтобы его растоптать, но та аккуратно переступила через лежащего

солдата. Генерал бросил взгляд на Взятых, смачно обругал неторопливое животное и плашмя шлепнул его мечом.

Но лошадь и после этого не пожелала двигаться быстрее. Твердец яростно врезал ей по шее и взвыл – рука словно приклеилась к гриве. Крик ярости сменился криком отчаяния. Он попытался заколоть лошадь, но не смог даже порезать ей шкуру, и тогда метнул оружие во Взятых. Окутывающее их фиолетовое свечение уже начало бледнеть.

Ворона отделяли от Твердеца всего два шага, а я отставал от товарища на три. Столь же близко, но с другой стороны, находились солдаты, прилетевшие с Зовущей.

Ворон взмахнул мечом и нанес сильный режущий удар снизу вверх. Кончик клинка чиркнул по животу Твердеца и... отскочил. Кольчуга? Огромный кулак с размаху припечатался к виску Ворона. Тот зашатался, отступил на шаг и мешком осел на землю.

Не задумываясь, я рубанул Твердеца по руке. Мы оба завопили, когда сталь рассекла кость и брызнул красный фонтан.

Я склонился над Вороном, но тут же обернулся. Солдаты Зовущей крошили Твердеца в капусту. Его рот был распахнут, иссеченное шрамами лицо искажено – он упрямо игнорировал боль, одновременно пытаясь спастись при помощи магии. Взятые пока выбыли из игры, и его противниками стали три обычных человека. Но сейчас все это не имело значения.

Мой взгляд неудержимо притягивала лошадь Твердеца. Животное таяло... Нет, не таяло. Оно менялось.

Я хихикнул. Великий генерал мятежников сидел на спине Меняющего.

Мой смех превратился в безумный хохот.

Этот недолгий припадок не позволил мне поучаствовать в добивании Твердеца. Два солдата Зовущей разрубили его на куски, пока Меняющий не давал ему вырваться. Твердец испустил дух намного раньше, чем мне удалось успокоиться.

Висельник тоже пропустил развлечение. Ему было не до того, потому что из его черепа торчал брошенный Твердецом меч. К умирающему уже направлялись Душелов и Зовущая.

Меняющий к тому времени завершил превращение в огромное, лоснящееся, вонючее, жирное и голое существо, которое, хотя и стояло на задних ногах, почему-то меньше напоминало человека, чем недавно изображаемое Взятым животное. Он пнул останки Твердеца и радостно квакнул, словно его смертельный трюк был лучшей шуткой века.

И тут он заметил Висельника. Жирная туша содрогнулась, и Меняющий заторопился к другим Взатым, с пеной у рта изрыгая что-то неразборчивое.

Висельник вырвал меч из своего черепа и попытался заговорить, но безуспешно. Зовущая и Душелов даже пальцем не шевельнули, чтобы ему помочь.

Я опустил на колени и проверил у Ворона пульс, потом взглянул на Зовущую. Какая же она крошечная – не выше ребенка. И как в такой маленькой оболочке умещается столько злобы?

Меняющий побрел по лужайке, на его поникших плечах под слоем жира гневно бугрились мускулы. Подойдя вплотную к Душелову и Зовущей, остановился и обшарил их лица напряженным взглядом. Не было произнесено ни единого слова, но судьба Висельника, кажется, была решена. Меняющий хотел ему помочь. Остальные – нет.

Загадка. Меняющий – союзник Душелова. В чем причина этого внезапного конфликта? Откуда это смелое пренебрежение гневом Госпожи? Она не обрадуется, если Висельник умрет.

Когда я коснулся артерии на шее Ворона, пульс был неровным, но постепенно наполнился. Я облегченно вздохнул.

Солдаты Зовущей подошли к Взатым, поглядывая на широченную спину Меняющего.

Душелов и Зовущая переглянулись. Женщина кивнула. Душелов завертелся волчком. Прорези на его маске вспыхнули красным цветом лавы.

И внезапно Душелов исчез. Там, где он только что находился, появилось облако мрака высотой десять футов и шириной двенадцать, черное, как нутро угольного мешка, и плотнее самого густого тумана. Облако метнулось вперед проворней гадюки. Послышался удивленный мышинный писк, и наступила зловещая долгая тишина. После рева и лязга она показалась мне смертельно многозначительной.

Я яростно потряс Ворона, но он не очнулся.

Меняющий и Зовущая стояли возле Висельника, пристально глядя на меня. Хотелось завопить, убежать, зарыться в землю. Я внезапно стал волшебником, способным прочесть их мысли. Я слишком много знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.